

САМАЯ ПОЛНАЯ ВЕРСИЯ

ДРАКУЛА

БРЭМ СТОКЕР

КОЛЛЕКЦИОННОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ

Подарочные издания. Иллюстрированная классика

Брэм Стокер

Дракула. Самая полная версия

«Алисторус»

1897, 1914

УДК 82-31
ББК 83.3

Стокер Б.

Дракула. Самая полная версия / Б. Стокер — «Алисторус», 1897, 1914 — (Подарочные издания. Иллюстрированная классика)

ISBN 978-5-907363-39-7

Ни одна книга в европейской литературе не может сравниться по популярности с романом Брэма Стокера «Дракула», главный герой которого вырвался далеко за рамки не только самого романа, но и всей литературы в целом, став своего рода символом дней нынешних и дней минувших. Соединив в тексте фольклорные мотивы с фигурой кровавого диктатора XV века, Брэм Стокер создал поистине легендарный образ самого черного и мрачного романтического героя в истории. Множество классических приемов жанра «мокьюментари», которые использовал автор, еще задолго до создания самого жанра, дали уникальный эффект: Дракула ожил. Зная о том, что герой этот - плод писательского воображения, люди все равно продолжали в него верить, придумывать истории о нем, наделять его все новыми качествами. К сожалению, Брэм Стокер не увидел триумфа своего романа. Всю свою жизнь он мечтал о литературной славе, но истинного успеха он добился лишь после смерти. В предлагаемое издание вошел один из самых полных переводов романа на русский язык, а также сборник рассказов «Навеки ваш, Дракула», который писатель подготовил к юбилейному спектаклю по мотивам романа. Увидеть выход этого сборника в свет автору было уже не суждено. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-31
ББК 83.3

ISBN 978-5-907363-39-7

© Стокер Б., 1897, 1914

© Алисторус, 1897, 1914

Содержание

Введение	8
Дракула	13
Глава первая	14
Глава вторая	23
Глава третья	31
Глава четвертая	40
Глава пятая	47
Глава шестая	53
Глава седьмая	60
Глава восьмая	68
Глава девятая	77
Глава десятая	84
Глава одиннадцатая	93
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Брэм Стокер

Дракула. Самая полная версия

*То вечно должен ты вокруг
Престола Иблиса кружиться,
И будет грудь гореть огнем...
Нет, о страданиях твоих
Пересказать не хватит силы.
Но перед этим из могилы
Ты снова должен выйти в мир
И, как чудовищный вампир,
Под кровлю приходишь родную —
И будешь пить ты кровь живую
Своих же собственных детей.
Во мгле томительных ночей,
Судьбу и небо проклиная,
Под кровом мрачной тишины
Вопьешься в грудь детей, женья,
Мгновенья жизни сокращая.
Но перед тем, как умирать,
В тебе отца они признают
Успеют.*

Г. Г. Байрон¹

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РОДИНА

© Перевод – коллектив авторов (Н. Сандрова, В. Смирнова и пр.)
© ООО «Издательство Родина»

Введение

Ирландский английский писатель, журналист и театральный критик Абрахам Стокер родился в Клонтарфе. В те времена это была небольшая деревня в трех милях от Дублина. Автор «Дракулы» вырос в протестантской семье государственного служащего офиса Главного секретаря в Дублинском замке. Абрахам был третьим из семи детей, старшим из которых был Торнли Стокер, ставший впоследствии очень известным хирургом.

Все родные называли будущего писателя Брэмом, к этому имени он привык и впоследствии именно так подписывал свои литературные произведения. До семи лет он страдал неизвестной болезнью, был парализован и не мог ходить, но затем недуг неожиданно отступил. В 1859-м он поступил в частную школу. С 1864 по 1870 годы учился на факультете математики и естественных наук в Тринити-колледже (часть Дублинского университета). Во время учебы вступил в «Философское общество», а вскоре и вовсе стал его председателем. Помимо этого, он активно занимался спортом, в особенности греблей и плаванием. Спустя много лет эти навыки пригодились ему, Брэм Стокер спас человека, тонущего в мутных водах Темзы, за что был впоследствии награжден медалью.

Абрахам «Брэм» Стокер (1847–1912)

В мае 1871 года писатель, по примеру отца, поступил на государственную службу в резиденцию вице-короля клерком мелких сессий. И тогда же страстно увлекся театром, стал публиковать статьи с критикой постановок в газете «Dublin Evening Mail», затем обратился к жанру малой прозы. Его жизнь коренным образом перевернулась после знакомства в декабре 1876 года со знаменитым английским актером Генри Ирвингом. Стокер дал очень благожелательную оценку о его роли Гамлета в Королевском театре в Дублине, тот в свою очередь пригласил рецензента на обед. Вскоре они сделались приятелями, а в конце 1878-го года их дружба переросла в бизнес-сотрудничество. Генри Ирвинг предложил другу стать распорядителем его

театра «Лицеум». Писатель принял это предложение. Вместе со своей юной женой Флоренс Бэлкомб он переехал в Лондон и приступил к работе в театре.

В 1880-90-х писатель активно путешествовал вместе со своим театром, благодаря чему стал вхож в лучшие дома Америки, познакомился с выдающимися людьми своей эпохи: сэром Артуром Конан Дойлом, Джеймсом Уистлером, возобновил знакомство с Оскаром Уайльдом, с которым учился в университете.

Свои литературные опыты Стокер начал еще в 1870-х, публиковал статьи, заметки и короткие рассказы. Некоторые рассказы печатались без подписи автора, поэтому до сих пор исследователи находят все новые заметки, принадлежащие перу мастера.

Первый роман Стокер опубликовал в 1875-м году. Это произведение рассказывало о чересчур усердном плотнике, который устраивается на работу в театр и постепенно начинает сходить с ума. Долгое время текст романа считался утерянным, однако в конце XX века он нашелся и стал известен публике под названием «Тропа меж примул». Ни этот, ни несколько последующих романов автора не принесли ему славы и денег, однако, литературные опыты помогли ему наладить связи в книгоиздательском бизнесе. В 1890-х Стокер вместе со своим приятелем Уильямом Хейнеманом открыл небольшое издательство, в рамках работы которого они стали публиковать дешевые издания популярных авторов, в том числе Стокер издавал и свои произведения. Предприятие просуществовало недолго, но постепенно к Стокеру стала приходить кое-какая известность.

Задумка написать роман о вампире пришла к Стокеру на отдыхе. Он стал изучать мифы и легенды, посвященные этим существам, и вскоре родилась идея написать роман с черным названием «Восставший из мертвых». Впоследствии Стокер решил сократить название до одного слова: «Восставший». Незадолго до публикации автор вновь передумал и дал роману новое название: «Нежить». Предполагалось, что именно под этим названием роман и будет опубликован, лишь в последний момент все решили переиграть. Стокер очень переживал по поводу выхода новой книги, предчувствуя, что она наконец подарит ему долгожданное признание. Как театральный деятель, Стокер прекрасно понимал, сколь выигрышно будет смотреться пьеса на основе сюжета «Дракулы», поэтому даже решился на авантюру и взялся переделать роман в пьесу, чтобы поставить ее на сцене своего театра. Таким образом он хотел привлечь к своей работе дополнительное внимание, а также защитить авторские права. Пьеса была плохо проработана, автору явно не хватило времени на эту переделку, но Стокер все же решился явить постановку на строгий суд зрителя. Это был ужасный провал, даже лучший друг писателя Генри Ирвинг, раскритиковал эту работу и попросил друга больше не отнимать хлеб у драматурга.

26 мая 1897-го года в издательстве «Archibald Constable and Company» в Вестминстере вышел и поступил в продажу роман Брэма Стокера «Дракула», над которым автор работал несколько лет. Удивительно, но мнение критики по поводу этого романа разделилось. Одни считали Стокера достойным продолжателем дела Мэри Шелли, другие же считали, что роман Ричарда Марша «Жук», вышедший в то же время, имеет куда более серьезные шансы на успех. Роман «Дракула» полюбился читателю, то и дело его переводили на другие языки мира, публиковали в разных странах, но это была вовсе не та слава, о которой мечтал Стокер. Лишь мать писателя по достоинству оценила новый роман сына: «Дорогой, это великолепно, и это тысяча миль от всего, что ты написал раньше, и я уверена, что тебя очень высоко ценят, и ты станешь в один ряд с писателями своего времени».

В 1900-х годах в жизни писателя произошла череда трагических событий. Друг и начальник Стокера Генри Ирвинг обанкротился, из-за чего пришлось закрыть театр. Мать Стокера скончалась после продолжительной болезни. Умер Оскар Уайльд, с которым автор «Дракулы» дружил еще со студенческих лет. Все это повергло писателя в черную депрессию, лекарством

от которой служило лишь писательство. Он стал публиковать романы, которые весьма сдержанно принимались публикой, но помогали Стокеру сводить концы с концами.

В 1905-м году умер Генри Ирвинг, лучший друг и соратник писателя. Его смерть подкосила Стокера окончательно: с писателем случился удар, после которого он не мог оправиться несколько месяцев. Спустя некоторое время случился рецидив, за которым последовал паралич. Чтобы отвлечься от весьма печальной действительности, Стокер принялся за написание воспоминаний о Генри Ирвинге. Спустя какое-то время книга «Личные воспоминания о Генри Ирвинге» принесла Стокеру славу и деньги, хотя и вызвала несколько противоречивые отзывы из-за чересчур личного повествования. Здоровье писателя начало медленно восстанавливаться, и нужно было заботиться о хлебе насущном. Писатель устроился в несколько газет, стал активно публиковать статьи, заметки и приключенческие романы.

В 1911-м году финансовые трудности вновь нагнали писателя. Стокеру даже пришлось обратиться в Королевский литературный фонд с просьбой о финансовой поддержке. Прошение было удовлетворено, а деньги от полученного гранта пошли на погашение долгов и написание своего последнего романа: «Логово белого червя».

В начале 1912-го года глубоко больной Брэм Стокер скончался на St George's Square в Лондоне. В свидетельстве о смерти была указана причина кончины писателя – переутомление. Поговаривали, что причиной смерти был третичный сифилис, но никаких фактических доказательств этому не было.

Через два года вдова Флоренс Стокер, которой после смерти осталось небольшое наследство от мужа в размере 4 664 фунтов, к годовщине его смерти издала сборник из девяти рассказов «Гость Дракулы» и другие странные истории» (1914). В нём было четыре ранее не издававшихся рассказа, один из которых, давший заголовок всему сборнику, был начальной главой романа «Дракула», которая не была включена в первое издание. Лишь спустя несколько лет после смерти Стокера нагнала настоящая мировая слава, о которой он мечтал всю свою жизнь.

Дракула

Семь лет прошло с тех пор, как окончились наши злоключения, и теперь мы вознаграждены счастьем за прошлую боль. Еще более радостно для Мины и меня, что наш мальчик родился того же числа, когда умер Квинси Моррис. Я знаю, моя жена надеется, что к сыну перейдет частица возвышенной и мужественной души этого человека. Назвали мы его Квинси.

Этим летом мы отправились в Трансильванию и побывали в тех местах. Было почти невозможно поверить в то, что все происшедшее тогда с нами – правда. Мы постарались вычеркнуть эти воспоминания из памяти. Замок все еще стоит, возвышаясь над запустением.

Когда мы вернулись, то стали вспоминать былые времена, которые сейчас уже не вызывают ужаса. Я достал бумаги из сейфа, где они лежали с тех самых пор. И как же мы были поражены, когда увидели, что из всей груды отпечатанных на машинке страниц лишь мои позднейшие дневники, записные книжки Мины и Сьюарда и меморандум Ван Хельсинга являются действительно документальным подтверждением всего пережитого нами. Мы с трудом могли поверить в то, что это единственные факты безумной истории. Ван Хельсинг подвел итог, усадив нашего сына к себе на колени:

– Нам не нужны доказательства! Мы никого не просим верить нам! В один из дней этот мальчик откроет, какая бесстрашная у него мать. Пока что он знает только ее заботу и ласку, но позже поймет, почему несколько мужчин любят ее больше жизни.

Джонатан Харкер

Глава первая

Дневник Джонатана Харкера

(записано стенографически)

3 мая

Выехал из Мюнхена 1 мая в 8 часов 35 минут вечера и прибыл в Вену рано утром на следующий день; должен был приехать в 6 часов 46 минут, но поезд опоздал на час. Будапешт, кажется, удивительно красивый город; по крайней мере такое впечатление произвело на меня то, что я мельком видел из окна вагона, и небольшая прогулка по улицам. Я боялся отдаляться от вокзала. У меня было такое чувство, точно мы покинули запад и оказались на востоке, а самый западный из великолепных мостов через Дунай, который достигает здесь громадной ширины и глубины, напомнил мне о том, что мы находимся недалеко от Турции. Выехали мы своевременно и прибыли в Клаузенберг² после полуночи. Я остановился на ночь в гостинице «Руаяль». К обеду или, вернее, к ужину подали цыпленка, приготовленного каким-то оригинальным способом с красным перцем – прекрасное оригинальное блюдо, но сильно возбуждающее жажду.

(Примечание: надо взять рецепт для Мины.)

Я пришел к заключению, что как ни скудны мои познания в немецком языке, все же они оказали мне большую услугу. Право, не знаю, как бы я обошелся без них. Во время моего последнего пребывания в Лондоне я воспользовался свободным временем, чтобы посетить Британский музей³, где рылся в книгах и атласах книжного отдела Трансильвании; мне казалось, что впоследствии, при моем сношении с магнатами этой страны, всякая мелочь может пригодиться. Я выяснил, что интересовавшая меня область лежит на крайнем востоке страны, как раз на границах трех областей: Трансильвании, Молдавии и Буковины⁴, посреди Карпатских гор; я убедился, что это одна из самых диких и малоизвестных частей Европы и никакие географические карты и другие источники не могли мне помочь определить местоположение «Замка Дракулы», так как до сих пор нет подробной географической карты этой области. Но все же мне удалось узнать, что почтовый город Быстрица – упомянутый графом Дракулой – существует на самом деле. Здесь я внесу кое-какие примечания, дабы впоследствии, когда буду рассказывать Мине о своем путешествии и пребывании в этих краях, восстановить в памяти все виденное мною. Трансильвания населена четырьмя различными народностями: саксонцами⁵ – на севере, валахами⁶ – на юге, мадьярами⁷ – на западе и секлерами⁸ – на востоке и северо-востоке. Я нахожусь среди последних. Они утверждают, что происходят от Атиллы и

² Клаузенбург – город на северо-западе современной Румынии.

³ Британский музей – главный историко-археологический музей Британской империи. Был создан в 1753 г. на основе частных коллекций.

⁴ Буковина (буквально «страна бука») – историческая область в Восточной Европе.

⁵ Саксонцы, или саксы, – древнегерманское племя. Саксы в V в. н. э. разделились на две части: одни пошли на юг, в Германию, а другие – на запад, в Британию.

⁶ Валахи – название предков молдаван, румын и всего восточнороманского населения Балкан и Карпат начиная со Средневековья. Потомки даков.

⁷ Даки – группа фракийских племен, проживавших на востоке Балкан. Даки известны по греческим источникам начиная с V в. до н. э.

⁸ Секлы, или секлеры, – мадьярское племя, проживавшее на территории Трансильвании. Со времен Средневековья известны как отважные воины, игравшие важную роль в венгерской армии.

гуннов⁹. Возможно, что так оно и есть, поскольку в XI веке, когда мадьяры завоевали страну, она была сплошь заселена гуннами.

Я где-то вычитал, что в недрах Карпатских гор зародились суеверные предания и легенды всего мира, как будто в них находится центр водоворота фантазии; если это так на самом деле, то мое пребывание здесь обещает быть очень интересным.

(Примечание: надо спросить об этом у графа.)

Я плохо спал, хотя кровать моя была довольно удобна; мне снились какие-то страшные сны. Какая-то собака всю ночь завывала под моим окном, что может быть и повлияло на эти сны, а может быть, «паприка¹⁰» всему виной, так как, хотя я выпил весь графин воды, все же не мог утолить жажды. Под утро я, по-видимому, крепко заснул, так как, чтобы добудиться меня, пришлось с полчаса неистово стучать в дверь. К завтраку подали опять «паприку», затем особую похлебку из кукурузной муки, так называемую мамалыгу¹¹, и яйцеобразные питательные плоды – Демьянку, начиненные мелконарубленным мясом – превосходное блюдо; называется оно «имплетата».

(Примечание: необходимо раздобыть этот рецепт тоже.)

Мне пришлось поторопиться с завтраком, так как поезд отходил за несколько минут до 8-ми; вернее, он должен был отойти в это время, но когда я, примчавшись на станцию в 7 часов 30 минут, сел в вагон, выяснилось, что ранее половины девятого поезд и не подумал трогаться. Мне кажется, чем дальше к Востоку, тем менее точны поезда. Что же делается в таком случае в Китае? Воображаю...

В продолжение всего следующего дня мы любовались мелькавшими перед нами картинами, полными разнообразной красоты. Мимо проносились то маленькие города или замки на вершинах крутых холмов, похожие на те, которые встречаются на гравюрах в старинных книгах Св. Писания; то бурные потоки и реки, окаймленные белыми каменными берегами. На каждой станции толпилась масса людей в разнообразнейших нарядах.

К вечеру мы добрались, наконец, до Быстрица, оказавшегося очень интересным старинным уголком.

Граф Дракула в своих письмах рекомендовал мне гостиницу «Золотая Корона», которая оказалась, к моему большому восторгу, выдержанной в старинном стиле; моим самым пламенным желанием было видеть все то, что могло бы дать мне верное представление о стране. По-видимому, меня здесь ожидали, так как в дверях мне встретилась веселая на вид, пожилая женщина, одетая в обычный национальный крестьянский костюм: в белую юбку с двойным длинным передником из цветной шерстяной материи. Когда я подошел, она поклонилась и спросила: «Господин англичанин?»

«Да, – ответил я, – Джонатан Харкер». Она улыбнулась и что-то сказала человеку в жилете, стоявшему за ней тоже в дверях; он вышел и сейчас же вернулся с письмом в руках, которое передал мне. Вот оно:

⁹ Гунны – кочевой народ, вторгшийся в 70-х гг. IV в. из Азии в Восточную Европу. Вторжение гуннов положило начало Великому переселению народов.

¹⁰ Паприка гендл – распространенное на территории Австро-Венгрии блюдо из курицы, тушенной кусками в соусе из лука, сладкой паприки и сметаны.

¹¹ Мамалыга и имплетата – блюда традиционной балканской кухни.

«Мой друг, приветствую Вас в Карнатах! С нетерпением ожидаю Вас. Спите спокойно в эту ночь. Завтра в 3 часа дилижанс отправится в Буковину; одно место оставлено для Вас. В ущелье Борго Вас будет ожидать коляска, которая и доставит Вас в замок.

Я надеюсь, что Вы благополучно приехали из Лондона и что Вам доставит удовольствие пребывание в нашей великоленной стране.

Ваш друг, Дракула».

4 мая.

Хозяин гостиницы, должно быть, получил письмо от графа с поручением оставить для меня место в дилижансе; но на мои расспросы он долгое время ничего не отвечал и делал вид, что не понимает моего немецкого языка. Это не могло быть правдой, так как раньше он прекрасно понимал его; по крайней мере в свое время на мои вопросы он отвечал. Хозяин и его жена поглядывали друг на друга и на меня с каким-то страхом. Наконец, он пробормотал, что деньги были посланы в письме, и что больше он ничего не знает. Когда я спросил, знает ли он графа Дракулу и не может ли что-нибудь рассказать о замке, то он и его жена перекрестились и, сказав, что они ровно ничего не знают, просто-напросто отказались от дальнейших разговоров. Вскоре мне пришлось отправиться в путь, а я так и не сумел никого расспросить. Все это было очень таинственно и отнюдь не действовало на меня ободряюще. Перед самым отъездом ко мне вошла жена хозяина – пожилая дама – и нервно спросила: «Вам непременно нужно ехать, о молодой господин? Вам это необходимо?» Она была в таком возбуждении, что, по-видимому, забыла и тот маленький запас немецких слов, который знала, и примешивала к немецкой речи другой язык, которого я совершенно не знал. Я мог следить за смыслом ее речи только благодаря тому, что задавал много вопросов. Когда я сказал, что должен сейчас же ехать, что меня призывает туда важное дело – она меня опять спросила: «Знаете ли вы, что за день сегодня?» Я ответил, что сегодня 4 мая; она покачала головой и сказала опять: «О, да. Я это знаю, я это знаю. Но знаете ли вы, что за день сегодня?» Видя, что я понятия не имею, в чем дело, она продолжала: «Сегодня канун Святого Георгия. Разве вы не знаете, что сегодня ночью, лишь только пробьет полночь, нечистая сила будет властвовать на земле? А имеете ли вы представление о том, куда вы едете и что вас там ожидает?» Она сильно сокрушалась, и как я ни старался ее утешить, все было безуспешно. В заключение она упала передо мной на колени и начала умолять не ехать туда; или, по крайней мере, переждать день-два. Все это было в достаточной мере смешно, да к тому же я неважно себя чувствовал; тем не менее меня призывали важные дела, и я не мог допустить, чтобы на мой отъезд влияли какие-то бредни. Поэтому я поднял ее с колен и как можно строже сказал, что благодарю за предостережение, но должен ехать. Тогда она встала и, вытерев глаза, сняла со своей шеи крест и предложила мне надеть его. Я не знал, как поступить, так как, будучи членом англиканской церкви¹², с детства привык смотреть на такие вещи как на своего рода идолопоклонство, но я боялся, чтобы мой отказ не показался оскорбительным для пожилой дамы, которая была столь благожелательно настроена ко мне, и колебался, не зная, как поступить. Заметив мою нерешительность, она просто надела мне крест на шею, сказав: «Во имя вашей матери». Вношу это в дневник в ожидании кареты, которая, конечно, запаздывает; а крест так и остался у меня на шее. Не знаю, страх ли пожилой дамы или те многочисленные рассказы о привидениях, которые господствуют в этой местности, или сам крест тому виною – не знаю, но я не чувствую себя так свободно, как всегда. Если этой книге суждено увидеть Мину раньше меня, то пусть она передаст ей мой последний привет. Вот и карета.

¹² Англиканская церковь, или англиканство, – одно из направлений христианства, появившееся в ходе английской Реформации.

5 мая. В замке.

Серое утро сменилось ярким солнцем, высоко стоящим над горизонтом, который кажется зубчатым. Я не знаю, деревья или холмы придают ему такую форму – все так далеко, что большие и маленькие предметы сливаются. Не хочется спать, а так как меня не позовут, пока я сам не проснусь, то я буду писать, пока не засну. Здесь происходит масса странных явлений, которые нужно отметить, но чтобы читатель не вообразил, что я опять слишком хорошо пообедал и поэтому галлюцинирую из-за тяжести в желудке, я подробно опишу свой обед. Мне подали блюдо, которое здесь называется разбойничьим жарким: куски мяса и сала с луком, приправленные паприкой, – все это жарится прямо на углях, так же как в Лондоне кошачье мясо. Вино подали «Золотой медок», странно щиплющее язык, но в общем не неприятное на вкус; я выпил всего только пару бокалов этого напитка и больше ничего. Когда я сел в карету, то кучер еще не занял своего места, и я видел, как он беседовал с хозяйкой. Они, наверное, говорили обо мне, так как то и дело поглядывали в мою сторону; несколько соседей, сидевших на скамьях около дверей, подошли к ним, прислушались к беседе и тоже посмотрели на меня, причем большинство с чувством сострадания.

Я мог расслышать массу слов, которые они часто повторяли, – странные разнообразные слова, должно быть, на разных наречиях, так как в толпе были люди различных национальностей; я незаметно вытащил из сумки свой многоязычный словарь и начал отыскивать слова. Нельзя сказать, чтобы найденные слова звучали особенно ободряюще; вот значение большинства из них: «ordog» – дьявол, «роко!» – ад, «stregoica» – ведьма, «vrolok» и «vlkoslak» – значение обоих слов одно и то же, но одно по-словацки, а другое по-сербски, обозначает что-то среднее между оборотнем и вампиром.

(Примечание: я должен подробно узнать у графа об этих суевериях.)

Когда мы двинулись в путь, то вся толпа высыпала к дверям гостиницы и все осенили себя крестным знаменем, причем два пальца были направлены в мою сторону. С большими трудностями я добился от одного из моих спутников объяснения, что все это значит; сначала он не хотел мне отвечать, но узнав, что я англичанин, объяснил, что это служит как бы талисманом и защитой от дурного глаза. Такое поведение мне не особенно понравилось, так как я ехал в незнакомое место, чтобы встретиться с незнакомым человеком; но, говоря правду, каждый из них был до того искренен, до того чистосердечно огорчен и высказывал мне столько симпатии, что я невольно был тронут. Покрыв широким холстом сидение, наш кучер ударил своим длинным бичом по четырем маленьким лошадам, которые дружно стронули омнибус с места и – наше путешествие началось.

Вскоре я совершенно позабыл о страхе перед привидениями, невольно залюбовавшись красотой природы. Перед нами расстилалась зеленая, покрытая лесами и дубравами местность; то здесь, то там вздымались крупные холмы, увенчанные группами деревьев или же фермами, белые остроконечные края крыш которых были видны с дороги. Везде по дороге встречались в изобилии всевозможные фруктовые деревья в цвету – груши, яблони, сливы, вишни, и проезжая мимо, я ясно видел, как трава под фруктовыми деревьями была сплошь усеяна опавшими лепестками.

Посреди этих зеленых холмов пробегала дорога, то изгибаясь и кружась, то свободно и широко вновь появляясь у опушки сосновых лесов. Дорога была неровная, но тем не менее мы неслись по ней с невероятной, прямо феерической скоростью. Тогда я не понимал причины этой быстроты; по-видимому, кучеру был отдан приказ не терять времени и поспеть в определенный час в ущелье Борго. За зелеными волнистыми холмами возвышались цепи Карпатских гор, покрытые могучими лесами. Они возвышались по обе стороны ущелья Борго, ярко озаренные заходящим солнцем, отливая всеми цветами радуги: темно-голубым и пурпурным

цветом сияли вершины, зеленым и коричневым – трава на скалах; а бесконечно тянувшаяся перспектива зубчатых скал и заостренных утесов предстала перед нашими взорами, покрытая величественными снежными вершинами ослепительно белого цвета. Мы продолжали наше бесконечное путешествие, а солнце за нашей спиной спускалось все ниже и ниже, и вечерние тени начали расстилаться вокруг.

Местами холмы были до того круты, что несмотря на все старания кучера, лошади могли двигаться только шагом. Я хотел, как это принято у нас дома, сойти и помочь лошадям, но кучер и слышать об этом не хотел. «Нет, нет, – говорил он, – вы не должны здесь ходить, тут бродят слишком свирепые собаки и затем, – добавил он, по-видимому шутки ради, так как обернулся к остальным пассажирам, рассчитывая на ободряющую улыбку, – вам и так придется достаточно подождать, прежде чем удастся уснуть». Он только раз остановился, и то лишь затем, чтобы зажечь фонари.

Когда начало темнеть, пассажиры заволновались и один за другим стали обращаться к кучеру с просьбой ехать быстрее. Ударом своего длинного бича и дикими криками кучер заставил лошадей положительно лететь. Затем сквозь темноту я увидел над нами какой-то серый свет – как будто расщелина в холмах. Волнение среди пассажиров все увеличивалось; наша шаткая коляска подсакивала на своих больших кожаных рессорах и раскачивалась во все стороны, как лодка в бурном море. Мне пришлось крепко держаться. Затем дорога выровнялась, и мы понеслись по ней. Потом горы приблизились к нам совершенно вплотную, и мы наконец въехали в ущелье Борго. Все пассажиры один за другим принялись наделять меня подарками; они давали их с такой настойчивостью, что я положительно был лишен возможности отказать; каждый при этом искренне верил, что подарки избавят меня от дурного глаза, каждый из них меня еще благословлял и крестил, точно так же, как на дворе гостиницы в Быстрице. Затем, когда мы помчались дальше, кучер наклонился вперед, а пассажиры, нагнувшись по обе стороны коляски, нетерпеливо вперили взоры в окружающую мглу. Ясно было, что впереди случилось или ожидалось что-то необыкновенное, хотя, сколько я ни расспрашивал пассажиров, никто не давал мне ни малейшего объяснения. Это состояние всеобщего волнения продолжалось еще некоторое время, пока наконец мы не увидели впереди выезд из ущелья. Было темно, надвигающиеся тучи и душный воздух предвещали грозу. Я внимательно всматривался в дорогу в ожидании экипажа, который повезет меня к графу. Каждую минуту я надеялся увидеть свет фонарей во мраке; но всюду было темно. Лишь в лучах фонарей омнибуса виднелся пар от наших загнанных лошадей, поднимавшийся облаком. Теперь мы ясно могли рассмотреть расстилающуюся перед нами белую песчаную дорогу, но на всем ее протяжении даже и намек не было на какой-нибудь экипаж. Пассажиры вновь спокойно уселись с явным выражением радости, точно в насмешку над моим разочарованием. Я задумался над тем, что предпринять, когда кучер, посмотрев на часы, сказал что-то другим, чего я, к сожалению, не смог понять, так как это было сказано очень тихо. Кажется он, сказал: «Часом раньше». Затем он повернулся ко мне и сказал на отвратительном немецком языке, еще хуже моего: «Нет никакой кареты. По-видимому, Господина не ожидают. Лучше пусть он поедет сейчас с нами в Буковину, а завтра возвратится обратно, или же на следующий день – даже лучше на следующий день». Пока он говорил, лошади начали ржать, фыркать и дико рыть землю, так что кучеру пришлось их сдерживать, напрягая всю силу.

Вдруг, среди хора визгов и воплей пассажиров, осенявших себя крестным знаменем, позади нас показалась запряженная четверкой лошадей коляска, которая, догнав наш омнибус остановилась. Когда лучи фонарей упали на нее, я увидел великолепных породистых вороных лошадей. На козлах сидел человек с длинной черной бородой, в широкой черной шляпе, которая скрывала его лицо. Я смог разглядеть блеск очень больших глаз, казавшихся красными при свете фонарей, когда он повернулся к нам. Он обратился к кучеру: «Ты что-то рано сегодня приехал, друг мой». Возница, заикаясь, ответил:

– Господин англичанин очень торопился, – на что незнакомец возразил:

«Потому-то ты, вероятно, и посоветовал ему ехать в Буковину! Меня не обманешь, друг мой; я слишком много знаю, да и лошади у меня быстрые». При этом он улыбнулся, и луч фонаря осветил его холодный, жестокий рот, ярко-красные губы и острые зубы, белые, как слоновая кость. Один из моих спутников шепотом прочел своему соседу строфу из Леоноры Бургера:

«Так, как быстро скачет смерть».

Незнакомец, очевидно, расслышал эти слова, поскольку взглянул на говорившего с торжествующей улыбкой. Пассажир отвернулся, осеняя себя крестным знаменем. «Поддай мне багаж господина», – сказал незнакомец, и с необычайной быстротой мои вещи были вынуты из дилижанса и переложены в коляску. Затем я вышел, но так как коляска была закрыта, кучер помог мне взобраться, подхватив меня под локоть стальной рукою, – по-видимому, сила у него была необычайная. Молча дернул он возжами, лошади повернули, и мы понеслись во мрак ущелья. Когда я оглянулся, то заметил при свете фонарей лошадей дилижанса, а оглянувшись вторично, увидел, как мои прежние спутники перекрестились, затем кучер щелкнул бичом, окликнул своих лошадей, и они помчались дорогой в Буковину. Как только они канули во мрак, меня охватило чувство одиночества и странный озноб; но на плечи сейчас же был накинут плащ, колени укрыты толстым шерстяным одеялом, и кучер обратился ко мне на прекрасном немецком языке:

– Ночь холодна, сударь, а господин мой, граф, просил окружить вас вниманием. Под сидением приготовлена для вас фляжка сливянки – нашей национальной водки; если захотите, то легко ее достанете.

Я не коснулся ее, но приятно было сознавать, что она под рукой. Я чувствовал себя немного странно, но не ощущал никакого страха и не сомневаюсь, что имея возможность выбирать, без сомнения предпочел бы остановку этому ночному путешествию по неведомым дорогам. Коляска повернула на какую-то извилистую жесткую дорогу, тянувшуюся довольно долго, потом мы круто повернули и попали опять на прямую дорогу. Мне казалось, что мы попросту кружимся на одном месте; желая проверить свое впечатление, я отметил в уме определенную точку и убедился, что это так. Мне очень хотелось спросить кучера, что это значит, но я положительно боялся так поступить, ибо в моем положении протест ни к чему не привел бы, раз это делалось умышленно. Некоторое время спустя мне захотелось узнать, который теперь час, я чиркнул серной спичкой и при свете ее взглянул на часы; была полночь без нескольких минут; это неприятно подействовало на меня. Я ждал чего-то с болезненной нерешительностью.

Иллюстрации для подарочного издания 1916 года.
Художник – Эдгар Альфред Холлоуэй.

Вдруг где-то вдаль на ферме завывала собака – длинный тягучий жалобный вой, наполненный страхом. Ей ответила другая собака, затем третья, четвертая – наконец эти звуки слились в дикое бешеное завывание, исходившее, казалось, из каждой точки окрестности. При первых звуках волнение лошадей достигло чрезвычайных размеров, и кончилось тем, что они начали становиться на дыбы, но кучер ласково заговорил с ними, и они успокоились, хотя и продолжали дрожать, трясаясь от какого-то непонятного мне испуга. Потом далеко за горами, по обе стороны от нас, снова раздался еще более громкий и пронзительный вой, – на этот раз уже вой волков, который повлиял одинаково как на меня, так и на лошадей: мне захотелось выпрыгнуть из коляски и удрать, а лошади опять взвились на дыбы и сейчас же рванулись вперед, так что кучеру пришлось употребить всю свою громадную силу, чтобы сдержать их. Через несколько минут, однако, мое ухо привыкло к вою, и лошади успокоились настолько, что кучер сойти и стать перед ними. Он их ласкал, успокаивал и шептал что-то на ухо, т. е. употреблял все приемы, которые как я и слышал, пускаются в ход укротителями лошадей, причем успех был необычайный, и лошади опять стали смирными, хотя и продолжали дрожать. Кучер снова уселся на козлы и, взяв вожжи, тронулся в путь крупной рысью. Наконец, оставив ущелье, он внезапно свернул на узкую темную дорогу, которая резко уходила вправо. Вскоре мы оказались окруженными деревьями, которые местами образовывали свод, так что мы проезжали как бы сквозь туннель; а потом опять перед нами с двух сторон открылись мрачные утесы. Хотя мы были под их защитой, но все же слышали завывание ветра, который со стоном и свистом проносился по утесам, ломая ветви деревьев. Становилось все холоднее и холоднее, и наконец пошел сильный снег, который вскоре покрыл и нас и все окружающее белой пеленой. Резкий ветер доносил до нас лай собак, который, однако, становился все слабее по мере нашего удаления. Зато вой волков раздавался все ближе и ближе, и казалось, что мы были окружены ими со всех сторон. Мне стало невероятно страшно, и лошади разделяли мой испуг, но кучер не выказывал ни малейшей тревоги. Он продолжал свой путь, поворачивая голову то налево, то направо, что меня очень удивило, так как я не мог ничего различить во мраке.

Вдруг слева показался слабый мерцающий огонек. Кучер моментально заметил его; он сейчас же сдержал лошадей и, спрыгнув на землю, исчез во мраке. Я не знал, что делать, тем более, что вой волков почему-то ослабевал, но пока я недоумевал, кучер неожиданно вернулся и, ни слова не говоря, уселся на место, и наше путешествие продолжалось. Мне кажется, что дальнейшие события я видел во сне, так как этот эпизод беспрерывно повторялся, и теперь, оглядываясь мысленно назад, я думаю, что это было больше похоже на ужасный ночной кошмар, чем на действительность. Как-то раз огонек показался так близко от дороги, что несмотря на полный мрак, окружающий нас, я мог совершенно ясно различить все движения кучера. Он быстро направился к месту появления голубого огонька и стал делать движения, точно горстями собирал огонь и укладывал его на камни, образуя этим как бы преграду; странно было только то, что вокруг этого пламени не было никакого освещения – по-видимому, огонек был очень слабый. При этом произошел странный оптический обман: когда кучер стоял между мною и огоньком, он не заслонял собою этого пламени, и я продолжал, видеть это мрачное мерцание как бы сквозь тело кучера. Это явление поразило меня, но поскольку все продолжалось лишь мгновение, я решил, что это обман зрения, утомленного напряжением глаз в абсолютной тьме. Потом на время мерцание синего пламени прекратилось, и мы поспешно двигались вперед во мрак, под удручающий аккомпанемент воя волков, которые окружали нас со всех сторон. Наконец, при последнем появлении мерцающего огонька, кучер отошел очень далеко, и в его отсутствие лошади начали дрожать сильнее прежнего, все время фыркая и трясаясь от страха. Я никак не мог понять причины, так как вой волков совсем прекратился; но в тот же момент я при свете луны, показавшейся сквозь темные облака, увидел вокруг нас кольцо волков с белыми зубами, с высунутыми красными языками, длинными мускулистыми ногами, покрытыми грубой шерстью. Они были во сто раз страшнее теперь, в охватившем их

ужасном молчании, даже страшнее, чем тогда, когда выли. Что касается меня, то я от страха не мог двинуть ни рукой, ни ногой, и потерял голос. Всю силу такого страха человек может понять, только очутившись лицом к лицу с таким ужасом.

Вдруг волки снова пронзительно завывали, как будто лунный свет производил на них какое-то особенное действие. Лошади подскакивали и брыкались, но живое кольцо ужаса окружало их со всех сторон и поневоле заставляло оставаться в центре его. Я окликнул кучера; мне казалось, что единственным спасением для нас было бы прорваться сквозь кольцо с его помощью. Я кричал и стучал, надеясь этим шумом напугать волков и дать ему таким образом возможность добраться до нас.

Откуда он вдруг появился – я не знаю, но я услышал его голос, который прозвучал повелительным приказом, и посмотрев перед собою, я увидел его на дороге. Он протянул свои длинные руки, как бы отстраняя неосязаемое препятствие, и волки начали медленно отступать, но тут большое облако заволокло лик луны, и мы опять очутились во мраке.

Когда луна выглянула снова, я увидел кучера, взбравшегося на сиденье; а волков и след простыл. Все это было так странно и необычайно, что я почувствовал безумный страх и боялся говорить и двигаться. Время тянулось бесконечно. Дальнейшее путешествие мы продолжали уже в совершенной тьме, так как пронесившиеся облака совсем скрывали луну. Мы продолжали подниматься в гору, только изредка периодически спускались, но потом опять все время поднимались. Я не помню, сколько времени это продолжалось...

Вдруг я почувствовал, что мы остановились. Мы были на дворе обширного, развалившегося замка, высокие окна которого были темны и мрачны, а обломанные зубчатые стены при свете луны вытянулись в зигзагообразную линию.

Глава вторая

Я, должно быть, задремал, иначе, наверное, заметил бы приближение к такому замечательному месту. Во мраке двор казался обширным, но может быть он, как и некоторые темные дорожки, ведущие от него к большим круглым аркам, казался большим, чем был на самом деле. Я до сих пор еще не видел его при дневном свете. Когда коляска остановилась, кучер соскочил с козел, и протянул мне руку, чтобы помочь сойти. Тут я опять невольно обратил внимание на его необыкновенную силу. Его рука казалась стальными клещами, которыми при желании он мог раздавить мою ладонь. Затем он положил мои пожитки возле меня на выложенную массивными камнями площадку, на которую выходила громадная старая дверь, обитая большими железными гвоздями. Даже при тусклом освещении я заметил, что камни были стерты от времени и непогоды. Пока я стоял, кучер опять взобрался на козлы, тронул вожжами, лошади дернули и скрылись вместе с экипажем под одним из темных сводов. Я остался один среди двора в полном одиночестве и не знал, что предпринять. У дверей не видно было даже намека на звонок или молоток: не было также и надежды на то, чтобы мой голос мог проникнуть сквозь мрачные стены и темные оконные проемы. Мне стало казаться, что я жду здесь бесконечно долго, и меня начали одолевать сомнения и страх. Куда я попал? К каким людям? В какую ужасную историю я впутался? Было ли это обыкновенным простым приключением в жизни помощника адвоката, посланного для разъяснений по поводу приобретенного иностранцем в Лондоне недвижимого имущества! Помощник адвоката?.. Мне это звание ужасно нравится – да, я и позабыл, ведь перед самым отъездом из Лондона я узнал, что мои экзамены прошли успешно; так что, в сущности говоря, я теперь не помощник, а адвокат... Я начал протирать глаза и щипать себя, чтобы убедиться, что не сплю. Все это продолжало казаться мне каким-то ужасным ночным кошмаром, и я надеялся, что вдруг проснусь у себя дома, совершенно разбитым, как это бывало иногда при напряженной мозговой работе. Но, к сожалению, мое тело ясно чувствовало щипки, и мои глаза не обманывали меня. Я действительно не спал, а находился в Карпатах. Мне оставалось только запастись терпением и ожидать наступления утра. Как только я пришел к этому заключению, я услышал приближающиеся тяжелые шаги за большой дверью и увидел сквозь щель мерцание света. Потом раздался звук гремящих цепей, шум отодвигаемых массивных засовов, и большая дверь медленно распахнулась. В дверях стоял высокий старик с чисто выбритым подбородком и длинными седыми усами; одет он был с головы до ног во все черное. В руке старик держал старинную серебряную лампу, в которой пламя свободно горело без какого бы то ни было стекла или трубы и бросало длинные, трепещущие тени от сквозного ветра. Старик приветствовал меня изысканным жестом правой рукой и сказал мне на прекрасном английском языке, но с иностранным акцентом:

– Добро пожаловать в мой дом! Войдите в него свободно и по доброй воле.

Он не сделал ни одного движения, чтобы пойти мне навстречу, а стоял неподвижно, как статуя, будто жест приветствия превратил его в камень; но не успел я переступить порог, как он сделал движение вперед и, протянув мне руку, сжал мою ладонь с такой силой, что заставил меня содрогнуться – его рука была холодна как лед и напоминала скорее руку мертвеца, нежели живого человека. Он снова сказал:

– Добро пожаловать в мой дом! Входите смело, идите без страха и оставьте нам здесь что-нибудь из принесенного вами счастья.

Сила его руки была настолько похожа на ту, которую я заметил у кучера, лица которого я так и не разглядел, что меня одолело сомнение, не одно ли и то же лицо – кучер и господин, с которым я в данный момент разговариваю; чтобы рассеять сомнения, я спросил:

– Граф Дракула?

Он ответил:

– Я – Дракула. Приветствую вас, мистер Харкер, в моем доме. Войдите; ночь холодна, а вы нуждаетесь в пище и отдыхе.

Говоря это, он повесил лампу на крючок в стене и, ступив вперед, взял мой багаж. Он проделал это так быстро, что я не успел его упредить. Я тщетно попытался возразить.

– Нет, сударь, вы мой гость. Теперь поздно, и поэтому на моих людей рассчитывать нечего. Позвольте мне самому позаботиться о вас.

Он настоял на своем, понес мои пожитки по коридору и поднялся по большой винтовой лестнице, откуда мы попали в другой широкий коридор, где наши шаги гулко раздавались благодаря каменному полу. В конце коридора он толкнул тяжелую дверь, и я с наслаждением вошел в ярко освещенную комнату, где стоял стол, накрытый к ужину, а в большом камине весело потрескивали дрова.

Граф закрыл за нами дверь и, пройдя через столовую, открыл вторую дверь, которая вела в маленькую восьмиугольную комнату, освещенную одной лампой и, по-видимому, совершенно лишенную окон. Миновав ее, он снова открыл дверь в следующее помещение, куда и пригласил меня войти. Я очень обрадовался, увидев его: оно оказалось большой спальней, прекрасно освещенной, в которой тепло поддерживалось топившимся камином. Граф, положив собственноручно принесенные им вещи, произнес, прикрывая дверь перед уходом:

– Вы после дороги захотите, конечно, освежиться и переодеться. Надеюсь, вы найдете здесь все необходимое, а когда будете готовы, пройдите в столовую, где найдете приготовленный для вас ужин.

Освещение и теплота, а также изысканное обращение графа совершенно рассеяли все мои сомнения и страхи. Придя благодаря этому в нормальное состояние, я ощутил невероятный голод, поэтому, наскоро переодевшись, я поспешил в первую комнату. Ужин был уже подан. Мой хозяин, стоя у камина, грациозным жестом пригласил меня к столу:

– Надеюсь, вы меня извините, если я не составлю вам компании: я уже обедал и никогда не ужинаю.

Я вручил ему запечатанное письмо от мистера Хокинса. Граф распечатал его, прочел, затем с очаровательной улыбкой передал письмо мне. Одно место в нем мне в особенности польстило:

«Я очень сожалею, что приступ подагры¹³, которой я давно подвержен, лишает меня возможности предпринять какое бы то ни было путешествие; и я счастлив, что могу послать своего заместителя, которому я вполне доверяю. Это энергичный и талантливый молодой человек. Во все время своего пребывания у вас он будет к вашим услугам и весь в вашем распоряжении».

Граф подошел к столу, сам снял крышку с блюда – и я накинулся на прекрасно зажаренного цыпленка. Затем сыр и салат, да еще бутылка старого токайского вина¹⁴, которого я выпил бокала два-три, – составили мой ужин. Пока я ел, граф расспрашивал меня о моем путешествии, и я рассказал ему по порядку все, пережитое мною. Затем я придвинул свой стул к огню и закурил сигару, предложенную графом, который тут же извинился, что не курит. Теперь мне представился удобный случай рассмотреть его, и я нашел, что наружность графа заслуживает внимания.

У него было энергичное, оригинальное лицо, тонкий нос и какие-то особенные, странной формы ноздри; надменный высокий лоб, и волосы, скудно и в то же время густыми клоками

¹³ Подагра – заболевание суставов, проявляющееся острым артритом.

¹⁴ Токайское вино (от венг. Токајі – горный массив в Венгрии и Словакии) – белые десертные вина золотистого цвета, приготовленные из плодов светлых сортов винограда, подвяленных на ветвях под солнечными лучами. Обладают привкусом изюма и специфическим букетом с медовым тоном.

росшие около висков; очень густые, почти сходящиеся на лбу брови. Рот, насколько я мог разглядеть под тяжелыми усами, был решительный, даже жестокий на вид с необыкновенно острыми белыми зубами, выступавшими между губами, яркая окраска которых поражала своей жизненностью у человека его лет. Но сильнее всего поражала необыкновенная бледность лица.

До сих пор мне удалось заметить издали только тыльную сторону его рук, когда он держал их на коленях; при свете горящего камина они производили впечатление белых и тонких; но, увидев их теперь вблизи, ладонями кверху, я заметил, что они были грубы, мясisty, с короткими толстыми пальцами. Особенно странно было то, что в центре ладони росли волосы. Ногти были длинные и тонкие, с заостренными концами. Когда граф наклонился ко мне и его рука дотронулась до меня, я не мог удержаться от содрогания. Возможно, его дыхание было тлетворным, потому что мною овладело какое-то ужасное чувство тошноты, которого я никак не мог скрыть. Граф, очевидно, заметил это, так как сейчас же отодвинулся; и с какой-то угрюмой улыбкой опять сел на свое прежнее место у камина. Мы оба молчали некоторое время, и когда я посмотрел в окно, то увидел первый проблеск наступающего рассвета.

Какая-то странная тишина царила всюду; но прислушавшись, я услышал где-то вдалеке как будто вой волков. Глаза графа засверкали, и он сказал:

– Прислушайтесь к ним, к детям ночи! Что за музыку они заводят!

Заметя странное, должно быть для него, выражение моего лица, он прибавил:

– Ах, сударь, вы, городские жители, не можете понять чувство охотника! Но вы наверное устали. Ваша кровать совершенно готова, и завтра-вы можете спать, сколько хотите. Я буду в отсутствии до полудня; спите же спокойно – и приятных сновидений!

С изысканным поклоном он сам открыл дверь в мою восьмиугольную комнату и я прошел в спальню...

7 мая

Опять раннее утро. Вчера я спал до вечера и проснулся сам. Одевшись, я прошел в комнату, где накануне ужинал, и нашел там холодный завтрак и кофе, которое подогревалось, стоя на огне в камине. На столе лежала карточка с надписью:

«Я должен ненадолго отлучиться. Не ждите меня. Д.»

Радуюсь свободному времени, я уселся за еду. Позавтракав, я стал искать звонок, чтобы дать знать прислуге, что я окончил трапезу; но звонка нигде не оказалось. В замке, как видно, странные недостатки, особенно если принять во внимание чрезмерное богатство, окружающее меня. Столовая сервировка из золота, да такой великолепной выделки, что стоит, наверное, громадных денег. Занавеси, обивка стульев и кушетки – прекрасного качества и потребовало, без сомнения, баснословных затрат даже тогда, когда приобреталось, так как этим вещам много сот лет, хотя все сохранялось в идеальном порядке. Я видел нечто подобное в Хемпстонском дворце, но там все было порвано, потерто и изъедено молью. Но странно, что во всех комнатах отсутствовали зеркала. Даже туалетного зеркала не было на моем столике, и мне пришлось вынуть маленькое зеркальце из несессера, чтобы побриться и причесаться. Кроме того, я не видел ни одного слуги и не слышал ни одного звука вблизи замка за исключением волчьего воя. Покончив с едой, я начал искать что-нибудь для чтения, так как без разрешения графа мне не хотелось осматривать замок. В столовой я ровно ничего не нашел – полное отсутствие книг, газет, даже всяких письменных принадлежностей; тогда я открыл другую дверь и вошел в библиотеку. В библиотеке я нашел, к великой моей радости, большое количество английских изданий – целые полки были полны книгами и переплетенными за долгие годы газетами и журналами. Стол посредине комнаты оказался завален английскими журналами, газетами, но лишь старыми номерами. Книги встречались разнообразнейшие: по истории, географии,

политике, политической экономии, ботанике, геологии, законоведению – все относящееся к Англии и английской жизни, обычаям и нравам. Пока я рассматривал книги, дверь отворилась и вошел граф. Он радушно меня приветствовал, выразив надежду, что я хорошо спал в эту ночь. Затем продолжал:

– Я очень рад, что вы сюда зашли, так как убежден, что здесь найдется много интересного для вас материала. Они, – и граф положил руку на некоторые книги, – были мне преданными друзьями в течение нескольких лет, когда я еще и не думал попасть в Лондон; книги эти доставили мне много приятных часов. Благодаря им я ознакомился с вашей великой Англией; а знать – значит любить. Я жажду попасть на переполненные народом улицы вашего величественного Лондона, проникнуть в самый круговорот суеты человечества, участвовать в этой жизни и ее переменах, ее смерти, словом, во всем том, что делает эту страну тем, что она есть. Но, увя! Пока я знаком с вашим языком лишь по книгам. Надеюсь, мой друг, благодаря вам я научусь и изъясняться по-английски как следует.

– Помилуйте, граф, ведь вы же великолепно владеете английским!

– Благодарю вас, друг мой, за ваше слишком лестное обо мне мнение, но все же я боюсь, что в знании языка нахожусь еще только на полпути. Правда, я знаю грамматику и слова, но я еще не знаю, как их произносить и когда какое употреблять.

– Уверяю вас, вы прекрасно говорите.

– Все это не то... Я знаю, что живи и разговаривай я в вашем Лондоне, всякий тотчас узнает во мне иностранца. Этого мне мало. Здесь я знатен; я – магнат; весь народ меня знает, и я – господин. Но иностранец на чужбине – ничто; люди его не знают, а не знать человека – значит не заботиться о нем. В таком случае я предпочитаю ничем не выделяться из толпы, чтобы люди при виде меня или слыша мою английскую речь не останавливались бы и не указывали на меня пальцами. Я привык быть господином и хочу им остаться навсегда или же по крайней мере устроиться так, чтобы никто не мог стать господином надо мною. Вы приехали сюда не только для того, чтобы разъяснить мне все относительно моего нового владения в Лондоне; я надеюсь, что вы пробудете со мною еще некоторое время, чтобы благодаря вашим беседам я привык и изучил разговорный язык. Поэтому я настаиваю и прошу вас исправлять мои ошибки в произношении наистрожайшим образом.

Я, конечно, сказал, что прошу его не стесняться меня, а затем попросил, пользоваться библиотекой по своему усмотрению.

Он ответил:

– О, да... Вообще, вы можете свободно передвигаться по замку и заходить, куда вздумаете, за исключением тех комнат, двери которых заперты; впрочем, туда вы и сами, наверное, не захотите проникнуть. Есть уважительные причины для того, чтобы все было так как есть, и если бы вы глядели моими глазами и обладали моим знанием, то без сомнения лучше бы все поняли.

Я сказал, что и не сомневаюсь в этом, и он продолжал дальше:

– Мы в Трансильвании¹⁵, а Трансильвания – это не Англия, наши дороги – не ваши дороги, и тут вы встретите много странностей. Ну, хотя бы из вашего короткого опыта во время поездки сюда, вы уже знаете кое-что о тех странных вещах, которые здесь могут происходить.

Это послужило началом длинного разговора; я задал ему несколько вопросов по поводу необычайных происшествий, участником которых я был или которые обратили на себя мое внимание. Иногда он уклонялся от вопроса, или же переводил беседу на другие темы, делая вид, что не понимает меня; но, в общем, он отвечал совершенно откровенно и подробно. Немного погодя, осмелев, я спросил его о некоторых странностях, происшедших прошлой

¹⁵ Трансильвания (лат. Transsilvania – «Залесье») – историческая область на северо-западе Румынии. На протяжении тысячелетий этот регион не раз переходил из рук в руки.

ночью, например, почему кучер подходил к тем местам, где мы видели синие огни. Правда ли, что они указывают на места, где зарыто и спрятано золото? Тогда он мне объяснил, что простонародье верит, будто в определенную ночь в году – как раз в прошлую ночь – нечистая сила неограниченно господствует на земле, и тогда-то появляются синие огоньки в тех местах, где зарыты клады.

Затем мы перешли на другие темы.

– Давайте поговорим о Лондоне и о том доме, который вы для меня приобрели, – сказал он.

Извинившись за оплошность, я пошел в свою комнату, чтобы взять бумаги, относящиеся к покупке. В то время, как я вынимал их из чемодана и приводил в порядок, я слышал в соседней комнате стук посуды и серебра а, когда возвращался в библиотеку, то проходя через столовую, заметил, что стол был прибран, а комната ярко освещена лампами; уже темнело. Лампы горели и в библиотеке. Когда я вошел, граф очистил стол от книг и журналов, и мы углубились в чтение всевозможных документов, планов и бумаг. Он интересовался положительно всем и задавал мне миллиарды вопросов относительно местоположения дома и его окрестностей.

Очевидно, он раньше изучил все, что касалось приобретения, так как в конце концов выяснилось, что он обо всем знает гораздо больше меня. Когда я ему это заметил, он ответил:

– Да, друг мой, но разве это не естественно? Когда я туда отправлюсь, то окажусь в совершенном одиночестве, и моего друга Джонатана Харкера не будет рядом, чтобы поправлять меня и помогать мне. Он будет в Эксетере, на расстоянии многих миль, увлеченный, вероятно, изучением законов с другим моим другом, Питером Хокинсом. Не так ли?

Мы снова углубились в дело о покупке недвижимого имущества в Пэрфлите. Когда я изложил ему суть дела, дал подписать все нужные бумаги и составил письмо мистеру Хокинсу, он стал расспрашивать меня, каким образом удалось приобрести такой подходящий участок. На что я прочел ему все мои заметки, которые тогда вел. Вот они:

«В Пэрфлите, проходя по окольной дороге, я случайно набрел на участок, который как мне показалось, и был нужен нашему клиенту. Участок окружен высокой стеной старинной архитектуры, построенной из массивного камня и не ремонтированной уже много-много лет.

Поместье называется Карфакс, должно быть, иско-верканное старое «quatre faces» – четыре фасада, так как дом четырехсторонний. В общем там около 20 акров земли, окруженных вышеупомянутой каменной стеной. Много деревьев, придающих поместью местами мрачный вид, затем имеется еще глубокий темный пруд или, вернее, маленькое озеро, питающееся, вероятно, подземными ключами, поскольку вода в нем необыкновенно прозрачна, а кроме того, оно служит началом довольно порядочной речки. Дом очень обширный и старинный, с немногими высоко расположенными окнами, загороженными тяжелыми решетками. Он скорее походит на часть тюрьмы и примыкает к какой-то старой часовне или церкви. Я не смог осмотреть ее, так как ключа от двери, ведущей из дома в часовню, не оказалось. Но я снял своим «кодаком»¹⁶ несколько видов с различных точек. Часть дома была пристроена впоследствии, но довольно странным образом, так что вычислить точно, какую площадь занимает дом, невозможно; она, должно быть, очень велика».

Когда я кончил, граф сказал:

– Я рад, что дом старинный и обширный; я сам из старинной семьи, и необходимость жить в новом доме убила бы меня. Дом не может сразу стать жилым; в сущности, как мало дано дней, чтобы составить столетие... Меня радует также и то, что я найду там старинную часовню.

¹⁶ Кодак (Kodak) – марка доступного по цене и потому популярного в конце XIX – начале XX в. фотоаппарата производства одноименной американской компании.

Мы, магнаты Трансильвании, не можем допустить, чтобы наши кости покоились среди простых смертных. Я не ищущу ни веселья, ни радости, ни изобилия солнечных лучей и искрящихся вод, столь любимых молодыми и веселыми людьми. Я уже не молод; а мое сердце, измученное годами печали, не приспособлено больше к радости; к тому же стены моего замка разрушены; здесь много тени, ветер свободно доносит свои холодные дуновения сквозь разрушенные стены и раскрытые окна. Я люблю мир и тишину и хотел бы быть наедине со своими мыслями, насколько это возможно.

Иногда слова графа будто шли вразрез с его общим видом, а может быть, это происходило от особого свойства его лица – придавать улыбкам лукавый и саркастический оттенок. Спустя немного времени он извинился и покинул меня, попросив собрать все мои бумаги.

В его отсутствие я стал подробно знакомиться с библиотекой. Я наткнулся на атлас, открытый, конечно, на карте Англии; видно было, что им часто пользовались. Разглядывая внимательно карту, я заметил, что определенные пункты на ней были обведены кружками, и присмотревшись, увидел, что один из них находился около Лондона с восточной стороны как раз там, где находилось вновь приобретенное им поместье; остальные два были: Эксетер и Уайтби, на Йоркширском побережье.

Через полчаса граф вернулся.

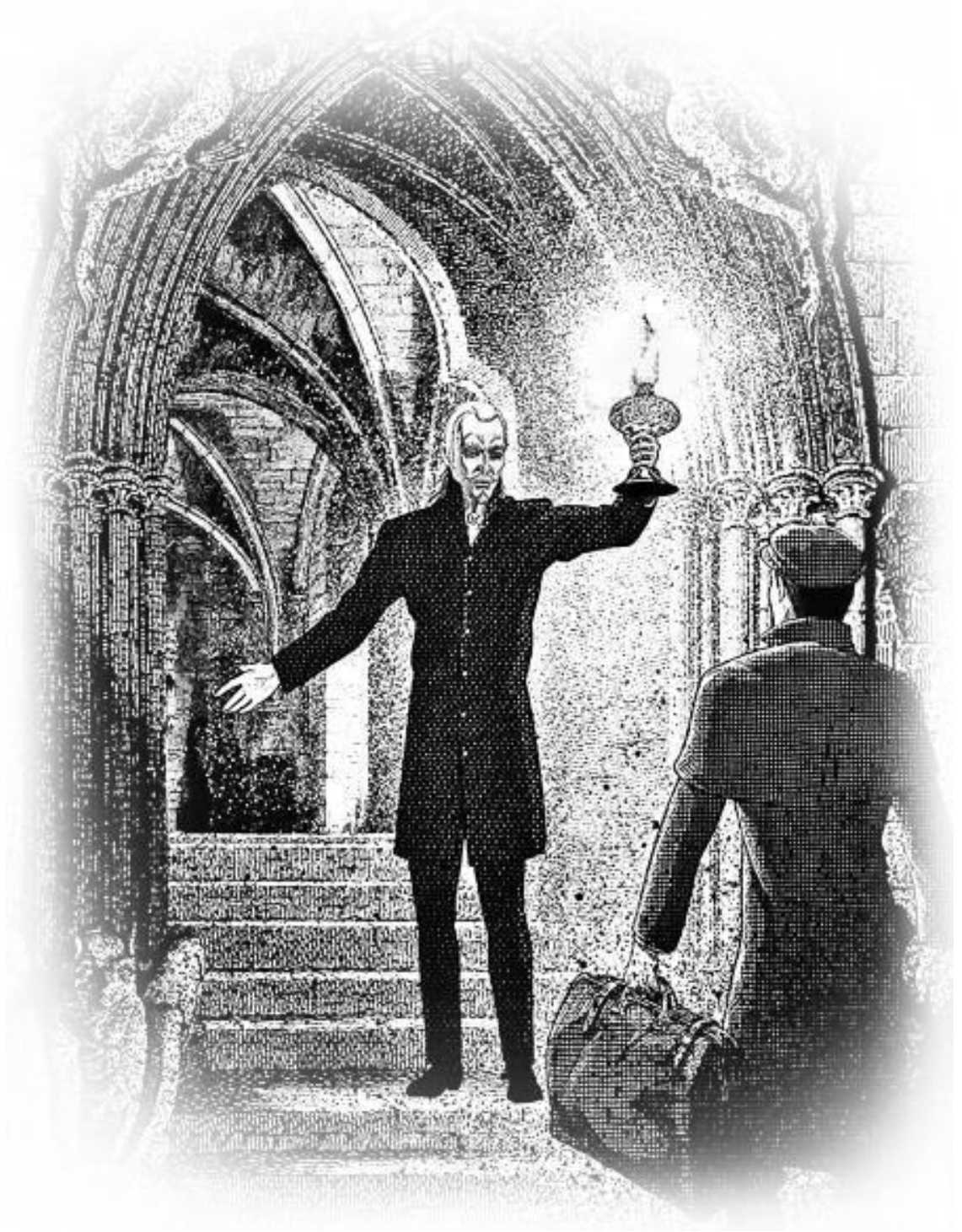
– Ах! – сказал он, – все еще за книгами! Вам не следует так много работать... Пойдемте: ваш ужин готов и подан.

Он взял меня под руку, и мы вышли в столовую, где меня действительно ожидал великолепный ужин. Граф опять извинился, что уже пообедал вне дома. Но так же, как и накануне, он уселся у камина и болтал, пока я ел. После ужина я закурил сигару, как и в прошлую ночь, и граф просидел со мной, болтая и задавая мне вопросы, затрагивающие различные темы; так проходили часы за часами. Хотя я и чувствовал, что становится очень поздно, но ничего не говорил, поскольку решил, что должен быть к услугам хозяина и исполнять его малейшие желания. Спать же мне не хотелось, так как вчерашний продолжительный сон подкрепил меня; но вдруг я почувствовал то ощущение озноба, которое всегда овладевает людьми на рассвете или во время прилива. Говорят, люди ближе всего к смерти и умирают обычно на рассвете или же во время прилива. Вдруг мы услышали крик петуха, прорезавший со сверхестественной пронзительностью чистый утренний воздух. Граф Дракула моментально вскочил и сказал:

– Как, уже опять утро! Как непростительно с моей стороны, что я заставляю вас так долго бодрствовать!.. Не говорите со мной о вашей стране – меня так интересует все, что касается моей новой родины – дорогой Англии, – что я забываю о времени, а в вашей занимательной беседе оно проходит слишком быстро!

И, изысканно поклонившись, он оставил меня.

Я прошел к себе в комнату и записал все, что произошло за день.

Иллюстрации для подарочного издания 1916 года.

Художник – Эдгар Альфред Холлоуэй.

«...В дверях стоял высокий старик с чисто выбритым подбородком и длинными седыми усами; одет он был с головы до ног во все черное. В руке старик держал старинную серебряную

лампу, в которой пламя свободно горело без какого бы то ни было стекла или трубы и бросало длинные, трепещущие тени от сквозного ветра...»

8 мая.

Когда я начал записывать в эту тетрадь свои заметки, то боялся, что пишу слишком подробно, но теперь счастлив, что записал все мельчайшие подробности с самого начала, ибо здесь происходит много необычного, – это тревожит меня; я думаю только о том, как бы выйти здоровым и невредимым отсюда, и начинаю жалеть о том, что приехал; возможно, ночные бодрствования так отзываются на мне, но если бы этим все и ограничивалось. Если можно было с кем поговорить, мне стало бы легче, но, к сожалению, никого нет. Только граф, а он... Я начинаю думать, что здесь я единственная живая душа. Позвольте мне быть прозаиком, поскольку того требуют факты; это поможет мне разобраться во всем, сохранить здравый смысл и уклониться от все более и более овладевающей мною власти фантазии... Иначе я погиб!.. Дайте мне рассказать все, как оно есть...

Я проспал всего несколько часов, и чувствуя, что больше не засну, встал. Поставив зеркало для бритья на окно, я начал бриться. Вдруг я почувствовал руку на своем плече и услышал голос графа: «С добрым утром», – сказал он. Я замер, так как меня изумило, что я не вижу его в зеркале, хотя видел в зеркале всю комнату. Остановившись внезапно, я слегка порезался, но не сразу обратил на это внимание. Ответив на приветствие, я опять повернулся к зеркалу, чтобы посмотреть, как я мог так ошибиться. На сей раз никакого сомнения не было: граф стоял почти вплотную ко мне, и я мог видеть его через плечо. Но его отражения в зеркале не было!.. Это потрясло меня и усилило странность происходящего; мною снова овладело чувство смутного беспокойства, которое охватывало меня всякий раз, когда граф находился поблизости. Только теперь я заметил свой порез. Я отложил бритву в сторону и повернулся при этом вполоборота к графу в поисках пластыря. Когда граф увидел мое лицо, его глаза сверкнули каким-то демоническим бешенством, и он внезапно схватил меня за горло. Я отпрянул, и его рука коснулась шнура, на котором висел крест. Это сразу вызвало в нем перемену, причем ярость прошла с такой быстротой, что я подумал, была ли она вообще.

– Смотрите, будьте осторожны, – сказал он, – будьте осторожны, когда бреетесь. В наших краях это гораздо опаснее, чем вы думаете.

Затем, схватив зеркало, он продолжал:

– Вот эта злополучная вещица все и натворила! Ничто иное, как глупая игрушка человеческого тщеславия. Долой ее!

Он открыл тяжелое окно одним взмахом своей ужасной руки и вышвырнул зеркало, которое разбилось на тысячу кусков, упав на камни, которыми был выложен двор. Затем, не говоря ни слова, удалился. Это ужасно неприятно, так как я положительно не знаю, как я теперь буду бриться, разве перед металлической коробкой от часов, или перед крышкой моего бритвенного прибора, которая, к счастью, сделана из полированного металла.

Когда я вошел в столовую, завтрак был уже на столе, но графа я нигде не мог найти. Так я и позавтракал в одиночестве. Как странно, что я до сих пор не видел графа ни за едой, ни за питьем. Он, вероятно, совершенно необыкновенный человек. После завтрака я сделал небольшой обход замка, который меня сильно взволновал: двери, двери, всюду двери, и все заперто и загорожено... Нигде никакой возможности выбраться из замка, разве только через окна! Замок – настоящая тюрьма, а я – пленник!..

Глава третья

Когда я убедился, что нахожусь в плену, меня охватило бешенство. Я начал стремительно спускаться и подниматься по лестницам, пробуя каждую дверь, высовываясь в каждое окно, какое попадалось на пути; но немного погодя сознание полной беспомощности заглушило все чувства. Когда спустя некоторое время я припоминал свое тогдашнее состояние, оно казалось мне близким к сумасшествию, потому что я вел себя, как крыса в мышеловке. Но придя к выводу, что положение мое безнадежно, я стал хладнокровно обдумывать, как лучше всего выкрутиться из создавшегося положения. Я и теперь думаю об этом, но до сих пор не пришел еще ни к какому заключению. Ясно одно: нет никакого смысла сообщать графу о моих мыслях. Он ведь отлично знает, что я пленник; а так как он сам это устроил и, без сомнения, имеет на то свои причины, он лишь обманет меня, если я откровенно поведаю ему свои мысли. Мне кажется, прежде всего я должен зорко следить за всем. Я сознаю, что или я сам поддался, как младенец, влиянию мною же придуманного чувства страха, или же нахожусь в отчаянно затруднительном положении; если со мною приключилось последнее, то я нуждаюсь и буду нуждаться в том, чтобы сохранить ясность мыслей. Едва я успел прийти к такому заключению, как услышал, что большая входная дверь внизу захлопнулась; я понял, граф вернулся. Поскольку он не прошел в библиотеку, то я на цыпочках направился в свою комнату и застал там графа, приготовлявшего мне постель. Это было странно, но только подтвердило мои предположения, что в доме совсем нет прислуги. Когда же позже я заметил сквозь щель в дверях столовой графа, накрывающего на стол, то окончательно убедился в справедливости моих предположений: раз он сам исполняет обязанности челяди, значит их больше некому исполнять. Вывод меня испугал: если в замке больше никого нет, значит граф и был кучером той кареты, которая привезла меня сюда. Я ужаснулся от этой мысли – что же тогда означает его способность усмирять волков одним движением руки, как он это делал в ту ночь? Почему люди в Быстрице и в дилижансе так за меня боялись? Чем руководились они, когда наделяли меня крестом, чесноком, шиповником и рябиной¹⁷? Да благословит

Господь ту добрую, милую старушку, которая повесила мне крест на шею, поскольку каждый раз, как я до него дотрагиваюсь, я чувствую отраду и прилив сил. Как странно, что именно то, к чему я относился враждебно и на что привык смотреть как на идолопоклонство, в дни одиночества и тревоги является моей единственной опорой и утешением. Но мне нельзя позволять себе отвлекаться: я должен узнать все о графе Дракуле, ибо только это может облегчить мне разгадку. Сегодня же вечером постараюсь заставить его рассказать о себе, если только удастся навести разговор на эту тему. Но мне придется быть очень осторожным, чтобы не возбудить его подозрений.

Полночь

У меня был длинный разговор с графом. Я задал ему несколько вопросов, касающихся истории Трансильвании, и он живо и горячо заговорил на эту тему. Он с таким воодушевлением говорил о событиях, народах, в особенности о битвах, будто сам всюду присутствовал. Он это объясняет тем, что для магната честь родины, дома и имени – его личная честь, победы народа – его слава, судьба народа – его участь. Я очень хотел бы дословно записать все его слова, до того они были интересны. Из разговора я узнал историю его рода, привожу ее здесь подробно:

– Мы – секлеры, имеем право гордиться этим, так как в наших жилах течет кровь многих храбрых племен, которые дрались, как и вы, за главенство в мире. Здесь, в водовороте битв и

¹⁷ Традиционные обереги от вампиров.

сражений, выделилось племя угров, унаследовавших от исландцев воинственный дух, которым их наделили Тор и Один, и берсеркры их прославились на морских берегах Европы, и Азии, даже Африки такую свирепостью, что народы думали, будто явились оборотни. Да к тому же, когда они добрались сюда, то нашли здесь гуннов, бешеная страсть которых к войнам опустошала страну подобно жаркому пламени, так что те, на кого они нападали, решили, что в их жилах течет кровь старых ведьм, которые, прогнанные из Скифии¹⁸, сочетались браком с дьяволами пустыни. Глупцы! Глупцы! Какая ведьма или дьявол могли сравниться с великим Аттилой¹⁹! Разве удивительно, что мы – племя победителей? Что мы надменны? Что когда мадьяры²⁰, ломбардцы, авары, болгары или турки посылали к нашим границам тысячи своих войск, мы их оттесняли? Разве странно, что Арпад²¹, передвигаясь со своими легионами через родину мадьяр, застал нас на границе, и что Гонфоглас²² был здесь разбит. И когда поток мадьяр двинулся на восток, то притязания секлеров как родственного племени были признаны победителями-мадьярами; и уже целые столетия, как нам было поручено охранять границы с Турцией; а бесконечные заботы об охране границ – нелегкая задача, ибо как турки говорят: «вода спит, но враг никогда не смыкает очей». Кто охотнее нас бросался в кровавый бой с превосходящими силами врага, или собирался под знамена короля? Впоследствии, когда пришлось испустить великий позор моего народа – позор Косово – когда знамена валлахов и мадьяр исчезли за полумесяцем, кто же как ни один из моих предков переправился через Дунай! и разбил турок на их земле? То был действительно Дракула! Какое было горе, когда его недостойный родной брат продал туркам свой народ в рабство, заклеив вечным позором! А разве не Дракулой был тот, другой, который неоднократно отправлял свои силы через большую реку в Турцию и которого не остановили никакие неудачи? Он продолжал отправлять все новые и новые полки на кровавое поле битвы и каждый раз возвращался один; в конце концов он пришел к убеждению, что может одержать окончательную победу только в одиночестве. Тогда его обвинили в том, что он думает только о себе. Но что такое крестьяне без предводителя, без руководящего ума и сердца?.. А когда после битвы при Мачаге мы свергли мадьярское иго, то вожаками оказались опять-таки мы, Дракулы, так как наш свободный дух не переносит никаких стеснений! Ах, молодой человек, что касается благородной крови, мозга и мечей, то секлеры и Дракулы могут похвалиться древностью своего рода перед всеми королями мира!.. Дни войн прошли... Кровь теперь, в эти дни бесчестного мира, является слишком драгоценной; и слава великих племен теперь уже не более, чем древняя сказка!..

При этих словах как раз наступил рассвет, и мы разошлись спать. (Примечание: этот дневник страшно напоминает начало «Арабских ночей» и призрак отца Гамлета – как и там, здесь все прерывается при крике петуха.)

12 мая.

Вчера вечером, когда граф пришел из своей комнаты он задал мне ряд юридических вопросов по поводу своих дел. Наводя справки, он задавал мне вопросы, как бы руководствуясь известной системой, и я попробую тоже передать их по порядку; эти сведения, может быть, когда-нибудь и пригодятся мне. Прежде всего он спросил, можно ли в Англии иметь двух

¹⁸ Скифия – историческая область расселения группы народов, объединенных под названием скифов, ираноязычных кочевых и полукочевых племен 1-го тысячелетия до н. э. – первых веков н. э.

¹⁹ Аттила – вождь гуннов с 434-го по 453 г., объединивший под своей властью варварские племена от Рейна до Северного Причерноморья.

²⁰ Самоназвание венгров.

²¹ Арпад (850/855 – 907) – вождь венгров, преемник Аттилы, родоначальник династии Арпадов, правившей Венгрией вплоть до 1301 г.

²² Гонфоглас – в переводе с венгерского обозначает «завоевание родины». Серия исторических событий, приведшая к укороению венгров на Среднедунайской низменности.

стряпчих²³. Я ему на это возразил, что можно иметь хоть дюжину, но неумно иметь больше одного для одного дела, так как все равно двумя делами одновременно не приходится заниматься, а смена юристов всегда невыгодна для клиентов. Он, по-видимому, понял и спросил, будет ли практически осуществимо, чтобы один поверенный сопровождал его ну, скажем, в качестве банкира, а другой следил в это время за погрузкой кораблей в совершенно другом месте. Я попросил его объяснить более определенно, чтобы уяснить в чем дело, дабы не ввести его в заблуждение, и он прибавил:

– Представьте себе, например, такой случай: ваш друг – мистер Питер Хокинс, – живущий около вашей великолепной церкви в Эксетере, вдали от Лондона, купил при вашем посредничестве, милый друг, для меня местечко в Лондоне. Прекрасно! Теперь позвольте говорить с вами откровенно, дабы вам не показалось странным, что вместо того, чтобы поручить покупку имущества человеку, живущему в самом Лондоне, я обратился к человеку, живущему далеко от города. Я стремился к тому, чтобы ничьи местные интересы не помешали моим личным. А так как живущий я Лондоне всегда может иметь в виду как свои интересы, так и интересы своих друзей, то я и постарался отыскать агента, который посвятил бы все свои старания исключительно в мою пользу. Теперь допустим, что мне, человеку деловому, необходимо отправить товар, скажем, в Ньюкасл, или Дарем, или Гарвич, или Дувр, так разве не легче будет обратиться по этому поводу к кому-нибудь на месте?

Я согласился с ним, но объяснил, что мы, стряпчие, имеем всюду своих агентов и всякое поручение будет исполнено местными агентами по инструкции любого стряпчего.

– Но, – возразил он, – я ведь свободно мог бы сам управлять всеми делами? Не так ли?

– Конечно. Это принято среди деловых людей, которые не хотят, чтобы их имена были известны кому бы то ни было.

– Прекрасно! – сказал он и перешел затем к форме и изложению поручительства и ко всем могущим при этом возникнуть затруднениям, желая таким образом заранее охранить себя от всяких случайностей.

Я объяснил как мог точнее все, что знал, и он в конце концов оставил у меня впечатление, что сам мог бы стать великолепным юристом, так как не было ни одного пункта, которого бы он не предвидел. Когда граф вполне удовлетворился всеми сведениями и выслушал объяснения по всем интересующим его пунктам, он встал и сказал:

– Писали ли вы после вашего первого письма мистеру Питеру Хокинсу или кому-нибудь другому?

С чувством горечи я ответил, что до сих пор еще не имел никакой возможности отослать письма кому бы то ни было.

– Ну, так напишите сейчас же, мой дорогой друг, – сказал он, положив свою тяжелую руку мне на плечо, – и скажите, что вы пробудете здесь еще около месяца, считая с сегодняшнего дня, если это доставит вам удовольствие.

– Разве вы хотите задержать меня на столь продолжительный срок?

– Я бы очень этого желал. Нет, я не принимаю отказа! Когда ваш патрон или хозяин, как вам угодно, сообщил, что пришлет своего заместителя, то мы условились, что только мои интересы будут приниматься во внимание. Я не назначал сроков. Не так ли?

Что же мне оставалось делать, как не поклониться в знак согласия. Ведь все это было не в моих интересах, а в интересах мистера Гаукинса, и я должен был думать прежде всего о патроне, а не о себе, да, кроме того, в глазах графа Дракулы и во всем его поведении было нечто такое, что сразу напомнило мне о моем положении пленника. Граф увидел свою победу в моем утвердительном поклоне и свою власть надо мной в тревоге, отразившейся на моем

²³ Юрист.

лице, и сейчас же воспользовался этим, присущим ему, хотя и вежливым, но не допускающим возражений способом.

– Но прошу вас, мой дорогой друг, в ваших письмах не касаться ничего другого, кроме дел. Без сомнения, вашим друзьям доставит удовольствие узнать, что вы здоровы и надеетесь скоро вернуться домой, не так ли?

При этом он протянул мне три листа бумаги и три конверта. Глядя на бумагу и на него, и обратив внимание на его спокойную улыбку, открывшую острые клыкообразные зубы, я сразу же отчетливо понял, как если бы он заявил об этом прямо, что я должен быть очень осторожным в своих письмах, так как ему ничего не стоило прочесть их. Поэтому я решил написать при нем только официальные письма, а потом уже тайком написать обо всем подробно мистеру Хокинсу и Мине, которой, к слову сказать, я могу писать стенографически, что поставит графа в затруднение. Написав два письма, я спокойно уселся и начал читать книгу, пока граф делал несколько заметок, справляясь в книгах, лежащих на столе. Затем он забрал оба письма, положил их вместе со своими около письменного прибора и вышел из комнаты. Я немедленно воспользовался его отсутствием, чтобы рассмотреть письма, лежавшие адресами вниз. Я не испытывал при этом никаких угрызений совести, так как находил, что в данных условиях, ради своего же спасения, я должен был воспользоваться любыми средствами. Одно из писем было адресовано Самуилу Ф. Биллингтону и К°, № 7, Крешенд, Уайтби; другое господину Лейтнеру, Варна; третье № Кутц и К°, Лондон; четвертое господам Клопштоку и Бильрейту, банкирам в Будапеште. Второе и четвертое были не запечатаны. Только я собрался прочесть их, как заметил движение дверной ручки. Я еле успел разложить письма в прежнем порядке, усесться в кресло и вновь приняться за книгу, как показался граф, держа в руках еще одно письмо. Он забрал со стола письма и, запечатав их, повернулся ко мне и сказал:

– Я надеюсь, вы меня простите за то, что я отлучусь на весь вечер, так как мне предстоит много частных дел.

В дверях он еще раз повернулся и сказал после минутной паузы:

– Позвольте посоветовать вам, мой милый друг, вернее, предупредить наисерьезнейшим образом, что если вы покинете известные комнаты, то вам никогда не удастся обрести покой во всем замке. Замок старинный, хранит в своих стенах много воспоминаний и плохо приходится тем, кем овладевают безрассудные видения. Итак, вы предупреждены! Как только почувствуете, что вас одолевает сон, спешите к себе в спальню, или в одну из этих комнат, и тогда ваш покой будет гарантирован.

Но если вы будете неосторожны... – он закончил свою речь, сказанную зловещим тоном, движением рук, показывая, что умывает их.

Я отлично понял его; но усомнился в возможности существования более кошмарного сна, чем та неестественная, полная мрака, ужаса и таинственности действительность, которая окружала меня.

Позже

Теперь, когда я заново эти последние строки, о сомнениях уже не может быть и речи. Я не побоюсь спать во всем замке, лишь бы его не было. Я положил распятие у изголовья кровати и думаю, таким образом мой покой обойдется без снов. Здесь крест навсегда и останется...

Когда граф ушел, я удалился в свою комнату. Немного погодя, не слыша ни звука, я вышел и пошел по каменной лестнице туда, откуда можно наблюдать за местностью с южной стороны. Тут я мог наслаждаться свободой, глядя на обширные, хотя и недоступные для меня пространства; все же сравнительно с черным мраком, царящим на дворе, тут был свет! Озираясь кругом, я лишний раз убедился, что действительно нахожусь в тюрьме; я жаждал хоть подышать свежим воздухом. Я любовался великолепным видом, озаренным мягким лунным светом, пока не стало светло как днем. Нежный свет смягчал очертания далеких холмов, а тени

в долинах и узких проходах покрылись бархатным мраком. Скромная красота природы ободрила меня; с каждым дыханием я как бы вбирал мир и покой. Когда я высунулся в окно, то заметил, что что-то зашевелилось у окна, налево от меня, именно там, где по моим предположениям находилось окно комнаты графа. Высокое и большое окно, у которого я стоял, было заключено в каменную амбразуру, которая, несмотря на то, что была источена временем, была цела. Я спрятался за амбразуру и осторожно выглянул.

И вот я заметил, как из окна высунулась голова графа. Лица его я не разглядел, но сразу узнал его по затылку и движениям плеч и рук. Я никак не мог ошибиться, так как много раз внимательно присматривался к его рукам. Вначале я очень заинтересовался этим явлением, да и вообще, много ли нужно, чтобы заинтересовать человека, чувствующего себя пленником! Но мое любопытство перешло в ужас и страх, когда я увидел, что он начал ползти вдоль стены над ужасной пропастью, лицом вниз, причем его одежда развевалась вокруг него, как большие крылья. Я глазам своим не верил! Вначале мне показалось, что это отражение лунного света или игра капризно брошенной тени; но продолжая смотреть, я отказался от своих сомнений, так как ясно увидел, как пальцы и ногти цеплялись за углы камней, штукатурка которых выветрилась от непогоды; пользуясь каждым выступом и малейшей неровностью, граф, как ящерица, полз с невероятной быстротой вниз по стене.

Что это за человек, или что это за существо, так напоминающее человека? Я чувствую, что весь ужас этой местности сковывает меня; я боюсь, ужасно боюсь и нет мне спасения! Я охвачен таким страхом, что не смею даже думать о...

15 мая.

Я опять видел графа, ползущего как ящерица. Он опустился на добрых 400 футов наискось влево. Затем он исчез в какой-то дыре, или окне. Когда голова его исчезла из виду, я высунулся в окно, стараясь проследить его путь, но безуспешно, так как расстояние было слишком велико. Я знал теперь, что он удалился из замка, и поэтому решил воспользоваться удобным случаем, чтобы осмотреть все то, что не успел осмотреть раньше. Я вернулся к себе в комнату, и взяв лампу, пошел пробовать все двери. Все они оказались запертыми, как я и ожидал, причем замки были совершенно новы; тогда я спустился по каменной лестнице в зал. Я убедился, что болты довольно легко отодвинуть и что не трудно снять и большие цепи с крючка; но дверь оказалась запертой, и ключ был унесен. Ключ, должно быть, в комнате у графа; придется дожидаться случая, когда дверь его комнаты будет открыта, чтобы иметь возможность забраться туда и уйти незаметно. Я продолжал осматривать различные лестницы и проходы и пробовал все двери. Одна или две маленькие комнатки близ зала оказались не запертыми, только там ничего не нашлось интересного, кроме старинной мебели, покрытой пылью и изъеденной молью. В конце концов, на самой верхушке одной лестницы я все-таки нашел какую-то дверь, которая хоть и была заперта, но при первом же легком толчке поддалась. При более сильном толчке я почувствовал, что она действительно не заперта. Тут мне представился случай, который вряд ли вторично подвернется; поэтому я напряг все свои силы, и мне удалось настолько отодвинуть дверь, что я смог войти. По расположению окон я понял, что анфилада комнат расположена на южной стороне замка, а окна этой комнаты выходят на запад и юг. С той и с другой стороны зияла громадная пропасть. Замок был построен на краю большого утеса, так что с трех сторон он был совершенно неприступен. На западе виднелась большая долина, а за ней, вдали, возвышались зубчатые утесы, расположенные один за другим; они были покрыты горными цветами и терновником, корни которого цеплялись за трещины и развалины камня. Эта часть замка была, по-видимому, когда-то обитаема, так как обстановка казалась уютнее, чем в остальных частях. Занавеси на окнах отсутствовали, и желтый свет луны, проникавший сквозь окна, скрадывал толстый слой пыли, лежавший повсюду и прикрывавший изъязны, вызванные временем. Моя лампа мало помогала при ярком лунном свете, но я был

счастлив, что она со мною, потому что ужасное одиночество заставляло холодеть мое сердце и расстраивало нервы. Во всяком случае, мне здесь было лучше, чем в тех комнатах, которые я возненавидел благодаря присутствию в них графа; я постарался унять свои нервы и постепенно нежное спокойствие охватило меня.

16 мая. Утро.

Да хранит Господь мой рассудок, так как я в этом очень нуждаюсь! Безопасность и уверенность в безопасности – дело прошлого! Пока я здесь живу, у меня только одно стремление – как бы не сойти с ума, если только это уже не произошло. Если рассудок еще при мне, то действительно сумасшествие думать, будто из всех мерзостей, коими я окружен в этом ненавистном месте, – менее всего мне страшен граф, и будто только с его стороны я еще могу надеяться на помощь до тех пор, пока он во мне нуждается! Великий Боже! Сохрани мое хладнокровие, так как иначе сумасшествие действительно неизбежно!..

Таинственное предостережение графа теперь волнует меня; когда я об этом думаю, то еще больше пугаюсь, так как чувствую, что в будущем буду находиться под страхом его власти надо мною. Я буду бояться даже усомниться в каждом его слове...

Будучи сегодня ночью в комнатке наверху, я почувствовал, как сон начал меня одолевать. Я вспомнил предостережение графа, но страстное желание послушаться его овладело мною. Сон одолевал меня все сильнее, и вместе с ним – желание борьбы. Мягкий лунный свет озарял пространство, а водворившийся покой как-то освежал меня. Я решил в эту ночь не возвращаться больше в свои мрачные комнаты, а проспать здесь. Я вытащил какую-то кушетку из угла и поставил ее так, что мог лежать свободно наслаждаться видом на запад и на юг, и не обращая внимания на густую, покрывающую здесь все пыль, я собрался заснуть.

Мне кажется, вероятнее всего, что я и заснул; я надеюсь, что так и было, но все-таки ужасно боюсь, как бы все, что затем последовало, не происходило наяву – так как то, что произошло, было так реально, так явственно, что теперь, сидя здесь при ярком солнечном свете, я никак не могу представить себе, чтобы то был сон...

Я был не один... Комната была та же, несколько не изменившаяся с тех пор, как я в нее вошел. Я мог различить благодаря лунному свету свои собственные следы, которые разрушили сеть накопившейся на полу паутины. В лунном свете против меня находились три молодые женщины; судя по одеждам и манерам это были леди. Я думаю, что видел их сквозь сон, так как несмотря на то, что свет луны находился позади них, от них не было никакой тени на полу. Они подошли ко мне вплотную и, посмотрев на меня, начали затем шептаться между собой. Две из них были брюнетками, с тонкими орлиными носами как у графа, с большими темными пронзительными глазами, казавшимися совершенно красными при бледно-желтом свете луны. Третья леди была белокура – самая светлая блондинка, какая только может существовать, с вьющимися, густыми золотистыми волосами и с глазами цвета бледного сапфира. Мне казалось, что я знаю это лицо, что я во сне его когда-то видел, но никак не мог вспомнить, где и когда именно. У всех трех были великолепные белые зубы, казавшиеся жемчугом среди рубиново-красных сладострастных губ. В них было нечто такое, что сразу заставило меня почувствовать какую-то неловкость. В душе моей пробудилось какое-то мерзкое желание, чтобы они меня поцеловали своими красными чувственными губами.

Они пошептались между собой, и потом все трое рассмеялись каким-то удивительно серебристым музыкальным смехом. Блондинка кокетливо кивнула головкой, а другие подзадоривали ее. Одна из них сказала:

– Начинай! Ты первая, а мы последуем твоему примеру. Твое право начать.

Другая прибавила:

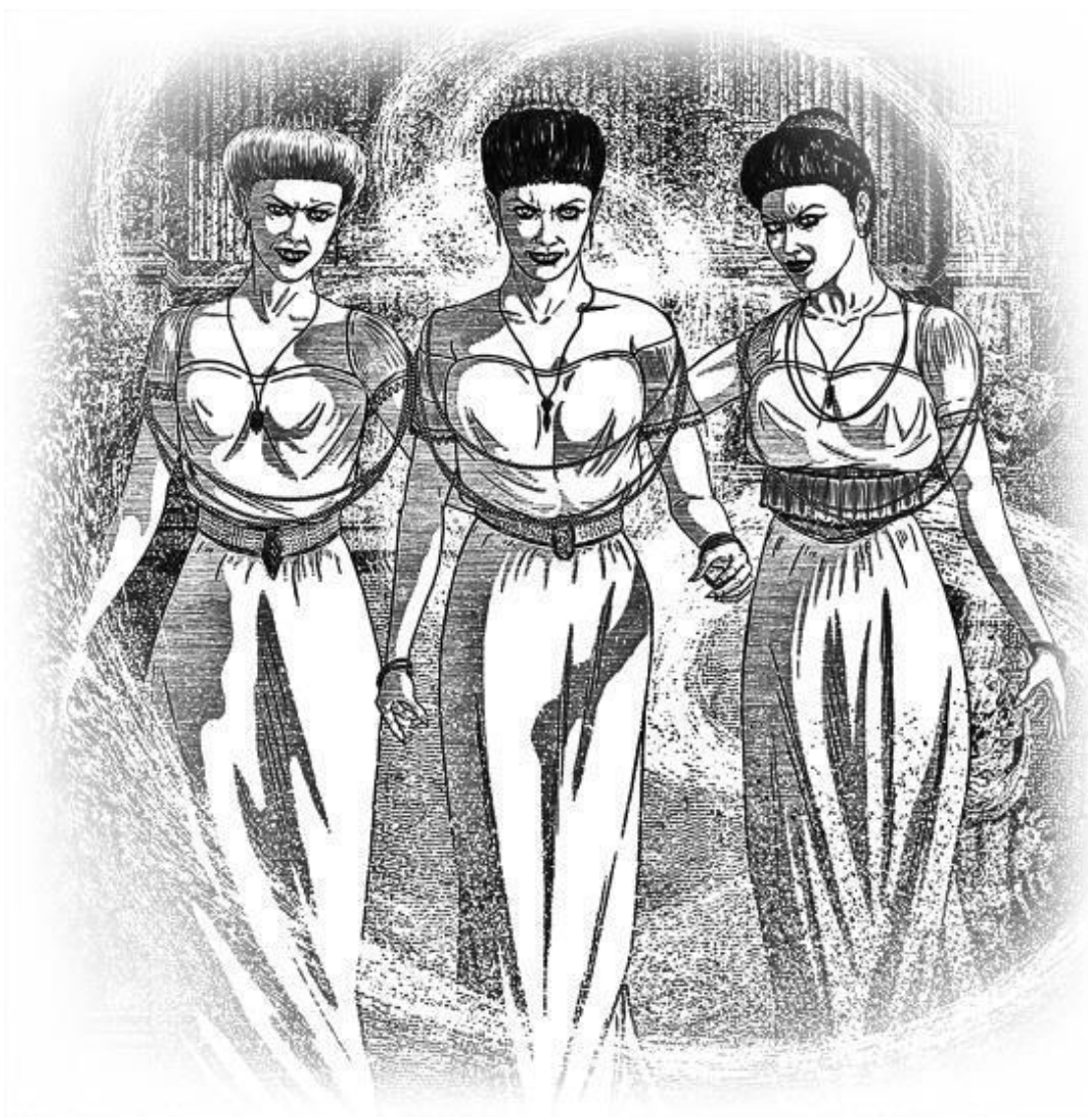
– Он молод и здоров; тут хватит поцелуев на всех нас.

Я спокойно лежал и, прищурившись, глядел на них, изнемогая от предвкушения наслаждения. Светлая дева подошла ко мне и наклонилась надо мною так близко, что я почувствовал ее дыхание. Оно было какое-то сладкое, точно мед, а с другой стороны, действовало на нервы так же своеобразно, как и ее голос, но в этой сладости чувствовалась какая-то горечь, какая-то отвратительная горечь, присущая запаху крови.

Я боялся открыть глаза, но прекрасно все видел, приоткрыв немного веки. Блондинка стала на колени и наклонилась надо мной. Она наклонялась все ближе и ближе, облизывая при этом свои губы, как животное; при свете луны я заметил, что ее ярко-красные губы и кончик языка, которым она облизывала белые острые зубы, обильно покрыты слюной. Ее голова опускалась все ниже и ниже, и губы ее, как мне показалось, прошли мимо моего рта и подбородка и остановились над самым горлом. Я ощутил какое-то щекотание на коже горла и прикосновение двух острых зубов. Я закрыл глаза в томном восторге и ждал, и ждал, трепеща всем существом.

Но в то же мгновение меня с быстротою молнии охватило другое ощущение. Я почувствовал присутствие графа; он был в бешенстве. Я невольно открыл глаза и увидел, как граф своей мощной рукой схватил женщину за ее тонкую шею и изо всей силы швырнул в сторону, причем синие глаза ее сверкнули бешенством, белые зубы скрежетали от злости, а бледные щеки вспыхнули от гнева. Но что было с графом! Никогда не мог вообразить себе, чтобы даже демоны могли быть охвачены такой свирепостью, бешенством и яростью! Его глаза метали молнии. Красный оттенок их сделался еще ярче, как будто пламя адского огня пылало в них. Лицо его было мертвенно бледно, и все черты лица застыли, как бы окаменев; а густые брови, и без того сходящиеся к носу, теперь напоминали тяжелую прямую полосу добела раскаленного металла. Свирепо отбросив женщину от себя, он сделал движение в сторону двух других, как бы желая и их отбросить назад. Движение это было похоже на то, которым он укрощал волков; затем своим громким, твердым голосом, пронизывающим воздух в комнате, несмотря на то, что он говорил почти шепотом, он сказал:

– Как вы смеете его трогать! Как вы смеете поднимать глаза на него, раз я вам запретил? Назад, говорю вам! Ступайте все прочь! Этот человек принадлежит мне! Посмейте только коснуться его, и вы будете иметь дело со мною!

Иллюстрации для подарочного издания 1916 года.

Художник – Эдгар Альфред Холлоуэй.

«...В лунном свете против меня находились три молодые женщины; судя по одеждам и манерам это были леди. Я думаю, что видел их сквозь сон, так как несмотря на то, что свет луны находился позади них, от них не было никакой тени на полу...»

Светлая дева грубо-кокетливым движением повернулась к нему и сказала, смеясь:

– Ты сам никогда никого не любил; и никогда никого не полюбишь!

Другие женщины подтвердили это, и раздался такой радостный и в то же время грубый и бездушный смех, что я чуть не лишился чувств, казалось, бесы справляли свой шабаш. Граф повернулся ко мне и, пристально глядя мне в глаза, нежно прошептал:

– Нет, я тоже могу любить; вы сами могли в этом убедиться в прошлом. Я обещаю вам, что как только покончу с ним, позволю вам целовать его, сколько захотите. А теперь уходите. Я должен его разбудить, так как предстоит еще одно дело.

– А разве мы сегодня ночью ничего не получим? – со сдержанным смехом спросила одна из них, указывая на мешок, который граф бросил на пол и который двигался, будто в нем находилось что-то живое. Он утвердительно кивнул головой. Одна из женщин моментально кинулась и развязала мешок. Если только мои уши не обманули меня, то оттуда раздался вздох и вопли полуживого ребенка. Женщины кружились вокруг мешка, в то время как я весь

был охвачен ужасом; но когда я взгляделся пристально, оказалось, что они уже исчезли, а вместе с ними исчез и ужасный мешок. Другой двери в комнате не было, а мимо меня они не проходили. Казалось, они просто испарились в лучах лунного света и исчезли в окне, поскольку я заметил, как их слабый облик постепенно изглаживается на его фоне.

Затем ужас охватил меня с такой силой, что я упал в обморок.

Глава четвертая

Проснулся я в собственной постели. Если только ночное приключение не приснилось мне, значит граф принес меня сюда. Целый ряд мелких признаков подтверждал это. Мое платье было сложено не так, как я это обыкновенно делаю. Мои часы остановились, а я их всегда завожу на ночь, и много еще аналогичных подробностей. Но, конечно, они не могли служить доказательством; может быть, эти явления подтверждают только то, что мой рассудок по той или иной причине не совсем в порядке. Я должен найти другие доказательства. Чему я, однако, несказанно рад, так это тому, что мои карманы остались нетронутыми, видимо граф очень спешил, если только он перенес меня сюда и раздел. Я уверен, что мой дневник был бы для него загадкой, которую он не смог бы разгадать. Он, наверное, взял бы его себе и, может быть, уничтожил. Теперь спальня, всегда казавшаяся мне отвратительной, является как бы моим святилищем, так как нет ничего страшнее тех ужасных женщин, которые ожидали и будут ждать случая высосать мою кровь.

18 мая

Я опять пошел в ту комнату, так как должен же я, наконец, узнать всю правду. Когда я подошел к двери на верхней площадке лестницы, то нашел ее запертой. Ее захлопнули с такой силой, что часть двери оказалась расщепленной. Я увидел, что болт не был задвинут, и дверь закрыта изнутри. Боюсь, что все это – не сон...

19 мая

Я, без сомнения, напал на след. Прошлой ночью граф наисладчайшим тоном попросил меня написать три письма: в первом сообщил, что мое дело здесь уже близится к концу и что через несколько дней я выеду домой; во втором – что я выезжаю на следующий день даты письма, а в третьем – что я уже покинул замок и приехал в Быстрицу. Мне страшно захотелось запротестовать, но я понял, что в моем положении открыто ссориться с графом – безумие, поскольку я нахожусь целиком в его власти; а отказаться написать эти письма значило бы возбудить подозрения графа и навлечь на себя его гнев. Он понял бы, что я слишком много узнал, и не должен оставаться в живых, ибо стал опасен. Единственная моя надежда теперь – искать и ждать удобного случая. Может быть, и подвернется возможность бежать. В его глазах я снова заметил нечто похожее на тот гнев, с которым он отшвырнул от себя белокурую женщину. Он объяснил, что почта ходит здесь редко и не внушает доверия, поэтому следует заранее известить моих друзей о своем приезде; кроме того он убеждал меня, что если мне придется продлить свое пребывание в замке, он всегда успеет задержать мое последнее письмо в Быстрице на необходимое время. Все это было сказано таким тоном, что противоречить ему значило бы вызвать у него новые подозрения, поэтому я сделал вид, что совершенно согласен и только спросил, какие числа проставить в письмах. Он на минуту задумался, потом сказал:

– Первое пометьте 12 июня, второе и третье 29 июня.

Теперь я знаю, сколько дней я еще проживу. Да поможет мне Бог!

28 мая

Есть возможность сбежать или по крайней мере послать домой весточку: цыганский табор пришел к замку и расположился во дворе.

Я напишу домой несколько писем и постараюсь добиться, чтобы цыгане доставили их на почту. Я уже завязал с ними знакомство, через окошко. Они сняли при этом шляпы и делали мне какие-то знаки, так же малопонятные, как и их язык.

Я написал письма. Мне написал стенографически, а мистера Хокинса просто попросил списаться с нею. Ей я сообщил о своем положении, умалчивая, однако, об ужасах, в которых я сам еще не вполне разобрался. Если бы я выложил ей всю душу, то она испугалась бы до смерти. Если письма каким-нибудь образом все-таки дойдут до графа, он, тем не менее, не узнает моей тайны или, вернее, того, насколько я проник в его тайны...

Я отдал письма; я бросил их сквозь решетку моего окна вместе с золотой монетой и, как мог, знаками показал им, что нужно опустить их в почтовый ящик. Взявший письма прижал их к сердцу и затем вложил в свою шляпу. Больше я ничего не мог сделать. Я пробрался в библиотеку и начал читать. Так как граф не приходил, то я и писал здесь...

Граф пришел. Он уселся напротив меня и сказал своим вкрадчивым голосом, вскрывая два письма:

– Цыгане передали мне эти письма, хотя я и не знаю, откуда они взялись. Мне теперь придется быть осторожным. Посмотрим! – Он, по-видимому, их рассмотрел: – одно из них от вас к моему другу Питеру Хокинсу; другое, – здесь, открыв письмо, он увидел странные знаки, причем его лицо омрачилось, и глаза сверкнули бешенством, – другое – гадкий поступок – злоупотребление дружбой и гостеприимством. Оно не подписано. Прекрасно! Так что оно не может нам повредить.

И он хладнокровно взял письмо и конверт и держал их над лампой, пока они не превратились в пепел. Затем продолжал:

– Письмо, адресованное Хокинсу, я конечно отправлю, раз оно от вас. Ваши письма для меня святы. Вы мой друг, простите меня, конечно, что не зная этого, я их распечатал. Не запечатаете ли вы письмо вновь.

Он протянул мне письмо и с изысканным поклоном передал чистый конверт. Мне оставалось только надписать адрес и молча вручить письмо. Когда он вышел из комнаты, я услышал, как ключ мягко повернулся в замке. Подождав минуту, я подошел к двери – она оказалась запертой.

Спустя час или два граф спокойно вошел в комнату; он разбудил меня своим приходом, так как я заснул тут же на диване. Он был очень любезен и изыскан в своем обращении и, видя, что я спал, сказал:

– Вы устали, мой друг? Ложитесь в постель. Там удобнее всего отдохнуть. Я лишен удовольствия беседовать с вами сегодня ночью, так как очень занят; но вы будете спать, я в этом уверен!

Я прошел в спальню и, странно признаться, великолепно спал. И отчаяние имеет свои хорошие стороны...

31 мая

Когда я сегодня проснулся, то решил запасть бумагой и конвертами из своего чемодана и хранить их в кармане, дабы иметь возможность записывать то, что нужно, в случае необходимости немедленно, но меня ожидал новый сюрприз: из чемодана исчезла вся бумага и конверты вместе со всеми заметками, расписанием железных дорог, подробными описаниями моих путешествий; исчезло и письмо с аккредитивом, словом все, что могло бы мне пригодиться, будь я на воле. Я принялся искать их в портмоне и в шкафу, где висели те вещи, в которых я приехал.

Мой дорожный костюм исчез; мой сюртук и одеяло также. Я нигде не мог найти и следа их. Должно быть, новая злодейская затея.

17 июня

Сегодня утром, сидя на краю постели и разбираясь в событиях, я вдруг услышал на дворе шелканье хлыста и стук копыт лошадей по каменной дороге. Я бросился к окну и увидел два

больших фургона, запряженный каждый 8 лошадьми; у каждой пары стоял словак в белой шляпе, кушаке, обитом громадными гвоздями, грязных штанах и высоких сапогах. В руках у них были длинные палки. Я бросился к двери, чтобы скорее спуститься вниз и пробраться к ним через входную дверь, которая, по моему мнению, была не заперта. Опять поражение: моя дверь оказалась запертой снаружи. Тогда я бросился к окну и окликнул их. Они тупо взглянули вверх, и тут к ним как раз подошел их предводитель; увидев, что они показывают на меня, он сказал им что-то, над чем они рассмеялись. После этого никакие мои усилия, ни жалобный крик, ни отчаянные мольбы не могли заставить их взглянуть на мое окно. Они окончательно отвернулись от меня. Фургоны были нагружены большими ящиками с толстыми ручками; они без сомнения были пустыми, судя по легкости, с которой их несли. Ящики выгрузили и сложили в кучу в углу двора, затем цыгане дали словакам денег, плюнув на них на счастье, после чего словаки лениво направились к своим лошадям и уехали.

Прошлой ночью граф рано покинул меня и заперся на ключ у себя в комнате. Как только я убедился в этом, я опять помчался по винтовой лестнице наверх посмотреть в окно, выходящее на юг. Я думал, что подстерегу здесь графа, поскольку, кажется, что-то затевается. Цыгане располагаются где-то в замке и заняты какой-то работой. Я это знаю, так как порой слышу шум езды и глухой стук не то мотыги, не то заступа; что бы они ни делали, это вероятно должно означать завершение какого-то жестокого злодеяния.

Я стоял у окна почти полчаса, прежде чем заметил, как что-то выползло из окна комнаты графа. Я подался назад и осторожно наблюдал. Наконец я увидел всего человека. Новым ударом было для меня то, что я увидел на нем свой дорожный костюм; через плечо висел тот самый ужасный мешок, который, как я помнил, те женщины забрали с собой. Сомнений не оставалось: это он похитил мои вещи и нарядился в мое платье – вот, значит, в чем смысл его новой злой затеи. Он хочет, чтобы люди приняли его за меня, чтобы, таким образом, в городе и в деревнях знали, что я сам относил свои письма на почту, и чтобы всякое злодеяние, которое он совершит в моем костюме, было всеми местными жителями приписано мне.

Я думал, что дождусь возвращения графа, и поэтому долго и упорно сидел у окна. Затем я начал замечать в лучах лунного света какие-то маленькие мелькающие пятна, крошечные, как микроскопические пылинки; они кружились и вертелись как-то неясно и очень своеобразно. Я жадно наблюдал за ними, и они навеяли на меня странное спокойствие. Я уселся поудобнее в амбразуре окна и мог, таким образом, свободнее наблюдать за движением в воздухе.

Что-то заставило меня вздрогнуть. Какой-то громкий жалобный вой собак, раздавшийся со стороны долины, скрытой от моих взоров. Все громче и громче слышался он, а витающие атомы пылинок, казалось, принимали новые образы, меняясь вместе со звуками и танцуя в лунном свете. Я боролся и взывал к моему рассудку; вся моя душа полусознательно боролась вместе со всеми моими чувствами и порывалась ответить на зов. Я находился как бы под гипнозом. И все быстрее кружились пылинки, а лунный свет как бы ускорял их движение, когда они проносились мимо меня, исчезая в густом мраке. Они все больше и больше стучались, пока не приняли форму мутных призраков. Тогда я вскочил, опомнился, взял себя в руки и с криком убежал. В призрачных фигурах, явственно выступавших при лунном свете, я узнал очертания тех трех женщин, в жертву которым я был обещан. Я убежал в свою комнату, где не было лунного света и где ярко горела лампа; мне казалось, что здесь я в безопасности. Через несколько часов я услышал в комнате графа какой-то шум, точно резкий вскрик, внезапно подавленный, затем наступило молчание, такое глубокое и ужасное, что я невольно содрогнулся. С бьющимся сердцем я старался открыть дверь; но я снова был заперт в своей тюрьме и ничего не мог поделать.

Вдруг я услышал на дворе душераздирающий крик женщины. Я подскочил к окну и посмотрел на двор сквозь решетку. Там, прислонившись к калитке в углу, действительно сто-

яла женщина с распущенными волосами. Увидев мое лицо в окне, она бросилась вперед и угрожающим голосом крикнула:

– Изверг, отдай моего ребенка!

Она упала на колени, и простирая руки, продолжала выкрикивать эти слова, которые ранили мое сердце. Она рвала на себе волосы, била себя в грудь и приходила во все большее и большее отчаяние. Наконец, продолжая неистовствовать, она кинулась вперед, и хотя я не мог ее больше видеть, но слышал, как она колотила во входную дверь.

Затем, откуда-то высоко надо мной, должно быть, с башни, послышался голос графа; он говорил что-то своим повелительным, строгим, металлическим голосом. В ответ ему раздался со всех сторон, даже издалека, вой волков. Не прошло и нескольких минут, как целая стая их ворвалась сквозь широкий вход во двор, точно вырвавшаяся на свободу свора диких зверей.

Крик женщины прекратился, и вой волков как-то внезапно затих. Вслед за тем волки, облизываясь, удалились поодиночке.

Я не мог ее не пожалеть, так как догадывался об участи ее ребенка, а для нее самой смерть была лучше его участи.

Что мне делать? Что я могу сделать? Как я могу убежать из этого рабства ночи, мрака и страха?

Ночью меня всегда тревожат и терзают страхи и уг-рожают какие-нибудь опасности или ужасы. Я до сих пор ни разу не видел графа при дневном свете. Неужели он спит, когда другие бодрствуют, и бодрствует, когда другие спят? Если бы я только мог попасть в его комнату! Но нет никакой возможности! Дверь всегда заперта, я никак не могу пробраться туда.

Нет, попасть туда можно! Лишь бы хватило храбрости! Раз попадает он, почему же не попытаться другому? Я собственными глазами видел, как он полз по стене, почему бы и мне не последовать его примеру и не пробраться к нему через окно? Шансов мало, но и положение отчаянное! Рискну! В худшем случае меня ждет только смерть. Да поможет мне Бог в моем предприятии! Прощай, Мина, если я промахнусь, прощайте, верный мой друг, мой второй отец; прощайте, и последний привет Мине!

Тот же день. Позже

Я рискнул и, благодаря Создателю, вернулся опять в свою комнату. Совершенно бодрый, со свежими силами, я подошел к окну, выходящему на юг и на узкий каменный карниз. Стена построена из больших грубо отесанных камней, и известка между ними выветрилась от времени. Я снял сапоги и начал спускаться по ужасному пути. Я прекрасно знал направление, а также расстояние до окна графа, считался с этим, сколько мог, и решил воспользоваться всеми полезными случайностями. Я не чувствовал головокружения – должно быть, я был очень возбужден, – и время показалось мне невероятно коротким, так как вскоре я очутился у окна комнаты графа. Тем не менее я страшно волновался, когда наклонился и спустил ноги из окна в комнату. Я взглянул – нет ли графа – и с удивлением и радостью увидел, что в комнате никого не было. Обстановка напоминала стиль южных комнат, и так же покрыта пылью. Я стал искать ключ; в замке его не оказалось, я его нигде не находил. Единственное, что я обнаружил, – целая куча золота в углу: золото всевозможного рода – романские, британские, австрийские, греческие и турецкие монеты, покрытые целым слоем пыли и, должно быть, долго лежавшие в земле. Я не заметил среди них ни одной, возраст которой насчитывал бы менее трехсот лет. Там были еще цепи, украшения и несколько драгоценностей, но все старое и в пятнах. В углу была дверь. Я попробовал ее открыть, так как, не найдя ключа от комнаты или входной двери, что было главной целью моих поисков, я должен был продолжать свои исследования для того, чтобы все мои труды не пропали даром. Она оказалась открытой и вела круто вниз сквозь каменный проход по винтовой лестнице. Я спустился, внимательно наблюдая за тем, куда я иду, ибо лестница была темная и освещенная лишь редкими отверстиями в толстой каменной стене. На дне

я натолкнулся на темный проход туннеля, откуда несся тошнотворный, убийственный запах – запах старой, только что разрытой земли; по мере моего приближения запах становился все удушливее и тяжелее. Наконец, я толчком распахнул какую-то тяжелую полуоткрытую дверь и очутился в старой развалившейся часовне, служившей, как видно, склепом. Крыша ее была сломана, и какие-то ступени вели в трех местах в углубления; земля была здесь недавно разрыта и насыпана в большие деревянные ящики, очевидно те самые, что привезли словаки. Я начал искать еще какой-нибудь выход, но его не оказалось. Тогда я исследовал каждый вершок пола, чтобы не пропустить какой-нибудь детали. Я даже спустился в углубления, куда с трудом проникал тусклый свет; спустился я туда с чувством страха. Я обыскал два углубления, но ничего там не нашел, кроме обломков старых гробов и кучи пыли. В третьем я все-таки сделал открытие.

Там в одном из больших ящиков, которых всего было 50 штук, на куче свежей земли лежал граф! Он или был мертв, или спал, я не мог определить, так как глаза его были открыты и точно окаменели, но без остекленевшего оттенка смерти, щеки были жизненны, несмотря на бледность, а губы красны, как всегда. Но лежал он неподвижно, без пульса, без дыхания, без биения сердца. Я наклонился к нему, стараясь найти какой-нибудь признак жизни, но тщетно. Он, должно быть, лежал здесь недавно, так как земля была свежей. Около ящика покоилась крышка с просверленными в ней дырками. Я подумал, что ключи, вероятно, находятся у графа, но когда я начал их искать, взор мой случайно встретился с мертвыми глазами графа, и в них я прочел такую ненависть, что в ужасе попятился назад и поспешно ушел обратно, выбрался через окно и, взобравшись по замковой стене, вернулся к себе. Я бросился, задыхаясь, в постель и постарался собраться с мыслями...

29 июня

Сегодня срок моего последнего письма.

Граф пришел ко мне и сказал:

– Завтра, мой друг, вы должны выехать. Вы возвратитесь в свою великолепную Англию, а я вернусь к делу, которое, может быть, приведет к такому концу, какого мы вовсе не ожидаем. Ваше письмо уже отослано; завтра меня здесь не будет, но все будет приготовлено к вашему отъезду. Утром сюда придут цыгане и несколько словаков. Когда они уйдут, за вами приедет моя коляска, которая повезет вас в проход Борго, где вы пересядете в дилижанс, идущий из Буковины в Быстрицу, но я надеюсь, что увижу вас еще раз в замке Дракулы.

Я решил проверить его искренность и спросил прямо:

– Почему я не могу выехать сегодня вечером?

– Потому что, дорогой мой, мой кучер и лошади отправлены по делу.

– Но я с удовольствием пойду пешком, я сейчас же готов уйти.

Он улыбнулся так мягко, так нежно и в то же время такой демонической улыбкой, что мои подозрения воскресли с новой силой. Он спросил:

– А ваш багаж?

– Я могу прислать за ним. Сейчас он мне не нужен.

Граф встал и сказал с такой поразительной изысканностью, что я не поверил себе, до того это было искренне:

– У вас, англичан, есть одна пословица, которая близка моему сердцу, так как ею руководствуемся и мы, магнаты: добро пожаловать, гость приходящий, и спешите – уходящий. Пойдемте со мною, дорогой мой друг, я и часу не хочу оставлять вас против вашего желания. Идемте же!

Необыкновенно любезно, держа в руке лампу, граф спустился со мной по лестнице, освещая мне дорогу. Но вдруг он остановился и вытянул руку:

– Слушайте!

Раздался вой волков, точно вызванный движением его руки. После минутной паузы мы пошли дальше и достигли двери; он отодвинул болты и снял цепи, после чего начал открывать дверь.

К моему величайшему изумлению, оказалось, что дверь не была заперта на ключ. Я подозрительно оглядел ее: нигде не было видно даже следа от замка.

Когда дверь стала постепенно открываться, то вой волков снаружи стал раздаваться все громче и громче. Тогда я понял, что против графа открыто не пойдешь. С такими противниками, да еще когда они под командой графа, я ничего не мог сделать. Но дверь продолжала медленно раскрываться; граф стоял в дверях один. У меня на мгновение мелькнула мысль, вот, вероятно, моя участь: он бросит меня волкам – и я сам же помогу ему сделать это. В подобном плане было достаточно дьявольского замысла. Не видя другого исхода, я крикнул:

– Закройте дверь; я лучше дождусь утра!

Одним взмахом своей могучей руки граф захлопнул дверь, и большие болты с шумом вошли на свои места.

Когда я был уже у себя в комнате и собирался лечь, мне послышался шепот у моих дверей. Я тихо подошел к ней и прислушался. Я услышал голос графа:

– Назад, назад, на свои места! Ваше время еще не настало. Подождите! Имейте терпение! Завтра ночью! Завтрашняя ночь ваша!

Вслед за этим раздался тихий нежный хохот; я с бешенством раскрыв дверь и увидел этих трех ужасных женщин, облизывающих свои губы. Как только я показался, они разразились диким смехом и убежали.

Я вернулся в комнату и бросился на колени. Неужели мой конец так близок? Завтра! Завтра! Создатель, помоги мне и тем, кому я дорог!

30 июня, утром

Быть может, это мои последние строки в дневнике. Я спал до рассвета; проснувшись, я опять бросился на колени, так как решил, что если меня ждет смерть, то надо к ней приготовиться.

Помолившись, я открыл дверь и побежал в переднюю. Я ясно помнил, что дверь была не заперта – значит, мне представилась возможность бежать. Дрожащими от волнения руками я снял цепь и отодвинул болты. Но дверь не поддавалась! Отчаяние овладело мною.

Дикое желание раздобыть ключи привело меня к решению снова вскарабкаться по стене и пробраться в комнату графа. Пусть он убьет меня, смерть теперь казалась мне лучшим исходом. Не задумываясь, я ринулся вверх по лестнице к восточному окну и пополз вниз по стене, как и раньше, в комнату графа. Я отправился через дверь в углу вниз по винтовой лестнице и по темному проходу в старую часовню. Я знал теперь, где найду страшилище.

Большой ящик все еще стоял на прежнем месте, у самой темной стены, но на этот раз на нем лежала крышка, еще не приделанная, но с приготовленными гвоздями, так что оставалось только вколотить их. Мне нужно было его проклятое тело из-за ключа, так что я снял крышку и поставил ее к стене. Предо мною лежал граф но наполовину помолодевший, так как его седые волосы и усы потемнели. Щеки казались полнее, а под белой кожей просвечивал румянец; губы его были ярче обыкновенного, так как на них еще сохранились свежие капли крови, капавшие из углов рта и стекавшие по подбородку на шею. Дрожь пробежала по моему телу, когда я наклонился к нему, чтобы до него дотронуться; но я должен был найти ключ, иначе я погиб. Быть может, следующей ночью мое тело послужит добычей для пиршества трех ужасных колдуний. Я обыскал все тело, но не нашел ключей. Тогда я остановился и посмотрел на графа. На его окровавленном лице блуждала ироническая улыбка, которая, казалось, сведет меня с ума. У меня не было под рукой никакого смертоносного оружия, я схватил лопату, которой рабочие наполняли ящики с землей и, высоко взмахнув ею, ударил острием вниз прямо в ненавист-

ное лицо. Но тут голова его повернулась, и глаза, в которых светилась ненависть василиска²⁴, уставились на меня. Их взгляд парализовал меня; лопата, дрогнув, скользнула мимо и вонзилась в дерево возле лба. Оружие выпало из моей руки; когда я попытался поймать его, острие заступы задело крышку, и она упала на прежнее место. Последнее, что я увидел, было раздутое, налитое кровью лицо, перекошенное гримасой ненависти ко всему живому, пылающее адским пламенем...

Я думал и думал, что же теперь предпринять, но голова моя горела; в отчаянии я стоял и ждал. В это время я услышал многоголосый цыганский напев и пробивающийся сквозь него свист бичей да стук тяжелых колес: это подъезжали цыгане и словаки, о которых говорил граф. В последний раз оглядев ящик, в котором покоилось тело, я покинул подземелье и, добравшись до комнаты графа, приготовился отразить нападение в тот момент, когда дверь откроется. Напряженно прислушиваясь, я уловил позвякивание ключей, скрип замка и, наконец, звук отпирающейся двери. Видимо, существовал какой-то другой вход, либо у кого-то были ключи к закрытым дверям. Потом я услышал топот многих ног, затихающий в какой-то боковой галерее и оставивший после себя долгое эхо. Я собрался вновь сбежать вниз, под своды, чтобы найти этот новый проход, но мощный порыв ветра захлопнул дверь, ведущую к винтовой лестнице, с такой силой, что сдул с дверных перемычек пыль и паутину. Я попытался открыть ее, но сразу понял, что это бесполезно. Я вновь был узником, и сети рока оплели меня.

Пока я пишу эти строки, снизу доносится топот ног и звуки перетаскиваемых тяжестей, без сомнения, ящиков с землей; я слышу стук молотка – это прибивают крышку. Вот стали слышны тяжкие шаги в холле, а вслед за ними – легкий топот множества ног.

Двери запирают, и гремят цепи, в замке поворачивается ключ; я слышу, как его вынимают, затем другие двери отпираются и вновь захлопываются, грохочут замки и засовы.

Чу! Сперва со двора, а потом внизу, на горной дороге – шум удаляющихся повозок; свист бичей и говор цыган замирает вдали.

Я один в замке... и эти кошмарные женщины. Тьфу! Мина тоже женщина, но какая между ними пропасть! Это просто исчадия ада!

Оставаться здесь невозможно; надо попытаться спуститься по стене ниже, чем в прошлый раз. Еще не забыть захватить с собой золото – потом пригодится.

НАДО НАЙТИ ВЫХОД ИЗ ЭТОГО КОШМАРА!

И потом – домой! На первом же поезде, подальше от этого жуткого места, из этой проклятой земли, где дьявол со своими малютками, которые, как говорят, не так уж и страшны, бродит по дорогам!

Лучше положиться на милость Господню, чем отдаться в лапы этим чудовищам. Пропать крута и глубока, но и в бездне человек сможет остаться ЧЕЛОВЕКОМ! Прощайте, все! Мина!..

²⁴ Василиск (от греч. «царек») – мифическое создание с головой петуха, туловищем и глазами жабы и хвостом змеи. По средневековым представлениям, василиск способен убивать лишь одним своим взглядом.

Глава пятая

Письмо мисс Мины Мюррей к мисс Люси Вестерн

9 мая

Дорогая Люси!

Прости за столь долгое молчание, но я была просто завалена работой. Жизнь завуча детской школы подчас ужасно утомительна. Мне так хочется тебя увидеть, посидеть на нашем месте у моря, где мы сможем болтать и строить воздушные замки. Я усиленно занимаюсь стенографией, так как хочу впоследствии помогать Джонатану в его работах. Мы с ним иногда переписываемся стенографически, и весь дневник о своей поездке за границу он тоже ведет стенографически. Только что получила несколько торопливых строчек от Джонатана из Трансильвании. Он, слава Богу, здоров и вернется приблизительно через неделю. Я жажду узнать от него все новости. Это должно быть очень интересно – видеть чужие страны. Не думаю, чтобы нам – я хочу сказать Джонатану и мне – удалось когда-нибудь вместе увидеть их. Вот часы бьют 10. До свидания!

Любящая тебя Мина.

P. S. Пиши мне обо всех новостях. Ты мне уже давно ничего не сообщала. Ходят какие-то слухи о тебе и особенно о каком-то высоком красивом человеке с кудрявыми волосами?!

Иллюстрации для подарочного издания 1916 года.
Художник – Эдгар Альфред Холлоуэй.

«...Теперь город оживился, мы посещаем картинные галереи, совершаем бесконечные прогулки по парку и катаемся верхом...»

Письмо Люси Вестерн к Мине Мюррей
17 Четам стрит. Среда

Дорогая моя Мина, ты очень несправедливо обвиняешь меня, называя неаккуратной корреспонденткой: я дважды писала тебе с тех пор, как мы расстались, а твое последнее письмо было только вторым. Кроме того, мне нечего тебе сообщить. Право, ничего нет такого, что могло бы тебя заинтересовать. Теперь город оживился, мы посещаем картинные галереи, совершаем бесконечные прогулки по парку и катаемся верхом. Что же касается высокого кудрявого человека, то это, я думаю, тот самый, который был со мною последний раз на охоте. По-видимому, кому-то захотелось посплетничать! Этот молодой человек – некто мистер Холмвуд. Он часто бывает у нас, мама и он очень любят беседовать друг с другом; между ними много общего, и поэтому они находят массу тем для разговоров... Кстати, недавно мы встретились с одним господином, который был бы для тебя очень подходящей партией, если бы ты, конечно, не была уже невестой Джонатана. Он на редкость умен, по профессии – доктор. Как странно, что ему всего 29 лет, а между тем под его личным надзором находится уже громадная больница для душевнобольных. Нам его представил мистер Холмвуд; он теперь часто бывает у нас. Мне кажется, это чрезвычайно решительный человек с необыкновенным самообладанием. Он производит впечатление человека абсолютно непоколебимого; воображаю, какое влияние он оказывает на своих пациентов. Доктор нашел, что я представляю интересный для него психологический тип; при всей своей скромности я думаю, что он прав... Мина! мы с детства поверяли друг другу все наши секреты; мы вместе спали, вместе ели, вместе плакали и смеялись; и теперь, раз уж я заговорила, то хочу открыть тебе свою тайну. Мина! неужели ты не догадываешься? Я люблю Артура! Я краснею, когда пишу это, хотя надеюсь, что и он меня любит; но он мне этого еще не говорил. Но, Мина, я-то люблю его! я люблю его! Ну вот, теперь мне стало легче. Как хотелось бы быть теперь с тобою, дорогая моя! Сидеть полураздетыми у камина, как мы, бывало, сидели; вот когда бы я подробно рассказала тебе, что я переживаю. Я не понимаю, как у меня хватило силы написать об этом даже тебе! Я боюсь перечитывать письмо, так как мне страшно хочется, чтобы ты все узнала. Отвечай мне сейчас же и скажи мне все, что ты об этом думаешь! Спокойной ночи, Мина! Помяни меня в твоих молитвах; помолись, Мина, за мое счастье.

Люси.

P. S. Мне, конечно, не нужно говорить тебе, что это тайна. Еще раз спокойной ночи.

Л.

Письмо Люси Вестерн к Мине Мюррей

24 мая

Дорогая моя Мина!

Благодарю, благодарю, бесконечно благодарю за неожиданное письмо! Так было приятно, что я посвятила тебя в свои переживания и что ты так сердечно отнеслась ко мне. Дорогая моя, а ведь правду говорит старая пословица: «не было ни гроша, а вдруг алтын!» 6 сентября мне минет 20 лет, и до сегодняшнего дня никто не делал мне предложения, а сегодня сразу три. Подумай только! Три предложения в один день. Не ужасно ли это! Из них два предложения меня прямо огорчили, нет, правда, мне положительно жаль этих двух бедняг. Мина! Дорогая! Я так счастлива! Я расскажу тебе о трех предложениях, но ты должна держать это в секрете, дорогая моя, от всех, кроме Джонатана. Ему ты, конечно, скажешь, так как, если бы я была на твоём месте, то, наверное, все говорила бы Артуру. Итак, дорогая моя, слушай: первый пришел как раз перед завтраком. Я уже говорила тебе о нем – это д-р Сьюард, главный врач психиатрической клиники. Он казался очень хладнокровным, но я все-таки заметила, что он нервничает. Он говорил, как я ему сделалась дорога, несмотря на короткий срок нашего знакомства; говорил, что я была бы для него нравственной поддержкой и радостью жизни. Затем он говорил мне о том, как будет несчастлив, если я не отвечу на его чувство; но когда увидел мои слезы, то сейчас же прервал разговор на эту тему, назвав себя животным и сказав, что ни в коем

случае не желает меня больше тревожить. Прервав свои излияния, он спросил, не смогу ли я полюбить его в будущем; в ответ на это я отрицательно покачала головой; руки его задрожали; после некоторого колебания он спросил, не люблю ли я кого-нибудь другого. Я решила, что мой долг сказать ему правду. Услышав ответ, он встал и взяв обе мои руки в свои, сказал очень торжественным и серьезным тоном, что надеется, что я буду счастлива; кроме того, просил меня запомнить, что если мне понадобится друг, он при любых обстоятельствах будет к моим услугам. О, дорогая Мина, я не могу удержаться от слез, и ты должна простить мне, что это письмо испорчено пятнами. Конечно, очень приятно выслушивать предложения, все это очень мило, но ужасно горько видеть несчастного человека, который только что сказал тебе прямо и честно, что любит тебя – и уходит от тебя с разбитым сердцем. Дорогая моя, я должна прервать письмо, так как чувствую себя отвратительно, даже несмотря на то, что бесконечно счастлива.

Вечером.

Только что ушел Артур, и теперь я чувствую себя спокойнее, чем тогда, когда утром прервала это письмо; так что могу продолжать рассказывать дальнейшее. Итак, дорогая моя, номер второй пришел после завтрака. Это американец из Техаса, очень славный малый, причем он до того молодо и свежо выглядит, что просто не верится его рассказам о путешествиях по стольким странам и о пережитых им приключениях. Мистер Квинси П. Моррис застал меня одну. Прежде всего я должна предупредить тебя, что мистер Моррис не всегда говорит на американском жаргоне – т. е. он слишком хорошо воспитан и образован, чтобы так разговаривать с чужими или при посторонних; но когда мы одни, в своем интимном кругу, то, думая меня этим развлечь, он страшно забавно болтает на своем потешном жаргоне и употребляет удивительно курьезные выражения; я думаю, он просто-напросто их выдумывает и вставляет во все свои речи; впрочем, это выходит у него очень удачно. Итак, слушай дальше: мистер Моррис уселся около меня жизнерадостный и веселый, как всегда, но заметно было, что и он нервничает. Он взял мою руку и нежно заговорил:

«Мисс Люси, я отлично знаю, что недостойн завязывать инурки на ваших башимаках, но убежден, что если вы будете ждать, пока найдете достойного вас мужа, вам придется пойти и присоединиться к семи евангельским невестам со свечильниками²⁵. Не хотите ли вы поковылять со мной рядом, пройти долгий мирской путь и вместе потянуть житейскую ляжку?»

При этом он был так юмористически радостно настроен, что мне было гораздо легче отказать ему, чем д-ру Сьюарду; я ответила ему так ясно, как только сумела, что относительно ковыляния ничего не знаю, ничего не понимаю, вовсе не сокрушена и никаких лямок тянуть не желаю. Тогда он сказал, что ему все кажется очень ясно. Затем, дорогая моя, не успела я и слова сказать, как он разразился целым потоком любовных признаний, положив к моим ногам душу и сердце. На этот раз у него был такой серьезный вид, что я никогда больше не буду думать, будто беспечные мужчины всегда шутивы – нет, иногда они бывают и серьезны. Мне кажется, что он заметил что-то такое в моем выражении лица, что его задело за живое, так как

²⁵ В евангельской притче дев было десять (Мф: 25,1 – 10): «Тогда подобно будет Царство Небесное десяти девам, которые, взявши свечильники свои, вышли навстречу жениху; из них пять было мудрых и пять неразумных; неразумные, взявши свечильники свои, не взяли с собою масла; мудрые же, вместе со свечильниками своими, взяли масла в сосудах своих; и как жених замедлил, то задремали все и уснули. Но в полночь раздался крик: “вот, жених идет, выходите на встречу ему”. Тогда встали все девы те и поправили свечильники свои. Неразумные же сказали мудрым: “дайте нам вашего масла, потому что свечильники наши гаснут”. А мудрые отвечали: “чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас, пойдите лучше к продающим и купите себе”. Когда же пошли они покупать, пришел жених, и готовые вошли с ним на брачный пир, и двери затворились».

он на минуту замолчал, а потом заговорил с еще большим жаром, с таким жаром, что за это одно я могла бы его полюбить, если бы мое сердце было свободно:

«Люси, вы девушка с чистым сердцем, я это знаю. Я бы не был здесь и не говорил бы с вами о том, о чем говорю сейчас, если бы не знал, что вы прямая, смелая и правдивая до глубины души. Поэтому прошу вас сказать мне прямо, как честный человек сказал бы своему другу – есть ли у вас кто-нибудь в сердце, кого вы любите? Если есть, то даю слово никогда больше не касаться этого вопроса и остаться, если вы позволите, только вашим искренним другом».

«Да, я люблю другого, хотя он до сих пор еще не признавался мне в любви...». Я была права, что сказала ему все откровенно, так как после моего признания он как бы преобразился и, протянув руки, взял мои – кажется, я сама протянула их, – и очень сердечно произнес:

– Спасибо, мужественная девушка. Лучше опоздать, сделав предложение вам, чем вовремя выиграть сердце всякой другой девушки. Не плачьте, дорогая! Не стоит из-за меня волноваться, я тверд и не пропаду, и стойко перенесу свою неудачу. Но если тот малый, не подозревающий о своем счастье, не скоро догадается о нем, то он будет иметь дело со мною. Маленькая деточка, ваша искренность и честность сделали меня вашим другом; имейте в виду, это встречается реже, чем возлюбленный; во всяком случае, друг менее эгоистичен. Дорогая! мне придется совершить довольно длинное, тоскливое путешествие, пока я не отправлюсь к праотцам, поэтому очень прошу подарить мне один поцелуй – это озарит мою мрачную жизнь; вы имеете право осчастливить меня им, конечно, если только захотите, дорогая, ведь тот замечательный малый – он должен быть замечательным, иначе вы бы его не полюбили – еще не делал вам предложения.

Этим он меня окончательно победил. Мина, ведь это было мужественно и нежно и благородно для соперника – не правда ли? И при том он был так опечален; я нагнулась к нему и поцеловала его.

Он поднялся, держа мои руки в своих и, когда посмотрел мне прямо в лицо, я ужасно покраснела; затем он сказал:

– Маленькая деточка, вот я держу ваши ручки, вы меня поцеловали; если после всего этого мы с вами не станем добрыми друзьями, то больше случая не представится. Благодарю вас за вашу нежность и честность по отношению ко мне и... до свидания.

Он выпустил мои руки, взял шляпу и, ни разу не оглянувшись, прямо прошел к двери, без слез, без колебаний и без волнений; а я вот плачу как ребенок. Дорогая моя, я так взволнована, что не в состоянии писать о своем счастье сейчас же после того, что сообщила тебе; я не хочу говорить о номере третьем, пока не будет полного счастья. Вечно любящая тебя Люси.

P. S. О номере третьем мне, верно, не нужно и сообщать тебе? Все произошло так беспорядочно; мне показалось, что все произошло в одно мгновение; по-моему, не успел он войти в комнату, как руки его схватили меня, и он покрыв меня поцелуями. Я очень, очень счастлива и положительно не знаю, чем я заслужила это счастье.

До свидания.

*Дневник д-на Сьюарда
(записано фонографически)*

25 апреля

Полное отсутствие аппетита. Не могу есть, не могу отдыхать, так что вместо всего – дневник. После вчерашнего отказа чувствую какую-то пустоту; в моем нынешнем состоянии един-

ственное облегчение – работа, поэтому я и отправился к своим больным. Особенно долго провозился с одним пациентом, который меня глубоко интересует: у него очень странные идеи* Он до того не похож на обыкновенного сумасшедшего, что я твердо решил изучить его подробнее; сегодня мне удалось подойти ближе чем когда-либо к сущности его тайны. Я положительно забросал его вопросами, расспрашивал самым подробным образом обо всем с целью разузнать о всех причинах его галлюцинации; конечно, это было жестоко с моей стороны. Теперь я это вижу. Я как бы старался поймать центральную точку его ненормальности – вещь, которой я избегаю у других пациентов. Вот его curriculum vitae:

Р. М. Ренфилд, 59-ти лет. – Сангвинический темперамент²⁶; большая физическая сила; болезненно возбуждающийся; периодически подвергается припадкам черной меланхолии. Я думаю, сангвинический темперамент доведет пациента до полного умственного помешательства; возможно, что он опасен; даже очень вероятно, что это опасный, хотя и бескорыстный человек. Мой взгляд на это следующий: если «я» – точка помешательства, то центростремительная сила уравновешивается центробежной; если дом или дело и т. п. – точка помешательства, то последняя сила преобладает и может уравновеситься лишь каким-либо случаем или целой серией случаев.

Письмо Квинси Морриса уважаемому Артуру Холмвуду

25 мая

Дорогой мой Арчи!

Мы рассказывали друг другу истории при бивуачном огне в прериях, перевязывали друг другу раны после попытки высадиться на Маркизах²⁷ и пили за наше общее здоровье на берегах Титикака²⁸. Теперь у нас найдется еще больше материала для рассказов, найдутся другие раны, которые нужно залечить, и есть за чье здоровье выпить. Не хотите ли вы прийти завтра вечером ко мне? Приглашаю вас, потому что наверное знаю, потому что вы завтра будете свободны, ибо мне известно, что одна леди приглашена на завтра к обеду. К нам присоединится только одно лицо – наш старый товарищ Джон Сьюард. Он тоже придет, и мы оба будем пить за здоровье счастливейшего из смертных, который любим благороднейшим и достойнейшим сердцем. Мы обещаем вам сердечный прием и любовь и будем пить только за ваше здоровье, в чем клянусь вашей правой рукой. Кроме того, мы готовы дать вам клятву, что доставим вас домой лично, если окажется, что вы выпили слишком за некую, известную вам, пару глаз. Итак, ждем вас.

Вечно и неизменно ваш Квинси Моррис.

Телеграмма от Артура Холмвуда Квинси П. Моррису

26 мая.

Рассчитывайте на меня во всяком случае. У меня есть новость, которая заставит вас развесить уши.

Арчи.

²⁶ Сангвинический темперамент – один из четырех типов темперамента в классификации Гиппократ, отличающийся живостью и веселым нравом.

²⁷ Острова в Тихом океане.

²⁸ Величайшее высокогорное озеро, находится в Андах.

Глава шестая

Дневник Мины Мюррей

24 июля. Уайтби

Люси встретила меня на вокзале, откуда мы поехали прямо к ним домой, в Кресшенд. Прелестная живописная местность. Маленькая речка Эск протекает здесь по глубокой долине, расширяющейся вблизи гавани. Долина утопает в зелени, что придает необычайную красоту местности, причем берег реки так крут, что когда стоишь наверху, то долины совсем не видно. Дома в старом городе покрыты красными крышами и нагромождены один на другой, как на видах Нюрнберга. В самом конце над городом виднеются руины аббатства Уайтби, которое разорили датчане. Между руинами и городом виднеется приходская церковь, окруженная кладбищенской оградой, внутри которой много могил и памятников. Я нахожу, что это самое красивое место во всем Уайтби, так как оно находится как раз над городом, и отсюда прекрасный вид на гавань и бухту; здесь находится также и мыс Кетлнес, который выдается далеко в море. Мыс так круто спускается в гавань, что часть берега сползла далеко за дорогу. В ограде расположены скамьи; здесь гуляет масса народу и просиживает целыми днями, любясь живописным видом и наслаждаясь прекрасным воздухом. Я сама буду очень часто приходить сюда и работать. Вот и сейчас я сижу здесь, держа свою тетрадь на коленях, и прислушиваюсь к разговору трех стариков, сидящих около меня. Они, кажется, по целым дням ничего не делают, сидят здесь и болтают.

Гавань расположена прямо подо мною, причем отдаленная сторона представляет собой гранитную стену, далеко выступающую в море, загибающуюся к концу, где находится маяк. Выступ этот с двух сторон окружен тяжелым водянистым массивом. С внутренней стороны он, изгибаясь, врезается в сушу и оканчивается у второго маяка. Между этими обоими молами находится узкий проход в гавань, которая гораздо шире прохода.

С наружной стороны гавани тянется почти на всем ее протяжении большой утес, длиной около полумили, острый край которого далеко выступает из-за южного маяка. У самого утеса находится бакен с колоколом, заунывные звуки которого разносятся в дурную погоду ветром.

Сюда направляется довольно забавный старик! Он, вероятно, страшно стар, так как все его лицо испещрено морщинами, как кора дерева. Он сказал мне, что ему около ста лет и что он был матросом в рыболовном флоте в Гренландии во времена битвы при Ватерлоо.

Я решила, что от него можно будет узнать много интересного, поэтому я спросила его, не захочет ли он рассказать мне что-нибудь о ловле китов в былые годы. Только он уселся, чтобы начать рассказ, как часы пробили шесть, и он немедленно поднялся, чтобы уйти, сказав:

– Я должен идти домой, мисс. Моя внучка не любит ждать, когда у нее готов чай, а ведь мне потребуется немало времени, чтобы вскарабкаться по всем ступеням, их ведь много; да и я люблю, мисс, поесть вовремя.

Он заковылял прочь, и я видела, как он поспешно, насколько ему позволяли силы, начал спускаться по ступенькам.

Я тоже пойду сейчас домой. Люси с матерью пошли делать визиты, а так как они все чисто деловые, я с ними не пошла. Теперь-то они, я думаю, дома.

1 августа

Сегодня мы с Люси сидели опять на нашей любимой скамейке на кладбище. Вскоре к нам присоединился и старик. Он оказался большим скептиком и рассказал нам, что под могильными плитами кладбища вряд ли похоронены те лица, имена которых высечены на плитах,

так как моряки по большей части гибнут в море. Люси очень расстроилась при мысли об этом пустом кладбище. Мы скоро ушли домой.

Позже.

Я вернулась сюда одна, как как мне очень грустно. Нет никаких писем. Надеюсь, что ничего не случилось с Джонатаном. Только что пробило 9. Я вижу, как город освещен рядами огоньков вдоль улиц, а иногда огоньки мелькают в одиночку. Огоньки бегут прямо вдоль реки Эск и по изгибу долины. По левую сторону вид как бы скрыт от меня черной линией – крышей соседнего с аббатством дома. Позади на полях слышно блеяние овец и ягнят, а внизу на мощеной дороге раздается топот копыт осла. Оркестр на молу играет какой-то жестокий вальс, а немного дальше на берегу армия спасения устроила митинг на одной из отдаленных улиц. Обе группы друг друга не слышат, я же вижу обе. Не имею понятия, где Джонатан может быть, и думает ли он обо мне. Как бы я хотела, чтобы он был здесь!

Дневник доктора Сьюарда

5 июня

Ненормальность Ренфилда становится все интереснее. Некоторые черты характера у него особенно сильно развиты: эгоизм, скрытность, упрямство.

Хотел бы я понять основу последнего. У него как будто есть свой собственный, определенный план, но какой – еще не знаю. Его подкупающие качества – это любовь к животным, хотя, в сущности, она у него так странно выражается, что иногда мне кажется, будто он просто ненормально жесток с ними. Его ласки очень странного характера. Теперь, например, его конек – ловля мух. У него их сейчас такая масса, что мне пришлось сделать ему выговор. К моему изумлению, он не разразился бурей, как я этого ожидал, а посмотрел на это дело просто и серьезно. Немного подумав, он сказал: «Дайте мне три дня сроку – я их тогда уберу». Я согласился.

18 июня

Теперь у него страсть перешла к паукам; у него в коробке несколько очень крупных пауков. Он кормит их мухами и число последних очень заметно уменьшилось, несмотря на то что он употребляет массу времени для приманки мух со двора.

Я сказал ему сегодня, что он должен расстаться и с пауками. Так как это его очень огорчило, то я предложил ему уничтожить хотя бы часть их. Он радостно согласился с этим, и я дал ему на это опять тот же срок. Теперь, когда я к нему прихожу, он возбуждает во мне отвращение, так как недавно я видел, как к нему, жужжа, влетела страшная, жирная муха, наевшаяся вероятно какой-нибудь падали – он поймал ее и рассматривал, держа в пальцах и, раньше, чем я мог опомниться, взял ее в рот и съел. Я начал его бранить, но он преспокойно возразил мне, что это очень вкусно и здорово и что это придает ему жизни. Это и навело меня на мысль, или, вернее, это дало мне толчок следить за тем, каким образом он избавляется от своих пауков. У него, очевидно, большая задача на уме, так как он всегда держит при себе маленькую записную книжечку, куда то и дело вносит разные заметки. Целые страницы испещрены в ней множеством формул, состоящих по большей части из однозначных чисел, которые складываются, затем суммы их снова складываются, как будто он подводит какой-то итог.

8 июля

Мое основное предположение о какой-то системе в его сумасшествии подтверждается. Скоро, по-видимому, получится целая, стройная концепция. Я на несколько дней покинул своего пациента, так что теперь снова могу отметить перемены, которые за это время произошли.

Все осталось как было, кроме разве того, что он отделался от некоторых своих причуд, но зато пристрастился к новым. Он как-то умудрился поймать воробья и отчасти уже приручил его к себе. Его способы приручения просты, так как пауков стало уже меньше. Оставшиеся, однако, хорошо откормлены, так как он все еще добывает мух, заманивая их к себе.

19 июля

Мы прогрессируем. У моего «приятеля» теперь целая колония воробьев, а от пауков и мух почти что следов не осталось. Когда я вошел в комнату, он подбежал ко мне и сказал, что у него ко мне большая просьба – «очень, очень большая просьба», при этом он ласкался ко мне, как собака. Я спросил его, в чем дело. Тогда он с каким-то упоением промолвил: «котенка, маленького, хорошенького, гладкого, живого, с которым можно играть и учить его и кормить, и кормить – и кормить». Не могу сказать, чтобы я не был подготовлен к этой просьбе, так как я уже заметил, до чего быстро его причуды прогрессировали в размере, но я не верил, чтобы целое семейство прирученных воробьев могло быть уничтожено таким же способом, как мухи и пауки, так что я обещал ему поискать котенка и спросил, не хочет ли он лучше кошку, чем котенка. Он выдал себя:

– О да, конечно, мне хотелось бы кошку, но я просил только котенка, боясь, что в кошке вы мне откажете.

Я кивнул головою, сказав, что сейчас, пожалуй, не будет возможности достать кошку, но я поищу. Тут его лицо омрачилось, и в глазах появилось опасное выражение – выражение внезапно вспыхнувшего гнева, косой взгляд, выражавший жажду убийства. Этот человек – просто человекоубийственный маньяк.

20 июля

Посетил Ренфилда очень рано, до того еще, как служитель сделал обход. Застал его вставшим и напевающим какую-то песню. Он сыпал сбереженные им крошки сахара на окошко и вновь принялся за ловлю мух, причем делал это весело и добродушно. Я оглянулся в поисках его птиц и, не найдя их нигде, спросил, где они. Он ответил, не оборачиваясь, что они все улетели. В комнате было несколько птичьих перьев, а на подушке его виднелась капля крови. Я ничего не сказал ему и, уходя, поручил служителю донести мне, если в течение дня с Ренфилдом произойдет что-нибудь странное.

11 часов дня

Служитель только что приходил ко мне сообщить, что Ренфилд был очень болен и что его рвало перьями. «По-моему, доктор, – сказал он, – он съел своих птиц – просто брал их и глотал живьем».

11 часов вечера

Я дал Ренфилду сильную дозу наркотика и забрал у него его записную книжку, чтобы рассмотреть ее. Мысль, которая меня последнее время занимала, теперь оправдалась. Мой смертоносный пациент – маньяк особого типа... Мне придется придумать новую классификацию и назвать его зоофагус (жизнь пожирающий маньяк); он жаждет истребить как можно больше жизни, и он решил выполнить это в восходящем порядке. Он дал несколько мух на съедение одному пауку, несколько пауков одной птице и потом захотел кошку, чтобы та съела птиц. Что было бы его последней ступенью? Стоило бы, пожалуй, продолжать опыт. Это можно было бы, если бы для этого нашлось достаточно оснований. Люди смеются над вивисекцией²⁹, а вот,

²⁹ Вивисекция, живосечение (от лат. vivus – живой и sectio – рассечение) – проведение хирургических операций над живым животным с целью исследования функций организма (либо извлечённых отдельных органов), изучения механизмов действия

посмотрите, каких результатов она достигла. Почему же не подогнать науку и не довести ее до самого трудного в жизни: до знания мозга. Зная тайну хотя бы одной из этих отраслей, зная источник фантазии хотя бы одного сумасшедшего, я привел бы всю эту отрасль знания к такой точке, что сравнительно с нею физиология Берден Сандерсона или же «о мозге Фельера» казались бы ничтожеством. Лишь бы было достаточно оснований. Но не следует часто предаваться этим мыслям, иначе искушение будет слишком сильно; хорошее побуждение может победить во мне здравый смысл, так как возможно, что и я тоже человек с особенно устроенным мозгом.

Как хорошо этот человек рассуждал! Ненормальный всегда исходит из своей собственной цели. Хотел бы я знать, во сколько он ценит человеческую жизнь?

Дневник Мины Мюррей

26 июля

Я очень беспокоюсь, и единственное, что на меня благотворно действует, возможность высказаться в своем дневнике; в нем я как будто изливаю свою душу и одновременно слушаю сама себя. Я получила, наконец, весточку от Джонатана. Послание заключается в одной строчке и в ней сообщается, что Джонатан только что выехал домой. Это не похоже на Джонатана. Я не понимаю этой краткости, и она меня беспокоит. Да тут еще Люси, несмотря на совершенно здоровый вид, снова принялась за свою прежнюю привычку ходить во сне. Мы с ее матерью обсудили этот вопрос и решили, что отныне я на ночь буду закрывать дверь нашей спальни на ключ. Миссис Вестерн вообразила, что лунатики всегда ходят по крышам домов и по краям утесов, а затем внезапно пробуждаются и с раздирающим душу криком, который эхом разносится по всей окрестности, падают вниз. Она боится за дочь и говорит, что это у нее наследственная привычка от отца. Осенью свадьба Люси, и она уже теперь мечтает о том, как все устроит у себя в доме. Я очень сочувствую ей, так как у меня те же мечты, но только нам с Джонатаном предстоит вступить в новую жизнь на очень скромных началах, и мне придется с трудом сводить концы с концами. Мистер Холмвуд, вернее, высокочтимый сэръ Артур Холмвуд – единственный сын лорда Холмвуда – приедет сюда как только сможет покинуть город. Задерживает его лишь болезнь отца. Милая Люси наверное считает дни до его приезда. Ей хочется свести его на нашу скамейку на кладбищенской скале, чтобы показать ему, до чего живописен Уайтби. Я убеждена, что из-за этого ожидания она так и волнуется. Она, наверное, совершенно поправится, как только он приедет.

Иллюстрации для подарочного издания 1916 года.

Художник – Эдгар Альфред Холлоуэй.

«...Милая Люси наверное считает дни до его приезда. Ей хочется свести его на нашу скамейку на кладбищенской скале, чтобы показать ему, до чего живописен Уайтби...»

27 июля

Никаких известий о Джонатане. Очень беспокоюсь о нем, хотя, собственно, не знаю, почему: хорошо было бы, если бы он написал хоть одну строчку. Люси страдает лунатизмом

больше, чем когда-либо, и я каждую ночь просыпаюсь от ее хождения по комнате. К счастью, так жарко, что она не может простудиться, но все-таки мое беспокойство и вынужденная бессонница дают себя знать. Я стала нервной и плохо сплю. Слава Богу, что хоть в остальном она совершенно здорова.

3 августа

Еще неделя прошла, и никаких известий от Джонатана, и даже мистер Хокинс ничего не знает. Но я надеюсь, что он не болен, иначе, наверное, написал бы. Я перечитываю его последнее письмо, но оно меня не удовлетворяет. Оно как-то непохоже на Джонатана, хотя почерк несомненно его. В этом не может быть никакого сомнения. Люси не особенно много разгуливала по ночам последнюю неделю, но с ней происходит что-то странное, чего я даже не понимаю: она как будто следит за мною, даже во сне; пробует двери и когда находит их запертыми, ищет по всей комнате ключи.

6 августа

Снова прошло три дня без всяких известий. Это молчание становится положительно невыносимым. Если бы я только знала, куда писать или куда поехать, я бы чувствовала себя гораздо лучше; но никто ничего не слышал о Джонатане после его последнего письма. Я должна только молить Бога о терпении. Люси еще более возбуждена чем раньше, но в общем здорова. Вчера ночью погода стала очень бурной, и рыбаки говорят, что ожидается шторм. Сегодня пасмурно, и небо заволочло большими тучами, высоко стоящими над Кэтлнесом. Все предметы серы, исключая зеленую траву, напоминающую изумруд. Море, окутанное надвигающимся туманом, перекидывается с ревом через отмели и прибрежные камни. Тучи висят, как исплинские скалы, и в природе слышится голос приближающегося рока. На морском берегу виднеются тут и там черные движущиеся в тумане фигуры. Рыбачьи лодки спешат домой; влетая в гавань, они то появляются, то снова исчезают в бешеном прибое волн. Вот идет старик Свэлз. Он направляется прямо ко мне, и по тому, как он мне кланяется, я вижу, что он хочет со мной поговорить...

Меня тронула перемена, происшедшая в старике. Сев возле меня, он очень ласково заговорил со мною:

– Мне хочется вам кое-что сказать, мисс.

Я видела, что ему как-то не по себе, поэтому я взяла его старческую, морщинистую руку и ласково попросила его высказаться; оставив свою руку в моей, он сказал:

– Я боюсь, дорогая моя, что я оскорбил вас всеми теми ужасами, которые наговорил, рассказывая вам о мертвецах и тому подобном на прошлой неделе. Но у меня этого вовсе не было на уме, вот это-то я и пришел вам сказать, пока еще не умер. Но я, мисс, не боюсь смерти, нисколько не боюсь. Мой конец, должно быть, уже близок, ибо я стар и 100 лет – это для всякого человека слишком долгое ожидание; а мой конец уже так близок, что «Старуха» уже точит свою косу. В один прекрасный день Ангел Смерти затрубит в свою трубу надо мной. Не нужно грустить и плакать, моя дорогая, – перебил он свою речь, заметив, что я плачу. – Если он придет ко мне сегодня ночью, то я не откажусь ответить на его зов, ибо, в общем, жизнь ничто иное, как ожидание чего-то большего, чем наша здешняя суета, и смерть – это единственное, на что мы действительно надеемся; но я все же доволен, дорогая моя, что она ко мне приближается, и при этом так быстро. Она может настичь меня вот сейчас, пока мы здесь сидим и любимся. Смотрите, смотрите, – закричал он внезапно, – возможно, что этот ветер с моря уже несет судьбу и гибель и отчаянное горе и сердечную печаль. Смертью запахло! я чувствую ее приближение! Дай Бог мне с покорностью ответить на ее зов!

Он благоговейно простер свои руки вдаль и снял шапку. Его губы шевелились – будто шептали молитву. После нескольких минут молчания он встал, пожал мне руку и благосло-

вил меня, затем попрощался и, прихрамывая, пошел домой. Это меня тронуло и потрясло. Я обрадовалась, когда увидела подходившего ко мне берегового сторожа с подозрительной трубой под мышкой. Он, как всегда, остановился поговорить со мною и при этом все время не сводил глаз с какого-то странного корабля.

– Я не могу разобрать, какой это корабль; по-видимому, русский. Смотрите, как его страшно бросает во все стороны! Он совершенно не знает, что ему делать: он, кажется, видит приближение шторма, но никак не может решить – пойти ли на север и держаться открытого моря или же войти сюда. Вот опять, посмотрите! Он совершенно неуправляем, кажется, даже не знает, как употреблять руль; при каждом порыве ветра меняет свое направление. Завтра в это время мы что-нибудь узнаем о нем! Мы еще услышим о нем завтра!

Глава седьмая

Вырезка из «The dailygraph» от 8 августа (приложенная к дневнику Мины Мюррей)

От собственного корреспондента. Уайтби.

На днях здесь неожиданно разразился ужасный шторм со странными и единственными в своем роде последствиями. Погода была немного знойная, естественное явление в августе. В субботу вечером погода была чудеснейшая; все окрестные леса и островки были переполнены гуляющими. Пароход «Эмма и Скэрбаро» делал многочисленные рейсы взад и вперед вдоль побережья; на нем тоже было необыкновенное количество пассажиров, спешивших в Уайтби и обратно. Весь день, до самого вечера продержалась хорошая погода; вечером поднялся легкий ветерок, обозначаемый на барометрическом языке «№ 2: легкий бриз». Береговой сторож, находившийся на своем посту, и старый рыбак, наблюдавший более полувека с Восточного Утеса за переменами погоды, важным тоном заявили, что это предзнаменование шторма. Приближающийся закат солнца был так чудесен и так величествен в этой массе великолепно окрашенных туч, что целая толпа собралась на дороге у утеса на кладбище, чтобы любоваться красотой природы. Пока солнце еще не совсем зашло за черную массу Кетлнеса, гордо вздымающегося над морскими волнами, путь его к закату был отмечен мириадами облаков, окрашенных лучами заходящего солнца в самые разнообразные цвета. Многие капитаны решили тогда оставить в гавани, пока шторм не минует, свои «cobbles» или «mules», как они называют свои парходишки. Вечером ветер окончательно стих, а к полуночи всюду царил гробовая тишина, знойная жара и та непреодолимая напряженность, которая при приближении грозы так странно действует на всякого чувствительного человека. На море виднелось очень мало судов: береговой пароход, обыкновенно придерживающийся берега, который вышел в открытое море, несколько рыбацких лодок, да еще иностранная шхуна, шедшая с распущенными парусами по направлению к западу. Безумная отвага или полное невежество ее моряков послужили благодарною темой для пересудов; были сделаны попытки подать ей сигнал спустить паруса в виду приближающейся опасности. Ее видели до самого наступления ночи с праздно развевающимися парусами, нежно колышущейся на вольной поверхности моря.

Незадолго до десяти часов штиль стал положительно угнетающим, и тишина была настолько велика, что ясно слышно было блеяние овец в поле и лай собаки в городе, а толпа на плотине, с ее веселыми песнями, являлась как бы диссонансом в великой гармонии тишины в природе. Немного после полуночи раздался какой-то странный звук со стороны моря.

Затем без всяких предупреждений разразилась буря. С быстротой, казавшейся сначала невероятной, а затем уже невозможной, весь вид природы как-то вдруг преобразился. Волны вздымались с возрастающей яростью, причем каждая из них превышала свою предшественницу, пока наконец, в какие-то несколько минут, море, бывшее только что гладким как зеркало, не уподобилось ревущему и все поглощающему чудовищу. Волны, украшенные белыми гребнями, бешено бились о песчаные берега и взбегали по крутым скалам; иные перекидывались через молы и своей пеной омывали фонари с маяков, находившихся на конце каждого мола гавани Уайтби. Ветер ревел как гром и дул с такой силой, что даже сильному человеку с трудом удавалось держаться на ногах и то только в том случае, если ему удавалось уцепиться за железные стойки. Пришлось очистить всю пристань от толпы зрителей, иначе ужасы ночи были бы еще значительнее. Вдобавок ко всем затруднениям и опасностям этой минуты, с моря на берег ринулся туман – белые мокрые тучи, двигавшиеся как привидения, такие серые, мокрые и холодные, что достаточно было совершенно скудной фантазии, чтобы вообразить, что это духи погибших в море обнимают своих живых братьев цепкими руками смерти, и многие содрогались, когда эта пелена морского тумана настигала их. Временами туман рассеи-

вался, и на некотором расстоянии виднелось море в ослепительном сверкании молний, непрерывно следовавших одна за другой и сопровождавшимися такими внезапными ударами грома, что все небо, казалось, дрожало от порывов шторма. Некоторые из этих явлений были бесконечно величественны, а море – поразительно интересно; тут и там бешено неслась, с лохмотьями вместо паруса, рыбацья лодка в поисках приюта. На вершине Восточного Утеса был уже приготовлен новый прожектор для опытов, но его все как-то не удавалось применить. Теперь офицеры, которым он был поручен, привели его в действие и в просветах тумана освещали лучами поверхность моря. Труды их были не напрасны. Какую-то полузатопленную рыбацью лодку несло к гавани и только благодаря спасительному свету прожектора ей удалось избегнуть несчастья разбиться о мол. Каждый раз, когда какая-нибудь лодка оказывалась в безопасности в гавани, среди толпы, стоящей на берегу, раздавалось ликование. Радостные крики прорезывали на мгновение рев бури и уносились затем вместе с ее новым порывом. Вскоре прожектор осветил вдали корабль с распушенными парусами, очевидно, ту самую шхуну, которая была замечена немного раньше вечером. За это время ветер повернул к востоку, и дрожь охватила зрителей на утесе, когда они поняли ту ужасную опасность, в которой оказалась теперь шхуна. Между шхуной и портом находился большой плоский риф, из-за которого пострадало так много пароходов; и при ветре, дувшем с невероятной силой, шхуне не было никакой возможности достигнуть входа в гавань. Был уже час высшей точки прилива, волны были так высоки, что чайки неслись с ними на одном уровне, и на всех парусах с невероятной быстротой летела шхуна. Затем снова разостлался туман гуще и плотнее чем раньше. Лучи прожектора были теперь направлены через Восточный Мол на вход в гавань, на то место, где ожидалось крушение. Толпа ждала, затаив дыхание. Ветер внезапно повернул к северо-востоку, и остаток морского тумана рассеялся в его порыве. И тогда – *mirabile dictu* – между молами появилась странная шхуна и, перекачиваясь с волны на волну, с головокружительной быстротой, на всех парусах вошла в гавань. Прожектор ярко осветил ее, и тогда содрогание охватило всех ее увидевших, так как оказалось, что к рулю был привязан чей-то труп, голова которого болталась из стороны в сторону при каждом движении корабля. На палубе никого больше не было видно. Ужас овладел всеми, так как казалось, что корабль попал в гавань как бы чудом, ведомый рукой мертвеца. Все это произошло гораздо скорее, чем возможно написать эти строки. Шхуна, не останавливаясь, пронеслась по гавани и врезалась в большую массу песка и гравия, омытую многими приливами и штормами, – в юго-восточном углу плотины, находящейся под Восточным Утесом, известной здесь под названием Тэт Хилл Пир.

Конечно, когда корабль выбросило на песчаную кучу, это вызвало большое сотрясение. Все брусья, веревки и снасти были уничтожены, и некоторые из верхних с треском полетели вниз. Но страннее всего было то, что как только шхуна коснулась берега, на палубу выскочила громадная собака и, пробежав по палубе, соскочила на берег. Направившись прямо к крутому утесу, на котором возвышается кладбище, собака исчезла в густом мраке.

Как-то случилось, что в это время на Тэт Хилл Пир никого не было, ибо все, чьи дома находились по соседству, или уже спали, или находились на утесах. Таким образом, береговой сторож, находившийся на восточной стороне гавани и тотчас же спустившийся, и прибежавший к малой плотине, был первым взобравшимся на борт человеком. Он подбежал к корме шхуны и наклонился, присматриваясь, над рулевым колесом. Но сразу попятился назад, как будто внезапно чем-то потрясенный. Это обстоятельство вызвало всеобщее любопытство, и целая масса народа устремилась туда. От Западного Утеса до Тэт Хилл Пир порядочное расстояние, но ваш корреспондент довольно хороший бегун и поэтому прибежал намного раньше своих спутников. Тем не менее, когда я появился, на плотине собралась уже целая толпа, так как сторож и полиция не разрешали ей взойти на борт. Благодаря любезности главного лодочника мне, как корреспонденту, и еще маленькой группе людей, уже видевшей мертвого моряка, привязанного к колесу, было разрешено взойти на палубу.

Нет ничего удивительного в том, что береговой сторож был поражен или даже испуган, так как редко приходится видеть такие сцены. Человек был привязан за руки к спице колеса, причем руки его были связаны одна над другой. Между рукой и деревом находился крест, а четки, к которым этот крест был приделан, обмотаны вокруг кистей рук и колеса, и все вместе было связано веревкой. Возможно, что этот бедняк раньше находился в сидячем положении, но хлопавшие и бьющиеся паруса, очевидно, разбили рулевое колесо, и тогда его начало кидать из стороны в сторону, так что веревки, которыми он был привязан, врезались в мясо до самых костей. Были сделаны точные записи о положении вещей, и доктор, сэр Дж. М. Каффин, прибывший сейчас же вслед за мной, после краткого осмотра заявил, что этот человек уже по крайней мере два дня как умер. В его кармане была пустая, плотно закупоренная бутылка со свертком бумаги внутри, оказавшимся дополнением к корабельному журналу. Береговой сторож говорил, что он, должно быть, сам связал себе руки, затянув веревку зубами. Затем покойный штурман был почтительно снят с того места, где он стоял на своей благородной вахте до самой смерти, и теперь, внесенный в список мертвых, ожидает следствия.

Внезапно налетевший шторм уже проходит, его свирепость спадает; тучи рассеиваются, и небо начинает уже пунцоветь над йоркширскими полями. Я выпило вам к следующему номеру дальнейшие подробности о покинутом пароходе, нашедшем таким чудесным образом путь к пристани в бурю.

Уайтби.

9 августа.

Обстоятельства, открывшиеся после вчерашнего странного прибытия шхуны в шторм, еще ужаснее, чем сам факт. Это оказалась русская шхуна из Варны под названием «Дмитрий». Она почти целиком наполнена грузом серебристого песка, кроме того, совершенно незначительным грузом, состоящим из порядочного количества больших деревянных ящиков, наполненных черноземом. Груз этот предназначался стряпчему м-ру С. Ф. Биллингтон-Крессин в Уайтби, прибывшему сегодня утром на борт и официально принявшему в свое распоряжение предназначенное ему имущество. Русский консул принял по обязанности в свое владение пароход и заплатил все портовые расходы. Здесь много говорят о собаке, выскочившей на сушу, как только пристал корабль, которой нигде не могли найти; казалось, будто она совершенно исчезла из города. Возможно, ее напугали, и она сбежала в болота, где и теперь еще прячется от страха.

Сегодня рано утром нашли большую собаку, принадлежащую торговцу углем, вблизи от Тэт Хилл Пира мертвой как раз на дороге, против двора ее хозяина. Она с кем-то подралась и, по-видимому, с ярым противником, так как горло ее было разорвано, а брюхо распорото как будто громадными когтями.

Позже.

Благодаря любезности инспектора Министерства торговли, мне было разрешено просмотреть корабельный журнал «Дмитрия», доведенный в полном порядке до последних трех дней, но в нем не оказалось ничего особенного, кроме факта исчезновения людей. Гораздо больший интерес представляет бумага, найденная в бутылке, доставленная сегодня для исследования; и сопоставление обоих документов привело меня к выводу, что я не в состоянии разгадать эту тайну. Поскольку не было причин что-то скрывать, мне разрешили воспользоваться ими, так что я посылаю вам копии.

По всему кажется, что капитан был охвачен какой-то навязчивой идеей перед выходом в море, и что она последовательно развивалась в нем в течение всего путешествия. Я пишу под диктовку секретаря русского консула, который был так любезен, что перевел записки в журнале.

«Корабельный журнал «Дмитрия»

Варна – Уйти

Записано 18 июля.

Происходят такие странные вещи, что я отныне буду аккуратно записывать их, пока не прибудем на место.

6 июня

Мы кончили принимать груз – серебряный песок и ящики с землей. В полдень подняли паруса. Восточный ветер прохладен, экипаж – пять матросов, два помощника, повар и я.

11 июля

Туман. Вошли в Босфор. Приняты на борт турецкие таможенные офицеры. Бакшиш. Все в порядке. Вышли в 4 часа дня.

13 июля

Прошли мыс Матапан. Экипаж чем-то недоволен. Казался напуганным, но не пожелал говорить, в чем дело.

14 июля

Случилось что-то неладное с экипажем. Люди все добрые молодцы, плававшие со мною раньше. Помощник никак не мог добиться, что случилось; ему сказали только, что что-то произошло, и перекрестились.

16 июля

Матрос донес, что утром пропал матрос из экипажа – Петровский. На это никак не рассчитывал. Восемь вахт сменилось вчера с левой стороны корабля: был сменен Абрамовым, но не пошел в кочегарку. Люди подавлены более, чем когда-либо. Помощник обращается с ними неприятливо, ожидаю неприятностей.

17 июля

Вчера один матрос, Олгарен, вошел ко мне в каюту и с испуганным лицом сказал, что, по его мнению, на корабле находится какой-то посторонний человек. Он сказал, что когда стоял на вахте, то на время укрылся за рубку, так как была страшная непогода и лил сильный дождь; и вдруг увидел, как высокий тонкий человек, совершенно непохожий на кого бы то ни было из членов экипажа, вышел на палубу, прошел по ней и затем куда-то исчез. Он осторожно пошел за ним следом, но когда дошел до самого борта, то никого не нашел, а все люки были закрыты. Панический суеверный страх овладел им, и я боюсь, что паника распространится. Чтобы устранить ее, велю завтра хорошенько обыскать весь пароход от носа до кормы.

Немного позже, днем, я собрал весь экипаж и сказал им, что так как они думают, будто на шхуне находится посторонний человек, то мы сделаем обыск от носа до кормы. Первый помощник рассердился, сказал, что это безумие, и что поддерживать такие сумасшедшие идеи – значит деморализовать людей; сказал, что возьмется освободить их от всех тревог одним средством, но я приказал ему взяться за руль, а остальные принялись за основательный обыск; все шли рядом, с фонарями в руках; мы не пропустили ни одного уголка. Так как в трюме стояли одни только деревянные ящики, то и не оказалось никаких подозрительных углов, где бы мог спрятаться человек. Люди после обыска сразу успокоились и снова мирно принялись за работу. Первый помощник хмурился, но ничего не говорил.

24 июля

Какой-то злой рок как будто преследует шхуну, и так уже стало одним человеком меньше, нужно войти в Бискайский залив, предвидится ужасная погода, а тут вчера еще один человек исчез. Как и первый – пропал во время вахты, и больше его не видели. Люди снова в паническом страхе. Сделал всеобщий опрос, желательно ли удвоить вахту, так как они боятся остаться одни. Помощник рассвирепел.

Боюсь, что снова будет тревога: или он, или остальные совершат какую-нибудь жестокость.

28 июля

Четыре дня в аду: кружимся все время в каком-то водовороте; а буря не стихает. Ни у кого нет времени поспать. Люди выбились из сил. Затрудняюсь, кого поставить на вахту, никто не способен выдержать. Второй помощник взялся за руль и дал возможность людям насладиться получасовым сном. Ветер стихает, волны еще люты, но меньше, чем раньше, так как чувствую, что шхуна держится крепче.

29 июля

Новая трагедия. Ночью на вахте был всего один матрос, так как экипаж был слишком утомлен, чтобы ее удваивать. Когда утренняя вахта пришла на смену, то никого не нашла. Теперь я уже и без второго помощника, и среди экипажа снова паника; помощник и я решили держать при себе заряженные пистолеты в ожидании объяснения этой тайны.

30 июля

Рады, что приближаемся к Англии. Погода чудесная, паруса все распущены. От усталости обессилен. Крепко спал, был разбужен помощником, сообщившем мне, что оба матроса на вахте и рулевой исчезли. На шхуне остались два матроса, помощник и я.

1 августа

Два дня тумана – и ни одного паруса в виду. Надеялся, что в английском канале смогу подать сигнал о помощи или же зайти куда-нибудь. Мы, кажется, находимся во власти какого-то ужасного рока. Помощник теперь сильнее деморализован, чем остальные. Люда в страхе, работают тупо, терпеливо и покорно. Они русские, он – румын.

2 августа

Проснулся после пятиминутного сна от крика, раздавшегося точно у моих дверей. Бросился на палубу и подбежал к помощнику. Говорит, что также слышал крик и побежал на помощь, но никого не оказалось на вахте. Еще один пропал. Господи, помоги нам!

3 августа

В полночь я пошел к рулевому колесу, заметив там человека, но, подойдя к колесу, никого там не нашел. Ветер был сильный, и так как мы шли по ветру, то звать было бесполезно. Я не посмел оставить руль и потому лишь окликнул помощника. Через несколько минут он выбежал на палубу в нижнем белье; он выглядел дико и истощенно, я очень опасаюсь за его рассудок. Он подошел ко мне и глухо шепнул в самое ухо, как будто боясь, чтобы ветер его не услышал: «Он н о здесь; я теперь знаю. Я видел это вчера ночью на вахте, оно – в образе высокого, стройного и призрачно-бледного человека. Оно было на корме и выглядывало снизу. Я пополз к нему и ударил его ножом, но нож прошел сквозь него, как сквозь воздух. Но о н о здесь, и я его найду. Оно, может быть, в одном из этих ящиков. Я открою их поочередно, один за другим и

посмотрю. А вы управляйте шхуной». И с угрожающим видом он направился вниз. Поднялся резкий ветер, так что я не мог отойти от руля. Я видел, как он снова поднялся на палубу с ящиком для инструментов и фонарем, и как спускался в передний люк. Он окончательно сошел с ума, и незачем пробовать его остановить. Он не может испортить этих ящиков; они записаны в накладной «землею», и передвигать их самая безопасная вещь, какую только можно сделать.

Прошло немало времени. Я стал было надеяться, что помощник вернется в более спокойном состоянии, ибо слышал, как он что-то колотит в трюме, а работа ему полезна, – как вдруг раздался страшный крик, от которого вся кровь ударила мне в голову, и на палубу вылетел взбесившийся безумец с блуждающими глазами и лицом, искаженным страхом. «Спасите меня, спасите меня!» – кричал он; затем его ужас перешел в отчаяние, и он сказал решительным тоном: «Лучше и вы бы пришли, капитан, пока не поздно. Он там! Теперь я знаю, в чем секрет. Море спасет меня! Да поможет мне Бог!» И раньше, чем я успел сказать ему хоть слово или двинуться, чтобы его схватить, он бросился в море. Мне кажется, что теперь и я знаю, в чем секрет: это он, этот сумасшедший, уничтожал людей одного за другим, а теперь сам последовал за ними. Да поможет мне Бог! Как я отвечу за весь этот ужас, когда приду в порт? Когда приду в порт?.. Будет ли это когда-нибудь?..

4 августа

Все в тумане, сквозь который восходящее солнце не может проникнуть. Я узнаю восход только инстинктом, как всякий моряк. Я не осмелился сойти вниз – не рискнул оставить руль; так и оставался здесь всю ночь – и во мраке ночи увидал Его!.. Да простит мне Бог! Помощник был прав, бросившись за борт. Лучше умереть, как подобает мужчине, бросившись в синее море. Но я – капитан, и не имею права покинуть свой корабль. Но я поражу этого врага или чудовище, так как привяжу свои руки к рулевому колесу. Когда силы начнут меня покидать, то вместе с руками я привяжу то, чего Он – или Оно – не посмеет коснуться; и тем спасу свою душу и свою честь. Я становлюсь все слабее, а ночь приближается. Если Он снова посмотрит мне в глаза, у меня может не хватить силы действовать... Если мы погибнем, то, может быть, кто-нибудь найдет эту бутылку и поймет... если же нет... прекрасно, пусть тогда весь мир знает, что я был верен долгу. Да помогут Бог, и Святая Евгения, и все Святые, бедной, невинной душе, старавшейся исполнить свой долг...»

Конечно, решение суда осталось открытым. Ничего определенного не выяснено, и неизвестно, какой человек совершил эти убийства. Здесь почти весь народ считает капитана героем, и ему устроят торжественные похороны. Все уже подготовлено и решено, что его тело повезут в сопровождении целой флотилии лодок, сначала вверх по реке, затем назад к Тэт Хилл Пир и, наконец, поднимут по лестнице аббатства, и похоронят на утесе на кладбище.

Так и не нашлось никаких следов громадной собаки; что вызвало массу неудовольствий, судя по мнению всех жителей, это большое упущение со стороны местных властей.

Дневник Мины Мюррей

8 августа

Люси была очень беспокойна, и в эту ночь я также не могла уснуть. Шторм был ужасный, и при каждом завывании ветра в трубе я содрогалась. Иногда были такие резкие удары, что казалось, будто где-то вдали стреляют из пушек. Довольно странно: Люси не просыпалась, но она дважды вставала и начинала одеваться; к счастью, я каждый раз вовремя просыпалась и укладывала ее обратно в постель.

Мы обе встали рано утром и отправились в гавань. Там оказалось очень мало народу и несмотря на то, что солнце было ясно, а воздух чист и свеж, большие суровые волны, казавшиеся черными в сравнении с белой как снег пеной, покрывавшей их гребни, протискивались

сквозь узкий проход в гавань, напоминая человека, протискивающегося сквозь толпу. Я была счастлива при мысли, что Джонатан вчера находился не на море, а на суше. Но на суше ли он? Может быть, он на море? Где он и каково ему? Я продолжаю страшно беспокоиться за него. Если бы я только знала, что предпринять, я бы все сделала!

Иллюстрации для подарочного издания 1916 года.
Художник – Эдгар Альфред Холлоуэй.

«...Он подошел ко мне и глухо шепнул в самое ухо, как будто боясь, чтобы ветер его не услышал: “Оно здесь; я теперь знаю”...»

10 августа

Похороны бедного капитана были очень трогательны. Кажется, все лодки порта присутствовали, а капитаны несли гроб всю дорогу от Тэт Хилл Пира до самого кладбища. Мы вместе с Люси рано отправились к нашему старому месту в то время, как процессия лодок поднималась вверх по реке. Отсюда было великолепно видно, так что мы могли наблюдать всю процессию. Бедного капитана опустили в могилу очень близко от нас. Люси казалась очень взволнованной. Она все время очень беспокойна, и мне кажется, что это сон прошлой ночи так на ней отзывается. Но она ни за что не хочет сознаться, что является причиной ее беспокойства... В том, что мистер Свэлз был найден сегодня утром на нашей скамье мертвым со сломанной шеей, кроется что-то странное. Он, должно быть, как говорил доктор, в испуге упал со скамьи навзничь; на лице замерло выражение страха и ужаса, люди говорили, что при виде его дрожь пробегает по телу. Бедный, славный старичок! Может быть, он увидел перед собой смерть! Люси так чувствительна, что все отражается на ней гораздо сильнее, чем на других. Она только что страшно взволновалась из-за сущего пустяка, на который я совершенно не обратила внимания, хотя и сама очень люблю собак: пришел какой-то господин, который и раньше часто приходил сюда за лодкой, в сопровождении своей собаки. Они оба очень спокойные существа: мне никогда не приходилось видеть этого человека сердитым, а собаку слышать лающей. Во время панихиды собака ни за что не хотела подойти к своему хозяину, стоявшему вместе с нами на скамье, а стояла в нескольких ярдах от нас и выла. Хозяин ее говорил с ней сначала ласково, затем резко и, наконец, сердито; но она все не подходила и не переставала рычать. Она была в каком-то бешенстве: глаза ее дико сверкали, шерсть стояла дыбом. Наконец хозяин ее разозлился, соскочил вниз и ударил собаку ногой, затем, схватив ее за шиворот, потащил и швырнул на надгробную плиту, на которой стояла наша скамейка. Но едва бедное животное коснулось камня, как тотчас же притихло и начало дрожать. Оно и не пыталось сойти, а как-то присело, дрожа и ежась, и находилось в таком ужасном состоянии, что я всячески старалась успокоить его, но безуспешно. Все эти сцены так взволновали Люси, что я решила заставить ее совершить перед сном длинную прогулку, чтобы она крепче заснула.

Глава восьмая

Дневник Мины Мюррей

Тот же день

Одиннадцать часов вечера – ну и устала же я! Если бы я твердо не решила вести ежедневно дневник, то сегодня ночью не раскрыла бы его. Мы совершили чудесную продолжительную прогулку. Люси страшно устала, и мы решили как можно скорее лечь спать. В это время пришел молодой викарий³⁰, и миссис Вестерн пригласила его остаться на ужин, так что нам с Люси пришлось безумно бороться со сном: я знаю, для меня борьба эта была ужасна – я чувствую себя положительно героиней... Люси заснула и дышит спокойно, у нее щеки горят сильнее обыкновенного, она очень красива. Если мистер Холмвуд влюбился в нее в гостиной, то воображаю, что бы он сказал, если бы увидел ее теперь. Я сегодня очень счастлива – Люси, кажется, уже лучше. Я убеждена, что она поправляется и что тревожные сны уже прекратились. Я была бы вполне счастлива, если бы только знала, что с Джонатаном... Да благословит и хранит его Бог!

11 августа 3 часа утра

Снова за дневником. Не могу спать, лучше уж буду писать. Я слишком взволнована, чтобы заснуть. С нами приключилось что-то невероятное, какое-то кошмарное событие. Ночью не успела я закрыть свой дневник, как тотчас же заснула... Вдруг я сразу проснулась и села на кровати. Ужасное чувство страха охватило меня – я почувствовала какую-то пустоту вокруг себя. В комнате было темно, так что я не могла видеть постели Люси; я крадучись пробралась к ней и стала ее ощупывать; постель оказалась пуста. Я зажгла спичку и увидела, что Люси нет в комнате. Дверь закрыта, но не заперта, хотя я заперла ее. Я побоялась разбудить ее мать, поскольку в последнее время она чувствовала себя как-то хуже, чем обыкновенно, и оделась, решив сама разыскать Люси. Собираясь выйти из комнаты, я догадалась посмотреть, в чем она ушла, чтобы иметь представление о ее намерениях. Если в платье – значит, ее надо искать дома, если же в костюме – вне дома. Платье и костюм оказались на своих местах. «Слава Богу, – подумала я, – она не могла далеко уйти в одной ночной рубашке». Я спустилась по лестнице и посмотрела в гостиной – ее нет. Тогда я начала искать по всем остальным комнатам, с постепенно возрастающим чувством страха. Таким образом я дошла до входной двери, она оказалась открытой, но не настежь, а слегка приотворенной. Обыкновенно прислуга на ночь тщательно запирает эту дверь, и я начала бояться, что Люси вышла на улицу. Но раздумывать было некогда, тем более что страх совершенно лишил меня способности разбираться в деталях. Я закуталась в большую тяжелую шаль и вышла; часы пробили час, когда я пробежала по Кресценду; не было видно ни единой души. Я побежала вдоль Северной террасы, но белую фигуру, которую я искала, не нашла. С края Западного утеса над молом я посмотрела через гавань на Восточный утес, колеблясь между надеждой и страхом увидеть Люси на нашем любимом месте. Круглая луна ярко освещала всю местность, а окружающие ее облака превратили всю сцену в море света и теней. Одно время я ничего не могла увидеть, так как церковь Святой Марии и вся ближайшая к ней местность были в тени. Затем, когда облако освободило луну, я прежде всего увидела руины аббатства; а когда узкая полоса света двинулась дальше, то она осветила церковь и кладбище. Мое предположение оправдалось: луна высветила белую как снег фигуру, сидевшую на нашей любимой скамье. Но тут новое облако погрузило все во мрак, и я больше ничего не успела разглядеть; мне только показалось, что позади скамейки, на

³⁰ Викарий – в англиканстве приходский священник.

которой сидела белая фигура³¹, стояла какая-то черная тень и наклонялась над нею. Был ли это человек или животное – я не могла определить, но я не стала ждать, пока снова прояснится, а бросилась бежать по ступеням к молу, мимо рыбного ряда прямо к мосту – единственному пути, который вел к Восточному утесу. Город казался вымершим. Я была очень рада этому, так как не хотела, чтобы оказались свидетели ужасного состояния Люси. Время и расстояние казались мне бесконечными, колени мои дрожали, и я задыхаясь, взбиралась по бесконечным ступенькам к аббатству. Я, должно быть, шла очень быстро, так как у меня и сейчас такое чувство, будто мои ноги налиты свинцом, а суставы онемели. Когда я дошла почти доверху, то уже могла различить скамейку и белую фигуру, несмотря на то, что было темно. Оказывается – я не ошиблась – какая-то длинная, черная тень стояла нагнувшись над склонившейся белой фигурой. Я крикнула в испуге «Люси! Люси!», тень подняла голову, и со своего места я ясно различила бледное лицо с красными сверкающими глазами. Люси не отвечала, и я побежала к воротам кладбища. Когда я вошла, то церковь пришлась между мной и скамейкой, так что на мгновение я потеряла Люси из виду. Когда я вышла из-за церкви, луна, освободившись от облака, так ярко светила, что я ясно увидела Люси с откинутой на спинку скамьи головой. Она была теперь совершенно одна. Около нее не было даже признака живого существа.

Когда я наклонилась к ней, то увидела, что она еще спала. Рот у нее был полуоткрыт, но дышала она не так ровно как всегда, а как-то тяжело, как бы стараясь захватить побольше воздуха. Когда я подошла к ней, она бессознательно подняла руку и разорвала воротник своей ночной рубашки, который закрывал ей шею, при этом она вздрогнула, как будто почувствовала холод. Я закутала ее в свою теплую шаль и плотно стянула края у шеи, так как боялась, чтобы она не простудилась, разгуливая ночью в одной рубашке. Я боялась разбудить ее сразу и, желая сохранить свободу рук, чтобы помочь ей, закрепила у шеи английской булавкой. Но в поспешности я, должно быть, неосторожно задела или оцарапала ее булавкой, потому что после того, как она начала спокойно дышать, она все время хваталась рукой за горло и стонала. Закутав ее хорошенько, я принялась осторожно будить ее. Вначале она не отзывалась, потом сон ее стал тревожнее и временами она стонала и вздыхала. Наконец, я принялась энергичнее будить ее. Она открыла глаза и проснулась. Люси нисколько не удивилась, увидев меня, по всей вероятности, не сразу сообразив, где находится. Когда я сказала, чтобы она сейчас же шла домой, она моментально встала и послушно, как дитя, последовала за мной.

Нам посчастливилось, и мы дошли до дому, никого не встретив. У меня все время сердце так сильно билось, что казалось, будто я теряю сознание. Я безумно перепугалась за Люси, не только за ее здоровье, которое могло пострадать после этого ночного случая, но также и за ее репутацию, если эта история получит огласку. Добравшись, наконец, домой, мы прежде всего оттерли ноги и вместе помолились Богу в благодарность за спасение, затем я уложила Люси в постель. Перед тем как заснуть она просила и заклинала меня никому, даже матери, не говорить ни слова о ее приключении. Сначала я колебалась дать ей это обещание, но вспомнив о состоянии здоровья ее матери и зная, как сильно такая вещь может напугать ее, я решила, что умнее будет умолчать об этом. Надеюсь, что я правильно рассудила. Я заперла дверь на ключ и привязала ключ к своей руке, так что теперь, надеюсь, меня больше не будет беспокоить.

Тот же день. В полдень.

Все идет хорошо. Люси спала, пока я ее не разбудила. Меня очень огорчает, что моя неловкость с английской булавкой ранила ее. Я, должно быть, ранила ее очень сильно, так как кожа у нее на шее оказалась проколотой. Вероятно, я захватила булавкой немного кожи и, застегивая, проколола ее насквозь, так как на горле два маленьких отверстия, точно от укола

³¹ По местным легендам, призрак, несущий фонарь, появляется в северном окне аббатства в штормовые ночи, чтобы помочь морякам благополучно добраться до берега.

иглой; кроме того, на ночной рубашке виднелась капля крови. Когда я, напуганная этим, извинялась перед нею, она рассмеялась и приласкала меня, сказав, что даже не чувствует ничего. К счастью, ранки эти не могут оставить шрама, так как они очень незначительны.

12 августа

Мои предположения о спокойной ночи не оправдались, так как я ночью была дважды разбужена тем, что Люси старалась уйти. Даже во сне она казалась возмущенной тем, что дверь оказалась запертой, и очень недовольная легла обратно в постель. Я проснулась на рассвете и услышала чириканье птичек под окном. Люси тоже проснулась, и мне было приятно, что она чувствовала себя лучше, чем в предыдущее утро. К ней опять вернулась вся ее прежняя беззаботная веселость, она подошла ко мне и, прижавшись ко мне, рассказала все об Артуре. Я же поведала ей все свои опасения относительно Джонатана, и она старалась меня успокоить.

13 августа

Снова спокойный день и снова сон с ключом на руке. Ночью я опять проснулась и застала Люси, сидящей на постели, уставившейся в окно, но в глубоком сне. Я сошла с постели и, раздвинув шторы, выглянула в окно. Луна ярко светила; под лучами луны небо и море, как будто слившиеся в одну глубокую, тихую тайну, были полны невыразимой красоты. Перед окном, беспрестанно кружась, носилась большая летучая мышь; озаренная лунным светом, она то появлялась, то снова исчезала; порою она очень быстро подлетала к окну, но затем, должно быть, испугавшись меня, полетела через гавань к аббатству. Когда я отошла от окна, Люси уже спокойно лежала и спала. Больше она ни разу не поднималась за всю ночь.

14 августа

Сидела на Восточном утесе и писала целый день. Люси, кажется, так же влюбилась в это местечко, как и я. Ее трудно отозвать отсюда домой к завтраку, или к чаю, или к обеду. Сегодня днем она сделала очень странное замечание: мы возвращались домой к обеду и, когда были наверху лестницы, то остановились, чтобы как всегда полюбоваться видом. Красные лучи заходящего солнца озаряли Восточный утес и старое аббатство; казалось, будто все окружающее купалось в великолепном розовом свете. Мы молча стояли и любовались, как вдруг Люси прошептала как бы про себя:

– Опять его красные глаза, они всегда такие.

Это странное выражение, сорвавшееся ни с того ни с сего с ее уст, положительно испугало меня. Я осторожно оглянулась, чтобы хорошенько рассмотреть Люси, но так, чтобы она не заметила этого, и увидела, что она была в полусонном состоянии с очень странным, непонятным мне выражением лица; я ничего не сказала, но проследила за направлением ее взгляда. Она смотрела на нашу любимую скамейку, на которой одиноко сидела какая-то темная фигура. Я сама немного испугалась, ибо мне показалось, что у незнакомца были большие глаза, которые пылали как факелы; но когда я посмотрела вторично, иллюзия пропала. Это просто красный свет солнца отражался в окнах церкви Святой Марии. Я обратила внимание Люси на это явление, она вздрогнула и пришла в себя, но все-таки была печальна; возможно, она вспомнила приключение той ужасной ночи. Мы никогда не вспоминаем об этом, так что и теперь я ничего не сказала, и мы пошли домой обедать. У Люси заболела голова, и она рано пошла спать. Я же прошлась немного по утесам и была полна сладкой грусти, поскольку думала о Джонатане. Когда я возвращалась домой, то луна так ярко светила, что за исключением передней части начинающегося около нас квартала Кресченд, можно было ясно видеть все. Я взглянула на наше окно и увидела высунувшуюся из него голову Люси. Я подумала, что она, вероятно, смотрит на меня, тогда я вынула носовой платок и начала махать. Она не обратила на это никакого внимания и совсем не двигалась. Тут по углу дома как раз пополз свет луны и упал на окно,

тогда я ясно увидела, что Люси сидит на подоконнике с откинутой назад головой и закрытыми глазами, а около нее сидит что-то вроде большой птицы. Боясь, как бы она не простудилась, я быстро побежала наверх по лестнице, но когда я вошла в спальню, Люси была уже в кровати и крепко спала, тяжело дыша. Она держала руку у горла, как бы охраняя его от холода. Я не будила ее, но только закутала ее потеплее; и позаботилась о том, чтобы окна и двери были хорошо заперты.

Люси выглядела прекрасно, но немного бледнее обычного, и под глазами у нее были какие-то странные тени, которые мне вовсе не понравились.

Встала позже обыкновенного. Люси была утомлена и продолжала спать до того времени, как нас позвали к столу. За завтраком нас ожидал приятный сюрприз. Отцу Артура стало лучше, и он торопит свадьбу. Люси полна безмятежного счастья, а мать ее в то же время и рада и огорчена. Немного позже в тот же день она разъяснила мне причину этого. Она очень опечалена, что приходится расстаться с Люси, но она довольна, что у Люси скоро будет кому за ней присмотреть. Бедная милая леди! Она поведала мне, что у нее порок сердца. Она не говорила об этом Люси и просила меня держать это в секрете; доктор сказал, что ей осталось жить самое большее несколько месяцев.

17 августа

Не вела дневника целых два дня. У меня не хватало духу вести его. Какая-то черная тень как будто обволакивает наше счастье. Никаких известий о Джонатане. Люси становится все слабее и слабее, а дни ее матери сочтены. Люси прекрасно спит и наслаждается чудным воздухом; но несмотря на это, румянец у нее на щеках все бледнее и бледнее, и она с каждым днем становится все более слабой и вялой. Я слышу, как она по ночам дышит все тяжелее. Ключ от дверей у меня каждую ночь на руке, но она встает и ходит по комнате или сидит у открытого окна. Прошлой ночью, когда я проснулась, я снова застала ее у открытого окна и, когда я хотела ее разбудить, то не могла: она была в обмороке. Когда мне наконец удалось привести ее в сознание, она была невероятно слаба и тихо плакала, стараясь отдышаться. Когда я спросила, как она очутилась у окна, то она покачала головой и отвернулась. Надеюсь, что ее болезнь не вызвана этим несчастным уколом булавки. Пока она спала, я осмотрела ее шею. Оказалось, что маленькие ранки еще не зажили, они все еще открыты и как будто расширились, а края их приобрели бледную окраску. Они напоминают маленькие белые кружки с красными центрами; если они не заживут через несколько дней, я настойчиво буду требовать, чтобы их осмотрел доктор.

Письмо Самуила Ф. Биллингтона и сын, Стряпчие Уайтби

Картеру Патерсон и К°, Лондон

17 августа

М. Г. При сем прилагаю накладную на товар, отправленный по Великой Северной железной дороге. Он должен быть доставлен в Карфакс близ Пурфлита немедленно по получении на станции Кинг-Кросс³². Дом в настоящее время необитаем, ключи прилагаю, они пронумерованы.

Прошу сложить ящики, количество 50, составляющие эту кладь, в разрушенной части дома, помеченной буквой А на плане, который при сем прилагается. Вашему агенту не трудно будет найти место, так как это старая часовня дома. Товар отправят сегодня, в 9 ч. 30 мин. вечера, и он должен быть в Кинг-Кросс завтра в 4 ч. 30 мин. дня. Так как наш клиент желал бы получить кладь как можно скорее, вам придется к назначенному времени приготовить повозки,

³² Кингс-Кросс – вокзал в северной части Лондона.

чтобы тотчас же доставить ящики по назначению. Чтобы избежать возможных задержек из-за платежей в вашем отделении, прилагаю чек на десять фунтов, в получении которого прошу выдать квитанцию. Если расходов будет меньше, то можете вернуть остаток, если больше, то мы вам немедленно выпишем чек на израсходованный излишек. Когда вы окончите дело, оставьте ключи в доме, где владелец сам их возьмет. От входной двери у него есть свой ключ. Прошу вас не быть на нас в претензии за то, что мы нарушаем правила вежливости, настойчиво прося вас поторопиться с доставкой

*Преданный вам,
Самуил Ф. Биллингтон и Сын.*

Письмо Картера Патерсон и К°, Лондон Биллингтону и с-н, Уайтби

24 августа.

М. г. 10 фунтов мы получили, просим прислать чек еще на 1 фунт семнадцать шиллингов и девять пенсов, которые с вас причитаются, как это видно из прилагаемого счета. Товар доставлен согласно инструкции, а связка ключей оставлена, как было указано, в передней.

С почтением,
Кертер, Патерсон и К (подпись неразборчива).

Дневник Мины Мюррей

18 августа

Сегодня я счастлива и снова пишу, сидя на нашей скамейке на кладбище. Люси опять гораздо лучше. Прошлую ночь она спала великолепно и ни разу меня не потревожила. Румянец постепенно возвращается к ней, хотя она все еще бледна и плохо выглядит. Если бы она была малокровной, ее состояние было бы понятно, но ведь этого нет. Она оживлена, весела и мила. Вся болезненность пропала, и она только что вспоминала о том, как я застала ее спящей на этом самом месте.

Я воспользовалась ее разговорчивостью и спросила, проделывала ли она все это во сне или сознательно. Тут она посмотрела на меня с нежной, ясной улыбкой, как-то притихла и углубилась в воспоминания той ночи:

«Я как будто не совсем спала; мне даже казалось, что все это было наяву. Мне почему-то вдруг захотелось прийти сюда, но почему, не знаю. Я помню сквозь сон, что я шла по улицам и перешла мост. Когда я поднималась по лестнице, то услышала вой стольких собак, что казалось, весь город был полон собак, которые выли все сразу. Затем мне смутно помнится что-то длинное, темное с красными глазами, как раз такими, как тот заход солнца, затем что-то нежное и горькое вдруг охватило меня; потом мне казалось, будто я погружаюсь в глубокую зеленую воду, и я слышала какое-то пение, как это бывает с утопающими, как мне рассказывали; затем все закружилось передо мною, и моя душа как будто покинула мое тело и витала где-то в воздухе. Помнится, мне еще показалось, что Восточный маяк оцутился как раз подо мной; затем меня охватило какое-то мучительное чувство и как бы началось землетрясение, после чего я вышла из оцепенения и увидела тебя. Я видела, как ты меня будила, раньше, чем почувствовала это».

Она рассмеялась. Мне это показалось неестественным, и я внимательно взглянула на нее. Ее смех мне совсем не понравился, я решила, что лучше с ней не говорить об этом, и перешла на другую тему. Люси снова стала прежней. По дороге домой свежий ветерок подбодрил ее, и щеки порозовели. Мать Люси очень обрадовалась, увидев ее, и мы провели прекрасный вечер.

Радость! радость! радость! Хотя и не все радость. Наконец известие о Джонатане. Бедняжка был болен; вот почему он не писал. Я не боюсь уже теперь об этом думать или говорить, когда я все знаю. М-р Хокинс переслал мне письмо и сам приписал пару трогательных строк. Мне придется сегодня утром поехать к Джонатану, помочь, если нужно будет, ухаживать за ним и привезти его домой. М-р Хокинс пишет, что было бы вовсе не плохо, если бы мы вскоре поженились. Я плакала над письмом этой славной сестры милосердия. План моего путешествия уже разработан и багаж уложен. Я беру только одну смену платья; Люси привезет мне все остальное в Лондон и оставит у себя, пока я не пришлю за ним, так как, может случиться, что... но больше мне не следует писать, расскажу все Джонатану, моему мужу. Письмо, которое он видел и трогал, должно утешить меня, пока мы с ним не встретимся.

Письмо сестры Агаты, больницы святого Иосифа и святой Марии, мисс Вильгельмине Мюррей

12 августа. Будапешт

Милостивая государыня!

Пишу по желанию м-ра Джонатана Харкера, который еще недостаточно окреп, чтобы писать самому, хотя ему уже гораздо лучше, благодаря Богу и Св. Иосифу и Св. Марии. Он пролежал у нас около шести недель в сильнейшей горячке. Он просил меня успокоить свою невесту и передать ей, кроме того, что с этой же почтой он посылает письмо м-ру Питеру Хокинсу, которому просит передать свое глубокое почтение, и сообщить, что очень огорчен своей задержкой и что дело его закончено. Он пробудет еще пару недель в нашем санатории, расположенном в горах, а затем отправится домой. Кроме того, он просил меня сообщить вам, что у него не хватает денег, чтобы расплатиться, а он желал бы уплатить здесь, ибо найдутся другие, более нуждающиеся.

Примите уверение в полном моем уважении и да благословит вас Бог.

Ваша сестра Агата.

P. S. Так как мой пациент заснул, то я вновь открываю это письмо, чтобы сообщить вам еще кое-что. Он мне все рассказал про вас и о том, что вы скоро будете его женой. Да благословит вас обоих Создатель. У него был, по-видимому, какой-то потрясающий удар – так говорит наш доктор – и в своей горячке он все бредит всевозможными ужасами: волками, ядом и кровью, призраками и демонами и, я боюсь даже сказать, чем еще, но будьте с ним осторожны и следите за тем, чтобы его ничего не тревожило; следы такой болезни не скоро исчезнут. Мы уже давно написали бы, да ничего не знали о его друзьях, а из его разговоров ничего не могли понять. Он приехал поездом из Клаузенбурга, и начальник станции рассказывал служащему, что на станции он кричал, чтобы ему дали билет домой. Видя по всему, что он англичанин, ему выдали билет до конечной станции этой железной дороги. Будьте спокойны за него, так как за ним заботливо ухаживают. Своей лаской и благовоспитанностью он победил наши сердца. Теперь ему действительно гораздо лучше, и я не сомневаюсь, что через несколько недель он совершенно оправится, но ради его же спасения, будьте с ним очень осторожны. Я буду молиться за ваше долгое счастье Господу Богу и Святому Иосифу и Святой Марии.

Дневник мистера Сьюарда

19 августа

Вчера вечером в Ренфилде произошла странная и неожиданная перемена. Около 8-ми часов он стал возбужденным и начал рыскать всюду, как собака на охоте. Служащий был этим поражен и, зная, как я им интересуюсь, постарался, чтобы Ренфилд разговорился. Обыкновенно

венно Ренфилд относится с уважением к служителю, порою даже с раболепством; но сегодня, по словам служителя, он держался с ним надменно. Ни за что не захотел снизойти до разговора. Вот все, что тот добился от него:

«Я не желаю с вами говорить; вы теперь для меня не существуете; теперь господин мой рядом».

Служитель думает, что Ренфилда вдруг охватил приступ религиозной мании. В 9 часов вечера я сам посетил его. В чрезмерной самоуверенности разница между мною и служителем показалась ему ничтожной. Это похоже на религиозную манию, и скоро он, вероятно, возомнит себя Богом.

В продолжение получаса или даже больше Ренфилд все более и более возбуждался. Я не подал даже вида, что слежу за ним, но все-таки наблюдал очень внимательно; в его глазах внезапно появилось то хитрое выражение, которое мы замечаем обыкновенно у сумасшедшего, занятого какой-нибудь определенной мыслью. Затем он сразу успокоился и уселся на краю кровати, уставившись в пространство блестящими глазами. Я решил проверить, притворяется ли он апатичным, или на самом деле таков, и завел с ним разговор на тему, на которую он всегда отзывался. Сначала он ничего не отвечал, потом сказал брезгливо:

– Да ну их всех! Янисколько не интересуюсь ими.

– Что? – спросил я. – Не хотите ли вы этим сказать, что не интересуетесь пауками? (Теперь пауки его слабость, и его записная книжка полна рисунков, изображающих пауков).

На что он двусмысленно ответил:

– Шаферицы радуют взоры тех, кто ожидает невесту, но с появлением невесты они перестают существовать для присутствующих.

Он не хотел объяснить значения своих слов и все то время, что я у него пробыл, молча просидел на своей постели.

Я вернулся к себе и лег спать.

Проснулся я, когда пробило два часа и пришел дежурный, посланный из палаты с сообщением, что Ренфилд сбежал. Я наскоро оделся и тотчас же спустился вниз; мой пациент слишком опасный человек, чтобы оставлять его на свободе. Его идеи могут слишком плохо отразиться на посторонних. Служитель ждал меня. Он сказал, что всего 10 минут назад он видел Ренфилда в дверной глазок спящим. Затем его внимание было привлечено звоном разбитого стекла. Когда он бросился в комнату, то увидел в окне только пятки и тотчас же послал за мною. Больной в одной ночной рубашке и, наверное, не успел убежать далеко. Дежурный решил, что лучше проследить, куда он пойдет, а то, выходя из дому через двери, можно потерять его из виду. Дежурный был слишком толст, чтобы пролезть в окно, а так как я худощав, то с его помощью легко пролез ногами вперед и спрыгнул на землю. Служитель сказал, что пациент повернул по дороге налево, и я побежал как только мог вслед за ним. Миновав деревья, я увидел белую фигуру, карабкающуюся по высокой стене, которая отделяет наше владение от соседей. Я сейчас же вернулся и приказал дежурному немедленно позвать четырех служителей на тот случай, если больной в буйном состоянии, и последовать за ним в Карфакс. Сам же я достал лестницу и перелез через стену вслед за беглецом. Я как раз увидел Ренфилда, исчезающего за углом дома, и погнался за ним. Он уже был далеко, и я увидел, как он прижался к обитой железом дубовой двери церкви. Он разговаривал с кем-то, а я боялся подойти туда, чтобы его не напугать, иначе он мог убежать. Гнаться за пчелиным роем ничто в сравнении с погоней за полуголым сумасшедшим, когда на него накатит. Вскоре я, однако, убедился в том, что он совершенно не обращает внимания на окружающее, и стал подходить ближе, тем более, что мои люди тоже успели перелезть через стену и окружить его. Я слушал, как он говорил: «Я здесь, господин мой, чтобы выслушать Ваше приказание. Я Ваш раб, и Вы вознаградите меня,

так как я буду Вам верен. Я давно уже ожидаю Вас. Теперь Вы здесь, и я жду Ваших приказаний и надеюсь, что Вы не обойдете меня, дорогой мой Господин, и наделите меня Вашим добром».

Иллюстрации для подарочного издания 1916 года.

Художник – Эдгар Альфред Холлоуэй.

«...Я знаю, что тебе очень хочется знать все, что произошло со мною с тех пор, как мы расстались на вокзале Уайтби. Дороги я не заметила, так как страшно волновалась при мысли, каким застаю Джонатана...»

Как бы то ни было, он просто старый жадный нищий. Он думает о хлебе и рыбах, когда убежден, что перед ним Бог. Его мания – какая-то странная комбинация. Когда мы его захватили, он боролся, как тигр. Он невероятно силен и больше походил на дикого зверя, чем на человека. Я никогда не видел сумасшедшего в таком припадке бешенства; и надеюсь, что никогда больше не увижу. Счастье еще, что мы захватили его вовремя. С его силой и решительностью он мог бы натворить много бед. Теперь он, во всяком случае, безопасен, так как мы надели на него рубашку и связали.

Сейчас только он проговорил первые связные слова:

«Я буду терпеть, Господин мой. Я уже чувствую приближение этого. Время наступает – наступает – наступает!»

Сначала я был слишком возбужден, чтобы заснуть, но этот дневник успокоил меня, и я чувствую, что сегодня буду спать.

Глава девятая

Письмо Мины Мюррей к Люси Вестерн

24 августа. Будапешт

Дорогая моя Люси,

Я знаю, что тебе очень хочется знать все, что произошло со мною с тех пор, как мы расстались на вокзале Уайтби. Дороги я не заметила, так как страшно волновалась при мысли, каким застану Джонатана.

Застала я бедняжку, в ужасном виде – совершенно исхудалым, бледным и страшно слабым. Глаза совершенно утратили свойственное Джонатану выражение решительности, и то поразительное спокойствие, которым, как я часто говорила тебе, дышало его лицо – теперь исчезло. От него осталась одна лишь тень, и он ничего не помнит, что с ним случилось за последнее время. Во всяком случае, он хочет, чтобы я так думала. Видно, он пережил страшное нравственное потрясение, и я боюсь, что если он станет вспоминать, это отразится на его рассудке. Сестра Агата – доброе существо и прирожденная сиделка – рассказывала мне, что в бреду он говорил об ужасных вещах. Я просила ее сказать, о каких именно; но она только крестилась и ответила, что никогда не в состоянии будет этого передать, что бред больного – тайна от всех, и что если сестре милосердия и приходится услышать какую-нибудь тайну во время исполнения своих обязанностей, то она не имеет права ее выдавать... Он спит... Я сижу у его постели и смотрю на него. Вот он просыпается... Проснувшись, он попросил, чтобы подали костюм, так как ему нужно было что-то достать из кармана. Сестра Агата принесла все вещи Джонатана. Среди них я увидела записную книжку. Мне очень хотелось прочитать ее, поскольку я догадалась, что найду в ней разгадку всех его тревог. Вероятно, он угадал это желание, так как вдруг попросил меня отойти к окну, сказав, что ему хочется остаться одному на короткое время. Немного погодя Джонатан подозвал меня, когда я подошла, он обратился с очень серьезным видом, держа записную книжку в руках, со следующими словами: «Вильгельмина, ты знаешь, дорогая, мой взгляд на ту откровенность, которая должна царить в отношениях между мужем и женой: между ними не должно быть никаких тайн, никаких недоразумений. Я пережил сильное нравственное потрясение; когда я вспоминаю о случившемся, то чувствую, что у меня голова идет кругом, и я положительно не знаю, случилось ли все это со мной в действительности или же это бред сумасшедшего. Ты знаешь, что я перенес воспаление мозга, знаешь, что был близок к тому, чтобы сойти с ума. Моя тайна здесь в тетрадке, но я не хочу ее знать... Затем я хочу напомнить тебе, моя дорогая, что мы решили пожениться, как только все формальности будут исполнены. Хочешь ли ты, Вильгельмина, разделить со мной мое назначение? Вот моя тетрадь. Сохрани ее у себя, прочти, если хочешь, но никогда не говори со мной об этом».

Тут он в изнеможении упал на кровать, я же положила тетрадку под подушку и поцеловала его. Я попросила сестру Агату пойти к директору за разрешением назначить нашу свадьбу на сегодняшний вечер, и вот я сижу и жду ответа...

Она только что вернулась и сказала, что послали за священником Английской миссии. Мы венчаемся через час, т. е. как только Джонатан проснется...

Милая Люси, вот и свершилось! Я настроена очень торжественно, но я очень, очень счастлива. Джонатан проснулся час спустя, даже немного позже, когда все уже было приготовлено; его усадили на постель и обложили подушками, он произнес очень твердо и решительно свое «Да, я согласен», я же едва была в состоянии говорить; мое сердце было так полно, что я еле проговорила эти несколько слов. Я должна тебе сообщить о своем свадебном подарке. Когда священник и сестрица оставили нас с мужем наедине – я взяла из-под подушки дневник,

запечатала его и, показав мужу, сказала, что этот дневник послужит залогом нашей веры друг в друга; что я никогда не распечатаю его, разве только во имя спасения или во исполнение какого-нибудь непреложного долга.

Тогда он поцеловал и обнял меня своими слабыми руками, и это было как бы торжественным залогом нашей будущей жизни...

Знаешь ли ты, дорогая Люси, почему я рассказываю тебе обо всем? Не только потому, что это так близко мне, но и потому, что ты всегда была мне дорога. Я хочу поскорее увидеть тебя, теперь, когда я так счастлива замужем. Я хочу, чтобы ты была так же счастлива, как я. Дорогая моя, да пошлет тебе Всемогущий Бог такое же счастье на всю жизнь, да протечет вся твоя жизнь безоблачно, полная безмятежного счастья! Вечно любящая тебя

Мина Харкер.

Болезнь Ренфилда протекает все интереснее. Он теперь настолько успокоился, что появился просвет в его мании. Первая неделя после того ужасного припадка прошла в невероятно буйном состоянии. В конце недели, ночью, как раз в полнолуние он вдруг успокоился и начал бормотать про себя: «Теперь я могу ждать; теперь я могу ждать». Служитель пришел доложить мне об этом, и я немедленно зашел к нему; он все еще был в смиренной рубашке и находился в обитой войлоком комнате буйного отделения; но выражение лица стало спокойнее. Я остался вполне доволен его видом и тотчас же распорядился, чтобы его освободили. Служители колебались, но в конце концов исполнили мое приказание. Удивительнее всего то, что у пациента оказалось достаточно юмора, чтобы заметить их колебание; он подошел ко мне вплотную и прошептал, глядя на них украдкой:

Дневник доктора Сьюарда

– Они боятся, что я вас ударю! Подумайте только – чтобы я вас ударил! Вот дураки-то!

Но больше он сегодня вечером не пожелал разговаривать. Даже предложение котенка или большой кошки не могло его соблазнить. Он ответил:

– Я не признаю взятку в виде кошек; у меня есть много другого, о чем нужно подумать, и я могу подождать; да, я могу подождать.

Немного погодя я его покинул. Служитель говорит, что он был спокоен до рассвета, потом вдруг начал волноваться и наконец впал в буйное состояние, которое дошло у него до пароксизма и перешло в летаргический сон.

Три ночи повторяется с ним то же самое: буйное состояние в течение всего дня, потом спокойствие с восхода луны до восхода солнца. Как бы мне хотелось иметь ключ к разгадке этого явления! Кажется, будто что-то систематически влияет на его состояние... Удачная мысль! Сегодня ночью мы устраиваем ловушку нашему сумасшедшему. Раньше он убежал против нашей воли; теперь же мы ему сами подстроим побег. Мы дадим ему возможность убежать, но люди будут следовать за ним по пятам на случай несчастья.

23 августа

Всегда случается то, чего меньше всего ожидаешь. Наша птичка, найдя свою клетку открытой, не захотела улететь, так что все наши утонченные планы развеялись в пух и прах. Во всяком случае, одно нам стало ясно, а именно: что беспокойный период у него довольно длительный. И мы поэтому сможем в будущем освободить его только на несколько часов. Я отдал дежурному служителю распоряжение водворять Ренфилда за час до восхода солнца в обитую войлоком комнату: пусть хоть тело этой бедной больной души наслаждается покоем, которым не может пользоваться дух его. Чу, снова неожиданность, меня зовут, больной опять сбежал!

Позже

Еще одно ночное приключение. Ренфилд дождался момента, когда дежурный отвернулся, и улучив минуту, незаметно улизнул. Я велел служителям отправляться на поиски. Мы застали его на старом месте, у дубовой двери старой церкви. Увидев меня, он пришел в бешенство. Не схвати Ренфилда служители вовремя, он, наверное, убил бы меня. В то время, когда мы его схватили, случилось нечто странное. Он удвоил свои силы, желая освободиться, но вдруг совершенно затих. Я инстинктивно оглянулся, но ничего не заметил. Тогда я проследил за взором больного: оказалось, он пристально глядел на освещенное луной небо; я не заметил ничего подозрительного, разве только большую летучую мышь, летевшую на запад. Больной наш становился все спокойнее и, наконец, произнес:

– Вам незачем связывать меня; я и так не стану вырываться.

Мы дошли домой совершенно спокойно; я чувствую, в этом спокойствии таится что-то зловещее... Я не забуду этой ночи.

Дневник Люси Вестерн

Гилингэм, 24 августа

Мне необходимо последовать примеру Мины и записывать все, а потом, при встрече, мы можем обменяться нашими дневниками. Хотелось бы знать, когда же это будет, наконец? Хотелось бы, чтобы она опять была со мною! Чувствую я себя очень несчастной. Прошлой ночью мне снилось опять то же, что и тогда в Уайтби. Быть может, это следствие перемены климата, или же возвращение домой так на меня подействовало, все в моей голове смутно и перепуталось, я ничего не могу припомнить, но чувствую непонятный страх и странную слабость. Артур пришел к завтраку и, увидев меня, ужаснулся, а у меня не хватило силы воли притвориться веселой. Может быть, мне удастся лечь сегодня спать в спальне мамы; я извинюсь и попробую ее уговорить.

25 августа

Опять очень плохая ночь. Мама не согласилась на мою просьбу. Ей самой очень плохо, и она, без сомнения, боялась, что помешает мне спать. Я старалась бодрствовать, и некоторое время мне удавалось не засыпать; но вместе с боем часов в полночь я задремала. За окном кто-то шумел – слышался точно шелест больших крыльев; насколько помню, я не обратила на это внимания; немного погодя, кажется, заснула. Все время кошмары. Хоть бы вспомнить – какие! Сегодня я очень слаба. Мое лицо бледно, как у призрака. Кроме того, у меня болит шея. По-видимому, что-то неладное случилось с моими легкими, так как мне не хватает воздуха. Я все-таки постараюсь как-нибудь скрыть мое состояние от Артура, а то мой вид его огорчает.

Письмо Артура Холмвуда к доктору Сьюарду

Гостиница Альбемарль, 31 августа

Дорогой Джек!

Очень прошу тебя оказать мне услугу. Люси очень больна. Ничего определенного нет, но выглядит она ужасно и с каждым днем все хуже. Я расспрашивал, что с нею; с матерью Люси не решаюсь говорить об этом, так как тревожить ее нельзя, учитывая опасное состояние ее здоровья. Это может иметь для нее роковые последствия. Миссис Вестерн призналась, что ее участь решена – у нее сильнейший порок сердца. А между тем я чувствую, что-то угрожает здоровью Люси, – я не могу без боли смотреть на нее; я сказал ей, что попрошу тебя выслушать ее. Сначала она ни за что не хотела – я догадываюсь, почему, старый дружище; но в конце концов, все-таки согласилась. Я понимаю, друг мой, как тяжело тебе будет, но во имя ее спасения

ты должен взять лечение на себя. Приезжай в Хиллингтон завтра в 2 часа к завтраку, чтобы не возбудить подозрений миссис Вестерн; после завтрака Люси найдет какой-нибудь предлог остаться с тобой наедине. Я приду к чаю, а затем мы сможем вместе уйти. Я очень взволнован ее болезнью и хочу знать всю правду после осмотра. Приезжай непременно.

Твой Артур.

Телеграмма Артура Холмвуда Сьюарду

1 сентября

Отцу плохо. Вызван к нему. Напиши результат подробно в Ринг. Если необходимо, приеду немедленно.

Письмо доктора Сьюарда к Артуру Холмвуду

2 сентября

Дорогой друг. Что касается здоровья мисс Вестерн, то спешу тебя уведомить, что я не нашел ничего угрожающего, не нашел даже намека на какую-либо болезнь. Но в то же время я чрезвычайно недоволен ее переменой со времени моей последней встречи с нею; мне не удалось осмотреть ее так, как следовало бы, этому мешают наши дружеские и светские отношения. Я решил поэтому подробно описать то, что случилось, представляя тебе самому делать выводы и принимать надлежащие меры. Итак слушай, что я сделал и что я предлагаю сделать:

Я застал мисс Вестерн в притворно веселом настроении. Вскоре я понял, что она всячески старается обмануть свою мать, находившуюся тут же, чтобы уберечь ее от волнения. После завтрака миссис Вестерн пошла отдыхать, и мы остались с Люси наедине. Как только дверь закрылась, она сбросила с себя маску веселья, упала в изнеможении на кресло и закрыла лицо руками. Когда я увидел, что все ее веселое настроение исчезло, я тотчас же воспользовался этим, чтобы заняться обследованием. Мне не трудно было убедиться в том, что она страдает малокровием, хотя это и поразило меня, потому что обычных признаков болезни у нее не было, кроме того, мне совершенно случайно удалось исследовать состав ее крови, так как Люси, стараясь открыть окно, порезала себе руку разбившимся стеклом; порез сам по себе был незначителен, но это дало мне возможность собрать несколько капель крови и проанализировать их, – состав крови оказался нормальным; я бы сказал, что судя по составу крови, ее здоровье великолепно. Физическим состоянием Люси я остался доволен, так что с этой стороны опасаться нечего, но так как причина ее нездоровья должна же где-нибудь крыться, то я пришел к убеждению, что тут все дело в нравственном самочувствии. Люси жалуется на затрудненное дыхание, которое, к счастью, мучает ее лишь временами; кроме того, на тяжелый, как бы летаргический сон с кошмарными сновидениями, которые ее пугают, но которых она никогда не помнит. Она говорит, что будучи ребенком, имела привычку ходить во сне, и что в Уайтби эта привычка к ней снова вернулась. Так, однажды она даже взобралась на Восточный утес, где мисс Мюррей ее и нашла; но она уверяет меня, что это с ней больше не повторяется. Я в полном недоумении, поэтому решил на следующий шаг: я списался с моим старым учителем и добрым другом, профессором Ван Хельсингом из Амстердама, который великолепно разбирается в сомнительных случаях, а так как ты меня предупредил, что берешь все на себя, то я нашел нужным посвятить его в твои отношения к мисс Вестерн. Сделал я это исключительно покоряясь твоим желаниям, так как сам я был бы горд и счастлив сделать для нее все. Ван Хельсинг из личного ко мне расположения готов прийти к нам на помощь и сделать все возможное. Но независимо от причины, по которой он согласился приехать, мы заранее должны быть готовы подчиниться его требованиям. Он очень в себе уверен, но вызвано это тем фактом, что он действительно необыкновенный врач. Он философ и метафизик и вместе с тем один из

самых выдающихся ученых. Кроме того, это человек большого ума. У него железные нервы, невероятно решительная натура, страшная сила воли и терпеливость, при этом он добрейший человек, к которому всякий смело может обратиться за помощью. Я пишу тебе об этом для того, чтобы ты понял, почему я так ему доверяю. Я попросил его приехать сейчас же. Завтра я опять увижусь с мисс Вестерн.

Вечно твой, Джон Сьюард.

Письмо Авраама Ван Хельсинга доктору Сьюарду

2 сентября

Дорогой друг! Получив твоё письмо, я тотчас же собрался выехать. К счастью, это удастся не причинив никакого ущерба тем, кто мне доверился. В противном случае я покинул бы их с тяжелым сердцем. Как видишь, я немедленно отозвался на твоё приглашение и еду к другу, чтобы помочь тем, кто ему дорог. Объясни своему приятелю, что, высосав яд из моей раны, образовавшейся у меня от удара грязным ножом нашего общего нервного друга, ты этим поступком добился раз и навсегда моей полной готовности помогать тебе и всем твоим близким. Будь любезен приготовить для меня комнату в Восточной гостинице, чтобы я находился вблизи от больной; кроме того, устрой так, чтобы я мог увидеть молодую леди не слишком поздно завтра же, так как очень может быть, что мне придется вернуться домой в эту же ночь. Если будет нужно, я сумею вернуться через три дня и тогда смогу пробыть у вас уже дольше, а пока – до свидания, друг мой.

Ван Хельсинг.

Письмо доктора Сьюарда Артуру Холмвуду

3 сентября

Дорогой мой Арчи! Ван Хельсинг уже был здесь и уехал. Он вместе со мною отправился в Хиллингем. Благодаря осторожности Люси мать ее завтракала вне дома, и мы застали ее одну. Ван Хельсинг очень внимательно исследовал пациентку, потом подробно обо всем рассказал мне. Посылаю тебе доклад. Я ведь не все время присутствовал при исследовании больной. После осмотра он был очень озабочен и сказал, что надо подумать. Когда я ему сообщил о той большой дружбе, которая связывает нас с тобой, и как ты мне доверяешь, он ответил: «Ты должен сказать ему все, что об этом думаешь; передай ему также и мое мнение, если найдешь это нужным. Нет, я не шучу. Это не шутка, а борьба между жизнью и смертью, если не больше». Я спросил его, что он этим хочет сказать, ибо видел, что он говорит серьезно. Он не дал мне никакого ключа к разгадке; но ты не должен сердиться на него, Арчи, так как его молчание служит признаком того, что его мозг деятельно работает, чтобы разобраться в этом случае и помочь Люси. Он подробно все разъяснит, когда настанет время, в этом ты можешь быть уверен. Поэтому я ответил ему, что подробно опишу тебе наш визит.

Вот тебе подробный отчет о нашем посещении. Люси была жизнерадостнее, чем тогда, когда я увидел ее впервые, и выглядела безусловно лучше. Не было того ужасного вида, который тебя так взволновал, да и дыхание было нормально. Она была очень мила с профессором и старалась делать все, что было в ее силах, чтобы профессор чувствовал себя свободно и хорошо, хотя это удавалось ей с большим трудом.

Мне кажется, Ван Хельсинг заметил это, так как знакомый мне косой взгляд из-под густых бровей выдавал его. Затем он начал болтать о посторонних вещах, в общем, он говорил обо всем, кроме болезни, и так искусно развлекал ее, что притворное веселье Люси скоро перешло в искреннее. Понемногу, совершенно незаметно он переменял тему, перевел разговор на причину своего приезда и сказал нежно и ласково:

«Дорогая моя юная мисс. Мне страшно приятно видеть, что вас так любят. Это очень много значит в жизни. Он сказал мне, что вы в плохом настроении и невероятно бледны. Но где же ему знать молодых леди! Он поглощен своими сумасшедшими и занят тем, что возвращает им по возможности здоровье, а значит и счастье тем, кому они дороги. Это стоит большого труда, но зато у нас есть чувство радости и удовлетворения, что мы в состоянии дать такое счастье. Ну а в молодых леди он ничего не понимает; у него нет ни жены, ни дочери; да и не дело молодежи – судить молодежь, это дело таких стариков как я, у которого столько забот и тревог за них. Итак, моя дорогая, пошлем-ка мы его в сад покурить, а мы с вами поболтаем наедине». Я понял намек и пошел прогуляться; немного погодя профессор подошел к окну и подозвал меня. Вид у него был очень суровый; он сказал: «Я ее хорошенько выслушал, осмотрел и не нашел никаких болезненных процессов. Я с вами согласен, она потеряла много крови, но это было раньше; во всяком случае, она отнюдь не малокровна. Я попросил ее позвать служанку, которой мне хочется задать несколько вопросов, чтобы уяснить себе кое-что, так как в данном случае важно знать все. Ведь должна же существовать какая-то причина; без причины ничего не бывает. Придется хорошенько обдумать все дома. Прошу ежедневно присылать мне телеграммы; если будет необходимо, приеду снова. Болезнь меня очень интересует, а эта молоденькая леди меня просто очаровала, и я непременно приеду, когда будет нужно».

Как я говорил тебе, больше он не сказал бы ни слова, даже если бы мы были наедине. Теперь, Арчи, ты знаешь столько же, сколько и я. Я буду зорко следить за нашей пациенткой. Надеюсь, что твой отец поправляется. Я понимаю, старый друг, каково тебе теперь: больны двое людей, из которых тебе оба одинаково дороги. Я знаю твой взгляд на сыновний долг – ты прав, что исполняешь его; но все же, если понадобится, я немедленно напишу тебе, чтобы ты приехал к Люси, так что тебе незачем очень волноваться, если я тебя не вызываю.

Твой Джон Сьюард.

Дневник доктора Сьюарда

4 сентября

Пациент зоофагос все еще продолжает меня интересовать. У него был всего один припадок; это случилось вчера в обычное время. Как раз перед восходом солнца им начало овладевать беспокойство. Служитель был знаком с этими симптомами и сейчас же послал за помощью. К счастью, люди прибежали как раз вовремя, так как с восходом луны он стал таким буйным, что им пришлось употребить все силы, чтобы его удержать. Но через пять минут он стал постепенно успокаиваться и в конце концов впал в какую-то меланхолию³³, в которой пребывает и посейчас.

Позже

Новая перемена в моем больном. В пять часов я заглянул к нему, и он казался таким же счастливым и довольным, как всегда. Он снова ловил мух и глотал их, делая каждый раз отметку ногтем на стенке. Увидев меня, он подошел ко мне и извинился за свое дурное поведение, потом очень покорно попросил меня перевести его обратно в свою комнату и вернуть записную книжку. Я решил, что следует подбодрить больного, поэтому распорядился пере-

³³ Меланхолия (от др. – греч. – «черная желчь») – термин, обозначавший до начала XX в. один из видов психических расстройств, приводящих к болезненным душевным мучениям. Термин был предложен еще Гиппократом. На протяжении столетий причиной меланхолии считался избыток в организме желчи.

сти Ренфилда в его палату с открытым окном. Он снова рассыпал сахар на подоконнике и наловил целый ворох мух.

Он их больше не ест, а собирает в коробку, как и раньше, и уже осматривает все углы комнаты в поисках паука.

Полночь

Снова перемена в нем. Я навестил Люси, которую застал в хорошем состоянии и, вернувшись назад, остановился у калитки, чтобы посмотреть на заход солнца, как вдруг опять услышал его вопли. Так как комната выходит именно на эту сторону, то я слышал все яснее, чем утром. Это больно ударило меня по нервам – переход от восхищения ярким великолепием солнечного заката с его роскошными красками, оживляющими мрачные тучи и темную воду – к ужасной суровой действительности моего каменного здания, полного трепещущего горя и всего того, что так тяготит мою душу. По мере того, как солнце заходило, бешенство Ренфилда постепенно уменьшалось; как только солнце совсем зашло, больной выскользнул из рук тех, кто его держал, и обессиленный опустился на пол. Удивительно, однако, как сильна бывает реакция у сумасшедших: через каких-нибудь пять минут он опять спокойно стоял на ногах и озирался кругом. Я сделал служителям знак не держать его, так как мне интересно было видеть, что он сделает. Он подошел к окну и выбросил остатки сахара; затем взял свой короб с мухами, выпустил пленниц и выкинул коробку за окно; потом закрыл окно и сел на кровать. Все это удивило меня, и я спросил его: «Разве вы больше не будете разводить мух?» «Нет, – ответил он, – вся эта дрянь мне надоела!» Вот поразительный тип! Хотелось бы мне разобраться в складе его ума или же постичь причину внезапных перемен... Стойте! Разгадка, кажется, уже найдена – если бы только узнать, почему у него был пароксизм в полнолуние и при заходе солнца. Неужели солнце в определенные периоды дурно или, вернее, возбуждающе влияет на некоторые натуры – так же, как луна? Увидим!..

Телеграмма Сьюарда, Лондон, Ван Хельсингу, Амстердам

4 сентября

Пациентке сегодня значительно лучше.

Телеграмма Сьюарда, Лондон, Ван Хельсингу, Амстердам

5 сентября

Больной гораздо лучше. Хороший аппетит, спокойный сон. Весела. Румянец возвращается.

Телеграмма Сьюарда, Лондон, Ван Хельсингу, Амстердам

6 сентября

Ужасная перемена к худшему. Приезжай немедленно. Я не буду телеграфировать Холмвуду, пока не увижусь с тобой.

Глава десятая

Письмо доктора Сьюарда к Артуру Холмвуду

6 сентября

Дорогой мой Арчи! Мои сегодняшние новости не особенно хороши. Люси сегодня утром заметно осунулась. С одной стороны, это оказалось неплохо, а именно: испуганная видом Люси, миссис Вестерн обратилась ко мне за советом. Я воспользовался этим и сказал ей, что Ван Хельсинг, мой старый учитель, знаменитый диагност, как раз приезжает ко мне в гости, и что я в таком случае совместно с ним займусь здоровьем ее дочери. Так что теперь мы можем действовать свободно, не возбуждая подозрений, что при ее опасном положении могло бы закончиться катастрофой; а для больной Люси, это было бы губительным. Если случится что-нибудь непредвиденное, я сейчас же напишу тебе, так что мое молчание прими как знак того, что все в порядке.

Вечно твой, Джон Сьюард.

Дневник доктора Сьюарда

7 сентября

Ван Хельсинг приехал опять. Прежде всего он спросил меня, сообщил ли я Артуру все симптомы болезни Люси. Я ответил отрицательно. Он одобрил мой поступок, затем предложил мне записывать весь дальнейший ход болезни самым тщательным образом, утверждая, что случай с Люси явится, может быть, одним из интереснейших в медицине всего мира. Но сообщить подробности он отказался, говоря, что ему самому не все ясно, и что он до сих пор не совсем уверен в диагнозе.

Иллюстрации для подарочного издания 1916 года.

Художник – Эдгар Альфред Холлоуэй.

– Идите, – сказал он. – Вы молодой и, слава Богу, очень здоровый человек. Вы здоровее меня, здоровее моего друга Джона. Молодая мисс плоха, ей нужна кровь, иначе она умрет...

Когда мы пришли, миссис Вестерн тотчас же вышла нам навстречу. Она была встревожена, но не до такой степени, как я этого ожидал. Нас с Ван Хельсингом провели в комнату Люси. Если вчерашний вид ее меня потряс, то сегодняшней привел в ужас. Она была бледна,

как призрак; краска сошла даже с губ и десен, щеки ввалились, а скулы сильно выдавались; мучительно было смотреть и слушать, с каким трудом она дышит. Люси лежала без движения и, по-видимому, была не в силах говорить, так что некоторое время мы все молчали. Затем мы осторожно вышли из комнаты. Как только за нами закрылась дверь, Ван Хельсинг быстро прошел по коридору до следующей двери, которая оказалась открытой. Мы вошли туда. Он лихорадочно закрыл дверь и воскликнул: «Боже мой, это ужасно! Нельзя терять ни минуты. Она умрет! У нее так мало крови, что нужно немедленно сделать переливание. Кто из нас, ты или я, пожертвуем собой?»

– Я моложе и здоровее, профессор.

– В таком случае приготовься сейчас же; я принесу свою сумку.

– Я готов.

Спускаясь вниз по лестнице, мы услышали стук в дверь; когда мы дошли до передней, то увидели, что служанка только что открыла дверь и впустила Артура. Он бросился ко мне и сказал нетерпеливым тоном:

– Джон, я очень беспокоился. Я читал между строк твоего письма и был как в агонии; а так как отцу лучше, то я и примчался сюда чтобы самому увидеть, в чем дело. Этот джентльмен – доктор Ван Хельсинг? Я так благодарен вам, сэр.

Сначала профессор рассердился, что в такой момент ему помешали; но затем, приглядевшись к Артуру и увидев, каким крепким сложением и великолепным здоровьем тот обладает, он переменял гнев на милость и, пожимая его руки, обратился к нему с чрезвычайно серьезным видом:

– Сэр! Вы приехали как раз вовремя. Вы жених нашей дорогой мисс? Она плоха, очень, очень плоха... Нет, дитя мое, так нельзя, – прервал сам себя профессор, увидев, что тот внезапно побледнел и почти в обмороке упал в кресло. – Вы должны ей помочь. Вы можете сделать больше, чем кто-либо из нас, и ваше мужество – ваша лучшая помощь.

– Что же я могу сделать, скажите, я исполню, – хрипло произнес Артур. – Моя жизнь принадлежит ей, и я готов отдать ей свою кровь до последней капли.

– Мой юный сэр, я не требую от вас так много, – возразил профессор, иронически улыбаясь.

– Что же мне делать?

Ван Хельсинг ударил его по плечу.

– Идемте, – сказал он. – Вы молодой и, слава Богу, очень здоровый человек. Вы здоровее меня, здоровее моего друга Джона. Молодая мисс плоха, ей нужна кровь, иначе она умрет. Мы с Джоном только что решили произвести трансфузию крови. Джон собирался дать свою кровь, так как он моложе и сильнее меня. Но теперь здесь вы. Вы лучше нас, старых и молодых, которым приходится заниматься таким усидчивым умственным трудом. Наши нервы не так крепки, а кровь не так ярка, как ваша.

Артур ответил ему:

– Если бы вы только знали, как охотно я отдал бы за нее жизнь, вы бы поняли...

Он остановился, голос его от волнения сорвался.

– Милый мальчик, – сказал Ван Хельсинг, – в скором времени вы будете счастливы от того, что сделали для спасения той, которую любите. Идемте же и успокойтесь. Вы можете еще раз поцеловать ее, но потом вам придется уйти – я дам вам знак.

Мы направились вверх к Люси. Артур остался за дверью. Люси посмотрела на нас, но ничего не сказала. Она не спала, но просто была слишком слаба. Только глаза ее говорили. Ван Хельсинг вынул несколько предметов из своего чемодана и положил их подальше на столик. Затем он приготовил усыпляющее средство и, подойдя к кровати, ласково сказал:

– Вот, маленькая мисс, ваше лекарство... Выпейте это, будьте пай-девочкой. Я посажу вас, чтобы легче было его проглотить. Ну, вот!

Она с трудом проглотила лекарство – оно долго не действовало. Причиной тому, в сущности, была ее чрезмерная слабость. Время тянулось бесконечно долго, пока, наконец, ее не стал одолевать сон, и она заснула. Профессор был вполне удовлетворен и позвал Артура в комнату, попросив его снять сюртук. Затем он добавил:

– Вы можете ее поцеловать, пока я перенесу стол на место. Джон, дружок, помоги мне. Таким образом, никто из нас не видел, как Артур наклонился к ней.

Затем Ван Хельсинг приступил к операции и сделал ее с невероятной быстротой. Во время трансфузии, казалось, будто жизнь снова возвращалась к бедной Люси, лицо же Артура становилось все бледнее, хотя оно и сияло от невыразимой радости.

Но какой ужасный надлом, должно быть, произошел в здоровье Люси, если то, что в конце ослабило Артура, дало ей лишь незначительное облегчение. Лицо профессора было серьезно, он чрезвычайно внимательно и зорко следил за Люси и Артуром. Я слышал биение своего собственного сердца. Немного погодя профессор тихо проговорил:

– Довольно! Помогите ему, а я займусь ею.

Я перевязал рану Артура и взял его под руку. Тут Ван Хельсинг не поворачиваясь к нам, сказал (у этого человека глаза, кажется, были и на затылке):

– Храбрый юноша! По-моему, он заслужил еще один поцелуй, который он сейчас же и получит.

Покончив со своей операцией, он поправил подушку у головы пациентки. При этом он слегка сдвинул с места черную бархатную ленту, которую Люси постоянно носила вокруг шеи, закалывая ее бриллиантовой пряжкой – подарком жениха – и, показав мне на маленькие красные знаки на ее шее, тяжело вздохнул. Затем он повернулся ко мне и сказал:

– Уведите теперь нашего храброго юношу, дайте ему портвейну, и пусть он немного отдохнет. Потом пусть он пойдет домой, хорошенько поест и поспит, чтобы снова восстановить свои силы после той жертвы, которую он принес своей невесте. Ему не следует тут больше оставаться... Стойте, еще одну минуту! Вы, сэр, наверное, беспокоитесь за результат, так знайте, что операция была успешна. На этот раз вы спасли ей жизнь и можете спокойно пойти домой и отдохнуть с сознанием того, что все, что в наших силах, сделано. Я расскажу ей все, когда она проснется; она вас полюбит еще больше за то, что вы для нее сделали. Прощайте!

Когда Артур ушел, я снова вернулся в комнату. Люси тихо спала, но дыхание ее стало глубже. Ван Хельсинг сидел близ кровати и не сводил с нее глаз. Бархатка снова прикрыла красный знак. Я шепотом спросил профессора:

– Что же вы сделаете с этим знаком?

– Что я с ним сделаю? – повторил профессор.

Я, в сущности, еще не знал, что это за знак, поэтому я отодвинул ленту в сторону. Как раз над внешней шейной веной виднелись две небольшие точки, злокачественные на вид. Болезненного процесса в них не было, но края их были очень бледны и точно разорваны. Сначала мне пришло в голову, что эти ранки появились вследствие очень большой потери крови; но я тотчас же отбросил эту мысль, так как это было абсолютно невозможно. Судя по бледности Люси до операции, она, наверное, потеряла столько крови, что вся ее постель должна была быть ею пропитана.

– Ну? – спросил Ван Хельсинг.

– Да, – ответил я. – Я с ними ничего не могу сделать.

Профессор встал.

– Мне необходима сегодня же вернуться в Амстердам, – сказал он. – Там мои книги и вещи, которые мне необходимы. Тебе придется провести здесь всю ночь, не спуская с нее глаз.

– Сиделки не нужно? – спросил я.

– Мы с тобою самые лучшие сиделки. Следи за тем, чтобы она хорошо питалась, и чтобы ее ничто не тревожило. Тебе придется просидеть всю ночь. Выспаться мы с тобой сможем потом. Я вернусь, как только успею, и тогда можно будет начать лечение.

– Начать? – сказал я. – Что вы хотите этим сказать?

– Увидишь, – ответил он, поспешно уходя. Несколько секунд спустя он снова вернулся, просунул голову в дверь и, грозя мне пальцем, сказал:

– Помни, что она на твоём попечении. Если ты хоть на минуту покинешь ее и с нею что-нибудь случится, то едва ли ты будешь в состоянии когда-нибудь после этого спокойно уснуть.

Дневник доктора Сьюарда

8 сентября

Я всю ночь просидел у Люси. К сумеркам действие усыпляющего средства прекратилось, и она проснулась; после операции она совершенно изменилась. Даже настроение ее стало прекрасным. Она была полна жизни. Я сказал миссис Вестерн, что доктор Ван Хельсинг велел мне просидеть всю ночь у ее дочери, но она восстала против этого и доказывала, что дочь ее уже достаточно окрепла и даже весела. Но я все-таки не сдался и приготовил все, что мне было необходимо. Пока прислуга готовила все на ночь, я пошел поужинать, затем вернулся и уселся возле кровати. Люси нисколько не протестовала, наоборот, была как будто даже благодарна мне. Затем сон начал одолевать ее, но она как-то вздрагивала, точно боролась с ним. Это повторялось несколько раз. Ясно было, что она почему-то не хотела засыпать, и я заговорил с нею:

– Вам спать не хочется?

– Боюсь заснуть!

– Бойтесь спать? Отчего? Ведь это благо, которого все мы жаждем.

– Да, но если бы вы были на моем месте, если бы сон был для вас предвестником ужаса...

– Предвестником ужаса? Не понимаю, что вы хотите этим сказать?

– Не знаю, сама не знаю! И это самое страшное. Слабость у меня исключительно от этих снов; до сих пор я боюсь даже думать о них.

– Но, дорогая моя, сегодня вы можете спать спокойно! Я буду вас сторожить, и обещаю вам, что ничего не случится.

– О, я знаю, что на вас я могу положиться!

Я воспользовался случаем и сказал:

– Я обещаю вам, что как только замечу какие-либо признаки кошмара, то немедленно разбужу вас.

– Вы это сделаете? Наверное сделаете? Как вы добры! Ну, тогда, я буду спать!

При этих словах она с облегчением вздохнула, откинулась назад и заснула.

Я продежурил около нее всю ночь. Она не шевелилась и крепко спала спокойным здоровым сном. Рано утром вошла служанка, я уступил ей свое место, а сам пошел домой, так как у меня было много других дел. Я написал Ван Хельсингу и Артуру и сообщил им о хорошем результате операции. Мои дела отняли у меня целый день, и было уже темно, когда мне удалось справиться насчет моего пациента зоофагуса. Сведения были хорошие: он был совершенно спокоен в течение последнего дня и ночи. Во время обеда я получил телеграмму от Ван Хельсинга из Амстердама с просьбой, чтобы я ночью приехал в Хиллингем, так как он хотел иметь меня рядом; он же выедет ночью на почтовых и будет у меня рано утром.

9 сентября

Я приехал в Хиллинге́м усталый и утомленный. Две ночи я почти совершенно не спал, и мозг мой начинал уже цепенеть. Люси проснулась, настроение у нее было веселое: здороваясь со мною, она посмотрела на меня серьезно и сказала:

– Сегодня вам нельзя дежурить. Вы истощены. Мне опять совсем хорошо. Серьезно, я совсем здорова, и если кому-нибудь из нас непременно нужно бодрствовать, то уж лучше я постерегу ваш сон.

Я не хотел с нею спорить и пошел ужинать. Затем Люси пришла ко мне наверх и повела меня в комнату, которая была рядом с ее комнатой, где топился камин.

– Теперь, – сказала она, – вы расположитесь здесь. Эту дверь я оставлю открытой. Вы ляжете на кушетке, так как я все равно знаю, что во время дежурства ничто не заставит вас – докторов – лечь в постель, если около вас находится пациент. Если мне что-нибудь понадобится, я вас позову, и вы тотчас сможете прийти ко мне.

Мне пришлось повиноваться, тем более, что я устал как собака, и не в силах был больше бодрствовать, если бы даже и желал этого. Она еще раз повторила, что позовет меня, если ей что-нибудь понадобится; я лег на кушетку и забыл обо всем на свете.

Дневник Люси Вестерн

9 сентября

Сегодня вечером я чувствую себя совершенно счастливой. Все это время я была очень слаба, сегодня же я в состоянии двигаться, разговаривать и думать; у меня на душе точно солнышко выглянуло после пасмурных дней. Мне кажется, что Артур где-то очень, очень близко от меня – я чувствую его присутствие. Я знаю, где мои мысли. Если бы только Артур знал! Мой милый, милый! У тебя, наверное, звенит в ушах. О, благодатный покой прошлой ночи! Как хорошо мне спалось в то время, как этот славный доктор Сьюард дежурил около меня; сегодня мне тоже не страшно будет спать, раз он так близко, ведь я каждую минуту могу позвать его. Бесконечное спасибо всем за доброту ко мне. Благодарю тебя, Создатель мой! Спокойной ночи, Артур!

Дневник доктора Сьюарда

10 сентября

Почувствовав руку профессора на своей голове, я моментально проснулся и вскочил на ноги. Мы к этому приучились в больнице.

– Ну, что с нашей пациенткой?

– Ей было хорошо, когда я ее покинул, или, вернее, когда она меня покинула, – ответил я.

– Пойдем, посмотрим, – сказал он, и мы вместе вошли в ее комнату.

Штора была спущена; я пошел поднять ее, между тем как Ван Хельсинг тихо, на цыпочках, подошел к кровати.

Когда я поднял штору и солнечный свет залил комнату, я услышал глубокий вздох профессора. Я знал уже значение этого вздоха, и ужас охватил меня. Когда я подошел, то увидел, что его суровое лицо исказилось и побледнело. Я чувствовал, как задрожали мои колени.

Бедная Люси лежала в постели, по-видимому, в глубоком обмороке, еще бледнее и безжизненнее на вид, чем раньше. Даже губы ее побелели.

– Скорее, – сказал Ван Хельсинг, – принеси водки.

Я помчался в столовую и вернулся с графином. Мы смочили водкой ее губы и натерли ладони рук и область сердца. Он выслушал ее сердце и после нескольких тревожных минут сказал:

– Еще не поздно. Оно бьется, хотя и слабо. Весь наш прежний труд пропал; придется начать сначала. Юноши Артура здесь, к сожалению, больше нет; на этот раз мне придется обратиться к тебе, друг Джон.

Проговорив эти слова, он начал рыться в своем чемодане и вынул оттуда инструменты для трансфузии. Я снял сюртук и засучил рукав рубашки. Не было никакой возможности прибегнуть к усыпляющему средству, да, в сущности, и незачем было прибегать к нему; поэтому мы принялись за операцию, не теряя ни минуты. Некоторое время спустя Ван Хельсинг поднял руку, предостерегающе грозя мне пальцем:

– Тихо, не шевелись, – прошептал он, – я боюсь, что благодаря притоку сил и жизни она с минуты на минуту может прийти в себя, а тогда нам грозит опасность, ужасная опасность. Впрочем, я приму меры предосторожности. Я сделаю ей подкожное впрыскивание морфия.

И он принялся осторожно приводить свое намерение в исполнение. Морфий хорошо подействовал на Люси; благодаря этому средству обморок ее медленно перешел в сон. Чувство гордости охватило меня, когда я увидел, как нежная краска возвращается на ее бледные щеки и губы. Все-таки приятно сознавать, что принес хоть маленькую пользу любимой женщине. Профессор внимательно следил за мной.

– Довольно! – сказал он.

– Уже? – удивился я. – У Арчи ты взял гораздо больше!

Он грустно улыбнулся в ответ и сказал:

– Он ее возлюбленный, ее жених! А тебе придется немало жертвовать своей жизнью как для нее, так и для других; а пока – довольно.

Когда операция кончилась, он занялся Люси. Я же в ожидании, пока он освободится чтобы помочь мне, прилег на кушетку, так как чувствовал слабость и даже дурноту. Вскоре он и мне перевязал рану и послал меня вниз выпить стакан вина. Когда я выходил из комнаты, он нагнал меня и прошептал:

– Помни, никому об этом ни слова, даже Артуру, если он неожиданно придет сюда. Это может напугать его и вместе с тем возбудить ревность. Ни того, ни другого не нужно. Пока – все.

Днем Люси великолепно спала и, когда проснулась, то вид у нее был хороший, она казалась окрепшей, хотя все-таки выглядела хуже, чем накануне. Вид ее удовлетворил Ван Хельсинга, и он пошел прогуляться, строго наказав мне не спускать с нее глаз. Я слышал, что он в передней спрашивал, как ближе всего пройти на телеграф.

Люси мило болтала со мной и, казалось, понятия не имела о том, что с ней случилось. Я старался занимать и забавлять ее. Когда миссис Вестерн пришла ее навестить, то, по-видимому, не заметила в дочери никаких перемен и сказала мне:

– Мы так страшно обязаны вам, доктор Сьюард, за все то, что вы для нас сделали; но очень прошу вас не переутомляться. Вы сами выглядите бледным и осунувшимся. Вам нужна жена, которая немного поухаживала бы за вами; это вам необходимо.

При этих словах Люси покраснела, хотя всего только на секунду, так как ее опустошенные вены не могли надолго удержать столь неожиданного и непривычного прилива крови к голове. Реакция наступила мгновенно: Люси невероятно побледнела. Я улыбнулся и отрицательно покачал головой, приложив палец к губам, чтобы показать больной, что разговоры ей еще не разрешены. Ван Хельсинг вернулся через два часа и сказал мне:

– Теперь – скорей домой, поешь, выпей вина и подкрепись сном. Я тут останусь на ночь и сам посижу с маленькой мисс. Мы с тобой должны следить за ее болезнью – другим ни к чему об этом знать. У меня на это есть свои причины. Не спрашивай о них; думай, что хочешь. Можешь даже вообразить самое невозможное! Спокойной ночи.

В передней две служанки подошли ко мне и спросили, не нужно ли кому-нибудь из них посидеть у мисс Люси. Они умоляли меня позволить им это. Когда же я сказал, что доктор Ван

Хельсинг желает, чтобы только он сам или же я сидели у кровати больной, они начали просить меня поговорить с иностранцем. Я был тронут их любезностью. Моя ли слабость, забота ли о Люси вызвали в них такую преданность – не знаю, но время от времени мне приходилось выслушивать их просьбы. Я вернулся в лечебницу к позднему обеду; сделал свой обход – все благополучно. Тогда я прилег. Безумно хочется спать.

11 сентября.

Сегодня вечером я снова был в Хиллингеме. Ван Хельсинга я застал в хорошем расположении духа. Люси гораздо лучше. Вскоре после моего приезда принесли какой-то пакет Ван Хельсингу. Он нетерпеливо раскрыл его и показал нам целую кучу белых цветов.

– Это для вас, мисс Люси, – сказал он.

– О, доктор, как вы любезны!

– Да, моя дорогая, для вас, но не для забавы. Это лекарство.

Тут Люси сделала недовольное лицо.

– Нет, не беспокойтесь. Вам не придется принимать их в отваре или в чем-нибудь неприятном, так что вам незачем подергивать своим очаровательным носиком; не то я расскажу своему другу Артуру, сколько горести ему придется пережить, когда он увидит ту красоту, которую так любит, настолько искаженной. Ага, моя дорогая мисс! Это выправило ваш носик. Итак – цветы – целебное средство, хотя вы и не понимаете, какое. Я положу их на ваше окно, сделаю хорошенький венок и надену вам его на шею, чтобы вы хорошо спали. О да, они как лотос, заставят вас забыть все ваши горести. Они пахнут как воды Леты и фонтаны юности; сам конквистадор искал их во Флориде и нашел, но, к сожалению, слишком поздно.

Пока он говорил, Люси осматривала цветы и вдыхала их аромат. Затем, отбросив их и полуулыбаясь, полудосадуя, сказала:

– Ах, профессор, я надеюсь, что это милая шутка с вашей стороны. Ведь это простой чеснок!

К моему удивлению, Ван Хельсинг встал и сказал совершенно серьезно:

– Прошу со мною не шутить. Я никогда ни над кем не насмехаюсь. Я ничего не делаю без основания; и прошу вас мне не противоречить. Будьте осторожны, если не ради себя лично, то ради других.

Затем, увидев, что Люси испугалась, что было вполне понятно, он продолжал уже более ласково:

– О моя дорогая, маленькая мисс, не бойтесь меня. Я ведь желаю вам только добра; в этих простых цветах почти все ваше спасение. Вот посмотрите – я сам разложу их у вас в комнате. Я сам сделаю вам венок, чтобы вы его носили. Но – чур! Никому ни слова, дабы не возбуждать ничьего любопытства. Итак, дитя мое, вы должны беспрекословно повиноваться, молчание – часть этого повиновения, а повиновение должно вернуть вас сильной и здоровой в объятия того, кто вас любит и ждет. Теперь посидите немного смирно. Идем со мною, друг Джон, и помоги мне осыпать комнату чесноком, присланным из Гарлема³⁴. Мой друг Вандерпуль разводит эти цветы в парниках круглый год. Мне пришлось вчера телеграфировать ему – здесь нечего было и мечтать достать их.

Мы пошли в комнату и взяли с собой цветы. Поступки профессора были, конечно, чрезвычайно странны; я не нашел бы этого ни в какой медицинской книге: сначала он закрыл все окна, заперев их на затвор; затем, взяв полную горсть цветов, он натер ими все щели, дабы малейшее дуновение ветра было пропитано их ароматом. После этого взял целую связку этих цветов и натер ею косяк двери и притолоку. То же самое сделал он и с камином.

Мне все это казалось неестественным, и я сказал ему:

³⁴ Гарлем (нидерл. – Haarlem) – нидерландский город, столица провинции Северная Голландия.

– Я привык верить, профессор, что вы ничего не делаете без основания, но хорошо, что здесь нет скептика, а то он сказал бы, что вы колдуете против нечистой силы.

– Очень может быть, что так оно и есть, – спокойно ответил он и принялся за венок для Люси.

Мы подождали, пока Люси приготовилась ко сну; затем профессор надел ей венок на шею. Последние сказанные им слова были:

– Смотрите, не разорвите его и не открывайте ни окна, ни дверь, даже если в комнате будет душно.

– Обещаю вам это, – сказала Люси, – и бесконечное спасибо вам обоим за вашу ласку. Чем я заслужила дружбу таких людей?

Затем мы уехали в моей карете, которая меня ожидала. Ван Хельсинг сказал:

– Сегодня я могу спать спокойно, я в этом очень нуждаюсь, – две ночи в дороге, в промежутке днем – масса чтения, а на следующий день – масса тревог. Ночью снова пришлось дежурить, не смыкая глаз. Завтра рано утром ты придешь ко мне, и мы вместе пойдем к нашей милой мисс, которая, надеюсь, окрепнет благодаря тому «колдовству», которое я устроил. Ох-хо, хо!

Он так безгранично верил, что мною овладел непреодолимый страх, так как я вспомнил, как сам был полон веры в благоприятный исход и как печальны оказались результаты. Моя слабость не позволила мне сознаться в этом моему другу, но из-за этого в глубине души я страдал еще сильнее.

Глава одиннадцатая

Дневник Люси Вестерн

12 сентября

Как добры они ко мне! Я очень люблю доктора Ван Хельсинга. Удивляюсь, почему он так беспокоился из-за этих цветов. Впрочем, он должно быть, прав – мне при них как-то лучше стало. Как бы там ни было, меня уже не страшит теперь одиночество, и я могу без страха пойти спать. Я не стану обращать внимания на хлопанье крыльев за окном. А какой ужасной борьбы мне стоил сон за последнее время! Как счастливы те, жизнь которых проходит без страха, без ужасов, для которых сон является благословением ночи, и не доставляет ничего кроме сладких сновидений. Вот я лежу в ожидании сна, лежу как Офелия в драме, с венком на голове и вся в цветах. Раньше я никогда не любила запаха чеснока, но сегодня этот запах мне приятен! Что-то в нем мирное – я чувствую, что меня уже клонит ко сну. Спокойной ночи всем!

Дневник доктора Сьюарда

13 сентября.

Явился в Беркерли и застал Ван Хельсинга уже вставшим – вовремя, как всегда. Коляска, заказанная в гостинице, уже ожидала у дверей. Профессор забрал с собою свой чемодан, с которым он теперь никогда не расстанется.

Мы приехали в Хиллингем в 8 часов утра. Когда мы вошли, то встретились с миссис Вестерн, выходящей из своей комнаты. Она сердечно приветствовала нас и сказала:

– Вы будете очень рады, так как Люси лучше. Милое дитя еще спит. Я заглянула к ней в комнату и видела ее, но не вошла, боясь ее потревожить.

Профессор улыбнулся и сказал:

– Ага! Мне кажется, что я поставил верный диагноз. Мое лекарство действует, – на что она ответила:

– Вы не должны приписывать себе всего, доктор. Своим утренним покоем Люси отчасти обязана и мне.

– Что вы хотите этим сказать, сударыня? – спросил профессор.

– Я беспокоилась о милом ребенке и вошла к ней в комнату. Она крепко спала, так крепко, что даже мой приход не разбудил ее. Но в комнате было страшно душно, и я отворила окно. Там повсюду лежало так много этих ужасно пахнувших цветов, даже вокруг шеи у нее был обмотан целый пучок; и я решила, что этот тяжелый запах слишком вреден для милого ребенка при его слабости, так что я убрала цветы и немного открыла окно, чтобы освежить комнату. Вы будете очень довольны ею, я убеждена.

Она ушла в будуар, где обыкновенно завтракала. Я следил за лицом профессора и увидел, что оно стало пепельно-серого цвета. Он старался владеть собой в присутствии бедной леди, так как знал о ее болезни, – он даже улыбался, – но как только она ушла, он резко втолкнул меня в столовую и запер за нами дверь.

Тут я впервые увидел Ван Хельсинга в отчаянии. В немом ужасе он поднял руки над головой и закричал:

– Господи, Господи, Господи! Что мы сделали такого, чем провинился этот бедный ребенок, что у нас так много горя? Неужели проклятие, посланное самим дьяволом, тяготеет над нами, раз происходят такие вещи, да еще таким образом? Эта бедная мать совершенно бессознательно, думая все повернуть к лучшему, совершает поступки, которые губят душу и тело ее дочери! О, сколько у нас горя! До чего все дьявольские силы против нас!

– Идем, – заговорил он после минутной паузы, – идем, посмотрим, и будем действовать, один ли дьявол или их много – безразлично; мы все равно его победим.

Он бросился в переднюю за чемоданом, и мы вместе поднялись в комнату Люси.

Я отодвинул шторы, пока Ван Хельсинг подходил к кровати. На этот раз он не был поражен, когда взглянул на это несчастное лицо, покрытое той же самой ужасной восковой бледностью.

– Так я и знал, – пробормотал он. Затем, не говоря ни слова, он закрыл дверь и начал выкладывать инструменты для новой операции переливания крови. Я уже давно признавал необходимость этого и начал снимать свой сюртук, но он остановил меня жестом руки.

– Нет, – сказал он. – Сегодня вы будете делать операцию. Я буду объектом. Вы потеряли слишком много крови.

Снова операция, снова применение усыпляющих средств; снова возвращение красок пепельно-серым щекам и регулярное дыхание здорового сна. На этот раз я сторожил, пока Ван Хельсинг подкреплялся и отдыхал.

Иллюстрации для подарочного издания 1916 года.
Художник – Эдгар Альфред Холлоуэй.

«...Мы пошли в комнату и взяли с собой цветы. Поступки профессора были, конечно, чрезвычайно странны; я не нашел бы этого ни в какой медицинской книге: сначала он закрыл все окна, заперев их на затвор; затем, взяв полную горсть цветов, он натер ими все щели, дабы малейшее дуновение ветра было пропитано их ароматом...»

Он воспользовался первым представившимся случаем и сказал миссис Вестерн, чтобы она ничего не выносила из комнаты Люси, не посоветовавшись предварительно с ним; что цветы имеют ценность как лекарство, и что вдыхание их аромата входило в план лечения. Затем он сам взялся следить за ходом дела, сказав, что эту и следующую ночи он проведет у постели больной и что сообщит мне, когда прийти.

После двухчасового сна Люси проснулась свежая и веселая, нисколько не чувствуя себя хуже после ужасного испытания.

Что все это значит? Я уже начинаю бояться, не отражается ли на моем мозгу долгое пребывание среди умалишенных.

Дневник Люси Вестерн

17 сентября

Четыре спокойных дня и ночи. Я становлюсь такой сильной, что едва себя узнаю. Мне кажется, что я просыпаюсь после долгого кошмара.

Я только что проснулась, увидела чудное солнце и почувствовала свежий утренний воздух. Мне смутно припоминается долгое, тоскливое время ожиданий чего-то страшного; мрак, в котором не было никакой надежды на спасение, а затем – бесконечное забвение и возвращение к жизни, как у водолаза, вылезавшего из глубины вод на свет Божий. С тех пор, как доктор Ван Хельсинг со мной, все эти ужасные сны, кажется, прошли; звуки, которые обыкновенно сводили меня с ума, – хлопанье крыльев за окнами, отдаленные голоса, которые казались мне такими близкими, резкий звук, который исходил не знаю откуда и требовал от меня, сама не знаю, чего – все это теперь прекратилось. Теперь я нисколько не боюсь засыпать. Я даже не стараюсь не спать. Теперь я стала любить чеснок, и мне присылают каждый день из Гарлема целые корзины его. Сегодня д-р Ван Хельсинг уезжает, так как ему нужно на несколько дней в Амстердам. Но ведь за мной не надо присматривать; я достаточно хорошо себя чувствую, чтобы остаться одной. Благодарю Бога за мою мать, за дорогого Артура и за всех наших друзей, которые так добры. Я даже не почувствую перемены, так как вчера ночью д-р Ван Хельсинг долгое время спал в своем кресле. Я дважды заставляла его спать, когда просыпалась; но я не боялась заснуть снова, несмотря на то, что сучья или летучие мыши довольно сильно бились об оконную раму.

Сбежавший волк «Pall Mall Gazette» от 18 сентября

Опасное приключение нашего интервьюера. Интервью со сторожем Зоологического сада.

После долгих расспросов и постоянного упоминания в качестве пароля «Pall Mall Gazette» мне, наконец, удалось найти надсмотрщика того отделения Зоологического сада, где содержатся волки. Томас Билдер живет в одном из домиков, находящихся в ограде за жилищем слонов, и как раз сел пить чай, когда я к нему постучался. Томас и его жена очень гостеприимные пожилые люди, и если то гостеприимство, с которым они меня приняли – обычное для них явление, то жизнь их, должно быть, довольно комфортабельно устроена. Сторож отказался заниматься какими бы то ни было делами, пока не поужинает, против чего я не протестовал. Затем, когда стол был прибран и он закурил свою трубку, он сказал:

– Теперь, сэр, вы можете спрашивать меня о чем угодно. Вы мне простите, что я отказался разговаривать с вами о делах перед едой. Я даю волкам, шакалам и гиенам во всех отделениях их чай раньше, чем начинаю предлагать им вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.